

Анна Даркина

Школа
чувств

Annotation

Бывает, что чувства ещё не проснулись, а без них, например, нельзя изобразить страсть в танцах латина. И что делать? На помощь может прийти одноклассник, который не так-то прост, как тебе всегда казалось.

Проклиная себя за забывчивость, Маша влетела в школьную женскую раздевалку и резко затормозила, открыв рот от удивления.

Перед ней стоял голый Морозов, вернее, не совсем голый — на бёдрах было короткое махровое полотенце.

— Соловьёва, тебя стучать не учили? — мрачно спросил он, плотнее запахивая полотенце.

— А ты ничего не перепутал? — перешла Маша в наступление. — Это между прочим женская раздевалка.

— И что? Это не повод — вот так врываться.

— Кто же знал, что ты после уроков любишь принимать душ в раздевалке для девочек.

— В мужской все душевые заняты, а здесь всё равно никого нет, — буркнул в ответ Саша.

Только теперь она обратила внимание, что он был весь в капельках воды. А ещё она заметила широкий разворот плеч, развитые мышцы груди, кубики пресса над низко повязанным полотенцем и две тату на латыни, бегущие вниз по косым мышцам живота справа и слева. Маша проследила взглядом за тёмной дорожкой волос, которая начиналась чуть ниже пупка и исчезала всё под тем же полотенцем, и тут же вскинула глаза, когда услышала смешок Морозова:

— Что, Соловьёва, голых мужиков не видела?

Вопрос был задан с такими интимными интонациями, что Маше стало понятно: её пытаются вогнать в краску. Вот только долгие годы занятия танцами латина сделали её невосприимчивой к подобного рода подколам.

— И голых видела, и наглых тоже.

— Богатая у тебя жизнь, Соловьёва, насыщенная, — засмеялся Александр, наклоняясь за вторым полотенцем, лежащим на скамейке. Он взмахнул им, и Маше на миг показалось, что у Морозова за плечами выросли чёрные крылья. «Тёмный ангел», — внезапно подумалось ей.

— Ты не возражаешь, если я начну одеваться? — всё так же насмешливо спросил Александр у своей одноклассницы.

— Да ради бога, — Маша повернулась, чтобы выйти, и услышала за спиной:

— А ты чего приходила-то?

— С тобой, Морозов, обо всём забудешь!

Маша рассердилась и на себя, и на него. Вновь повернувшись лицом к Саше, она прошла вглубь раздевалки и забрала пакет с формой.

На выходе дорогу ей преградила рука Морозова:

— Забудешь, говоришь? А может вместе забудемся? — он так низко наклонился к ней, что она ощутила на своей щеке его тёплое дыхание. — Я, ты и никого вокруг...

Маша со всей силы ударила его кончиком туфли по лодыжке и с удовольствием увидела, как Морозов согнулся от боли и застонал:

— Ты дура, Соловьёва!

— А ты козёл! — гордо ответила Маша и вышла из раздевалки, не оглядываясь.

На крыльце школы её ждала подружка Настя.

— Ты чего там застряла?

— Да так, встретила кое-кого, — уклончиво ответила Мария. Почему-то рассказывать о Морозове не хотелось. Они учились в одном классе уже три года, и она никогда не обращала на Александра внимания. А тут вдруг внезапно увидела, что он красив: черные волосы, большие карие глаза, прямой нос, ямочка на подбородке, чётко очерченные тёмно-розовые губы. А внутренний голос услужливо нашёптывал: «И такие же тёмно-розовые соски на широкой груди, и плоский рельефный живот, на который ты уставилась так, будто впервые такое увидела!»

В свои восемнадцать лет Маша Соловьёва была теоретически подкованной девушкой в вопросах взаимоотношений с противоположным полом, но абсолютно невежественной в практическом плане. До сих пор ещё не нашёлся тот единственный, с которым ей бы захотелось встречаться. Иногда ей казалось, что она не полноценна в плане чувств. В то время, как её подружки в более раннем возрасте сходили с ума от Брэда Питта, Роберта Паттинсона, Джастина Бибера и им подобных, бегали на свидания и вздыхали по одноклассникам, она спокойно занималась латиноамериканскими танцами, учёбой, путешествовала по миру с родителями и не думала о мальчиках — ни о реальных, ни о виртуальных. Хотя, казалось бы, танцы латина предполагают проявление именно чувственности, но к своему партнёру Андрею Маша испытывала только глубокое уважение как к профессионалу — и только. Она не видела в нём мужчину. А вот во взгляде Морозова, которым тот её сегодня окинул, ей почудилось что-то животное и очень чувственное, что заставило даже смутиться, но она приписала это своей фантазии — книжек про любовь надо меньше читать. Маша была девушкой начитанной и имела представление о поцелуях и ласках из многочисленных классических и современных романов о любви. Только в жизни ей пока не удалось применить эти теоретические знания.

— О чём мечтаем? — вернул её в реальность голос лучшей подруги.

— Слушай, — не к месту, казалось бы, спросила Мария, — а наша школьная баскетбольная команда когда тренируется?

— Да каждый день после уроков! — Даша знала о команде старшеклассников всё, тем более среди игроков был её парень, ученик из параллельного Б класса. — Сейчас ведь начинаются групповые игры школьной баскетбольной лиги. В субботу и воскресенье первые встречи, вот они усиленно и готовятся.

— А что это вдруг ты заинтересовалась ими? — Даша даже остановилась. Она хорошо знала подругу и понимала, что должен быть повод для подобного вопроса.

— Просто спросила.

— Просто?

— Да, просто, без всякой задней мысли. А ты пойдёшь посмотреть на своего Мишу?

— Обязательно!

— Может, тоже сходить? — как бы в раздумье произнесла Маша.

Даша уставилась на неё, как на инопланетянку:

— Вау! Что-то здесь не так. Ты серьёзно?

— Ещё не знаю.

— Кто он?

— Кто?

— Ну тот, ради кого ты готова пойти субботним вечером на игру, которую терпеть не можешь?

— Да никого нет. С чего такие фантазии? — удивилась Маша.

— Ладно, сделаю вид, что поверю, но всё равно дознаюсь, кому это из наших посчастливилось тебя заарканить, — поджала губы Даша.

— Я что — лошадь? Заарканить. Просто дома скучно в субботу сидеть.

— Да, да, я тебе верю, — засмеялась Даша, — вот раньше не было скучно, а тут вдруг — бац! И скучно.

— Даш, ну правда, никого нет, — пыталась образумить подругу Маша, но ту уже было не остановить. А если Даша что-то для себя определяла первоочередной задачей, то не отступала от неё до полного решения.

В пять часов у Морозова был репетитор по обществознанию на другом конце города от бассейна, где Саша только что провёл тренировку. Занятия баскетболом и плаванием вызывали приятную усталость, отвлекали от ежедневной рутины. Мать постоянно твердила, что пора сосредоточиться на учёбе, что это последний школьный год, впереди ЕГЭ и нужно набрать как можно больше баллов, чтобы поступить на бюджет. Зарплата мастера из салона красоты не позволила бы ей оплатить место сына в универе. Но он и не переживал — отец заплатит. Тот жил со своей новой семьёй в Германии и до недавнего времени отделялся небольшими алиментами. Но вдруг года два назад стал очень щедрым: ежемесячно переводил на карту своей бывшей жены значительные суммы, курьерской почтой отправлял сыну дизайнерские вещи и навороченные гаджеты, а прошлым летом оплатил поездку по Европе. Вот тогда, встретившись в пригороде Мюнхена — в Эрдинге — с новой женой отца, Саша всё и понял. Татьяна оказалась лёгкой в общении женщиной, которая когда-то сама осталась одна с дочкой — подростком на руках и помнила, как ей тяжело было собирать по крохам деньги на образование, отказывая во всём себе самой. Поэтому она и убедила своего мужа, отца Саши, что тот просто обязан сделать всё, чтобы его сын прилично закончил школу, получил хорошее образование и не чувствовал себя обделённым.

Обиды на отца у Морозова-младшего не было, родители разошлись давно и не Татьяна была тому причиной, поэтому помощь отца принял легко. Но всё-таки, чтобы не огорчать мать, старался учиться хотя бы на четвёрки, в отличники не рвался, уроки пропускал дозированно. Его основная жизнь проходила или на баскетбольной площадке, или в бассейне, или в качалке, занятия в которой частенько заменялись драками стенка на стенку с группировками из других районов города. Но это была совсем уж тайная жизнь Морозова, о которой даже не все одноклассники знали, не то что мать и совсем уж посторонние, хоть и знакомые люди.

Сегодня был спокойный день, без напрягов. Даже к репетитору, преподавателю из универа, Морозов приехал чуть раньше положенного и решил зайти в магазин купить какой-нибудь батончик и бутылку воды — после тренировки ему всегда хотелось есть, но он знал, что не стоит позволять себе набивать живот перед учёбой, потому что после такого его всегда тянуло в сон.

Он повернул в очередной торговый ряд супермаркета и нос к носу столкнулся со своей одноклассницей.

— Соловьёва! — весело присвистнул он. — Ты никак меня сегодня преследуешь?

Он увидел искреннее изумление в её глазах:

— Тебе мячом, видимо, сегодня часто в голову попадали, — отрезала она.

— Не-а, ни разу, — ему захотелось её подразнить. — Нет, правда, ты за мной охотишься

что ли?

— Откуда такие дикие мысли?

— Ну а что ты тут делаешь — на другом конце города?

— А ты? Кажется, тоже не тут живёшь?

— У меня репетитор.

— А у меня танцы.

— Русские народные что ли? — веселился Морозов.

— Блатные хороводные, — отвернулась от него Маша.

— Нет, правда, какие танцы?

— Латиноамериканские, — снизошла до ответа девушка.

Александр вдруг вспомнил, как случайно наткнулся на программу какого-то международного конкурса и увидел самбу в исполнении чемпионов мира. Тогда его поразила страсть, которая чувствовалась в каждом движении танцоров, а теперь оказывается эта Соловьёва вытворяет что-то подобное со своим партнёром. Он с интересом посмотрел на неё. Тоненькая, очень женственная фигура, спинка прямая, тёмные волосы собраны в низкий пучок на затылке, открывая длинную шейку, гордый поворот головы.

— И самбу танцуешь? — для чего-то спросил он.

— И румбу, и пасодобль, — нетерпеливо ответила она. — Извини, некогда мне с тобой болтать.

К кассам они так и шли: она впереди, быстро постукивая каблучками по плитам пола, он за ней, не отрывая глаз от её покачивающихся бёдер. У дверей магазина она повернула направо к огромному стеклянному зданию, в котором и располагалась танцевальная студия, а он, чуть помедлив, повернул налево, быстро перестраивая свои мысли с девичьих прелестей на общественное.

— Один, два, три и четыре, пять и шесть... Молодцы! Репетиция закончена. Всем до свидания до четверга. Маша и Андрей, ко мне.

Преподаватель по танцам Лидия, отвернувшись от своих воспитанников, вынимала флешку с музыкой.

— Мне не очень понравилось, — начала она без предисловия. — Через месяц межрегиональные соревнования, а я вижу двух печально трепыхающихся танцоров.

Маша опустила глаза и искоса взглянула на Андрея, застывшего с высоко поднятой головой. Его всегда задевали слова критики.

— Где страсть? На голой технике далёко не уедешь. Мария, ты же ему в танце должна отдаваться, а вместо этого двигаешься, как робот. Для С класса ты просто позор!

Всё правильно. Но Маша не могла изобразить то, чего не чувствовала. Была поменьше — играла, и ей верили. Перешла в молодёжь — и всё. Нет драйва, нет интимности.

— Ладно, свободны до четверга, — небрежным движением руки Лидия отпустила их.

В общем предбаннике перед раздевалками и душевыми Андрей задерживает Машу за руку.

— Ты знаешь, что эти соревнования важны для меня?

— Знаю, — вздыхает Маша.

— Ты уж постарайся. Давай, что ли, на свидание сходи, влюбись уже в кого-нибудь, если я тебе неинтересен...

— Андрей, не начинай. Я постараюсь всё исправить, но влюбиться к соревнованиям — это бред.

— Сам знаю, но ты попробуй.

До остановки минута ходу. Маша точно знала, когда приходит её автобус, но сегодня из-за задержки после репетиции чуть не опоздала. В последнюю минуту вскочив на подножку, услышала, как с шипением закрываются за спиной двери. Не глядя села на свободное сидение у окна и тут же услышала знакомый голос:

— Офигеть! Соловьёва! Это судьба — третий раз за день, не считая уроков.

Перед ней снова сидел Морозов. Он широко расставил ноги, опёрся руками на колени и наклонился к ней:

— Ты это специально подстроила?

— Морозов, отвали.

— А может ты ко мне неровно дышишь и потому преследуешь?

— Много чести. Все экономические системы выучил?

— А ты вдоволь бёдрами навиялась?

Маша с тоской подумала, что зря она ему сказала про танцы латина. Похоже, в его ограниченную голову ничего, кроме пошлых картинок, не умещается.

— Я профессиональный танцор, а не стриптизёрша.

Морозов засмеялся:

— А я бы с удовольствием посмотрел в твоём исполнении Go-go!

Она вспыхнула. Почему-то в танцзале она не воспринимала этот танец как что-то

непристойное, но тут вдруг смутилась.

— Хватит, ладно? — устало попросила она и откинулась на спинку сидения.

— Платить за проезд будете или так и продолжите ворковать? — сварливо спросила кондукторша, подойдя к ним.

Маша торопливо зашарила по карманам.

— Вот, на два билета, — услышала она и увидела, как одноклассник ей подмигнул.

— Спасибо, вот возьми, — она протянула ему деньги.

— Соловьёва, ты совсем дура? Я себя джентльменом тутставляю, а ты суёшь мне презренный металл!

— Меня вообще-то Машей зовут, — сказала она тихо и серьёзно, смотря ему прямо в глаза.

— А меня Александром, — так же серьёзно ответил он и тут же расплылся в дурацкой улыбке, — вот и познакомились, Соловьёва!

Она отвернулась и стала смотреть в окно. Семь часов сентябрьского вечера. Уже сумеречно и таинственно. Неопределённое время, время свиданий и робких поцелуев, как сказал когда-то Андрей, пытаясь за ней приударить.

— Маш, с тобой всё в порядке?

— Наверное, да.

— Но ты не уверена?

Она неопределённо качает головой и вновь погружается в странное состояние. Оно будто приграничное, между реальным и иррациональным. Понимание, что должно произойти её внутреннее изменение, вдруг становится особенно ярким. И как будто перед ней прокручивают кинофильм, где она врывается в раздевалку, видит голого Морозова... Она поднимает глаза на него и ловит в его взгляде ответное понимание, которое тут же растворяется, потому что он произносит:

— Ты ненормальная.

— Сам дурак, — Мария достаёт смартфон и погружается в виртуальный мир новостей и слухов.

На остановке он выходит за ней.

— Тебе разве здесь выходить? — удивляется она.

— Нет, но я тебя провожу.

— Зачем? Я всегда прекрасно одна дохожу до дома.

— А сегодня также прекрасно дойдёшь со мной. Ты сама не своя. Я такой тебя ещё не видел. Что же всё-таки случилось?

— Понимаешь, — вдруг начинает она откровенничать с человеком, который ей абсолютно чужд, — скоро межрегиональные соревнования, а у меня танец не получается.

— Делов-то?! — усмехается Морозов. — Побольше тренировок, то есть репетиций — и всё получится.

— Да нет, с техникой всё в порядке. Драйва нет.

— А что так? Перегорела?

— Да нет. Просто латина — это страсть, это чувственность, это понимание партнёра с полудвижения. В этом надо вариться постоянно. А у меня не получается.

— Что именно не получается?

— Страсть.

— А в чём проблема? Вспомни, как тебя целовали, обнимали, ласкали, и вот оно,

ГОТОВО.

Она останавливается и смотрит на Александра:

— Меня никто не целовал и не ласкал.

— Ты гонишь? — выдыхает он, не веря свои ушам. — Ты даже не целованная?

— Всё, забудь, проехали.

— Нет, это правда? — он догоняет её и разворачивает к себе.

— Целованная, только отвяжись.

— Ага, мамой и папой в детстве, — смеётся он.

— Морозов, что тебе от меня надо? Ты достал уже за этот день так, как никто меня никогда не доставал.

— А хочешь, я тебя поцелую? — вдруг спрашивает он.

— Зачем?

— Чтоб у тебя драйв появился или что там тебе надо для выступления.

— Чувства нужны.

— А давай попробуем? — вдруг очень тихо спрашивает он.

Маша смотрит на него снизу вверх и не может понять, серьёзно он говорит или это опять его шуточки.

— А ты сам-то умеешь целоваться?

— Сейчас покажу.

Саша одной рукой обхватывает её за плечи и прижимает к себе, а другой поднимает подбородок и вдруг накрывает её губы своими, большими, мягкими, тёплыми, проводя языком по сомкнутой линии. Он начинает поочерёдно посасывать Машины губы, а она вдруг вспоминает, что во всех прочитанных книгах, героиня раскрывала губы навстречу поцелую, что тут же и сделала сама.

Морозов быстро отстранился от неё, не в силах скрыть удивление:

— Не целованная, говоришь? Ладно врать!

— Книжек много читала, — почему-то смутившись, отвечает Маша.

Александр сначала не понимающе смотрит на неё, а потом начинает громко заразительно смеяться. Она, поддавшись этому непонятному веселью, скоро присоединяется к нему, и они хохочут в два голоса, пока над их головами не открывается окно и не слышится сердитый голос:

— А ну пошли отсюда, наркоманы несчастные.

— Сама иди, сука старая, — тут же отвечает Александр, но быстро хватает Машу за руку и уводит дальше по улице.

— Тебе хоть понравилось? — спрашивает он, когда они уже почти дошли до дверей подъезда Соловьёвой.

— Не знаю, — откровенно говорит она. — Мне кажется, для поцелуя важны ещё и чувства, а без них нет и удовольствия.

— Ты, Соловьёва, уникам. Мне ещё такого бреда ни одна девчонка не говорила.

Она отстраняется от него:

— Извини, у меня не такой богатый опыт, как у тебя, всего один странный поцелуй и тот несколько минут назад, но я не привыкла врать. И если я ничего не почувствовала, то я так и сказала.

— Так я что, и правда первый, кто тебя поцеловал? — теперь Морозов удивлён по-настоящему.

Она молчит, потому что чувствует, как зарождается что-то новое и в ней самой, и между ними. Маша не может этого объяснить рационально, но что-то нашёптывает ей: «Сейчас произойдёт то, чего ты так долго ждала. Не отталкивай его! Это твоё, удержи!»

Он берёт её за руку и прижимает к своей груди:

— Послушай. Чувствуешь, как бьётся? Это от одного единственного поцелуя с тобой. А представь, если бы я был в тебя влюблён, что бы со мной творилось? А у тебя даже сердцебиение не участилось?

И он без всякого предупреждения и разрешения положил свою ладонь на её правую грудь. Маша отскочила от него в сторону и зашипела:

— Что ты себе позволяешь?

— Ну извини, — развёл руками Морозов, — не думал, что это так тебя испугает.

— Я не испугалась, просто всему есть пределы.

— Да ты меня несколько минут назад чуть не засосала, а теперь говоришь о каких-то пределах?!

— Странный сегодня день, — трёт лицо Маша, — раздевалка, магазин, автобус — и везде ты. И не просто «привет — пока», а с разговорами по душам.

— А может это знак? — вполне серьёзно отвечает Саша. — Может, я послан тебе для того, чтобы спасти вашу танцевальную программу?

— Как это?

— Давай заключим соглашение: мы будем с тобой встречаться, вести себя как влюблённые, и, может быть, в тебе проснётся та чувственность, которой не хватает для танца.

— Я не заключаю, такие нелепые пари.

— А я и не говорю, что это пари. Это простое соглашение — на месяц, на два, три...

— И ты не будешь ко мне постоянно лезть с поцелуями...

— ...если только сама захочешь.

— И ты не будешь пытаться меня облапать?

— Только если тебе самой этого захочется.

— А тебе-то зачем это? У тебя же, наверное, девушка есть?

— Сейчас как раз нет. А ты мне сегодня очень понравилась. Тем более у меня ещё никогда не было нецелованной подружки, а это, знаешь ли, заводит. А как ты смотрела на меня в раздевалке — ух!

— Как это я смотрела?

— Ты меня раздевала глазами, просто скидывала с меня полотенце — я даже смутился поначалу.

— Враньё!

— Правда, правда.

Он заправил ей за ухо прядь волос, и этот простой и одновременно интимный жест почему-то заставил Машу смутиться. А вдруг и правда этот большой, сильный и красивый парень сможет пробудить в ней женские чувства, которые до сих пор где-то там дремлют и не стремятся себя проявить.

— Хорошо, — согласилась она, — давай попробуем.

— Спасибо за доверие, — шутливо поклонился Саша, но тут же серьёзно добавил:

— Но это соглашение только между нами, хорошо?

— Да, конечно.

— Тогда до завтра. Ты во сколько выходишь из дома?

— В восемь, а что?

— Я встречу тебя здесь, и мы пойдём вместе.

— Романтично.

— Нормально, — возразил он.

Когда Маша уже открыла калитку, он вдруг подошёл к ней сзади, обнял, крепко прижав спиной к животу, и нежно поцеловал в шею.

— Это бонус, — ответил он на не высказанный вопрос, — спокойной ночи, любимая.

И посмеиваясь, ушёл.

P.S. Дорогие читатели, стоит ли продолжать? В принципе, написано уже много. Но интересно ли будет читать?

Прощаюсь до понедельника. От Интернета буду оторвана:(

Единственная дочка директора завода металлоконструкций Союзсталь Андрея Петровича Соловьёва жила в роскошном новом малоквартирном доме, окружённом высоким кованым забором.

Серым сентябрьским утром Александр стоял возле калитки в ожидании Маши и хмуро рассматривал её дом. На стоянке дремлют очень пафосные машины, в сторожевой будке охранник с погонами. Куда ты лезешь, Морозов? К чьей дочке? Вчерашняя идея вдруг показалась ему не просто ребячеством, а самой большой глупостью, которую он совершал в своей жизни. Да, Соловьёва милая, даже красивая, но высокомерная девица. Ну и пусть ею занимается кто-нибудь другой, да хотя бы её партнёр по танцам. Надо будет сегодня ей об этом сказать: извини, мол, но посмеялись и хватит.

В этот момент дверь подъезда открылась, и во дворе появилась Маша. Он смотрел, как она приближается к калитке, и понимал, что ничего ей не скажет. Сегодня она показалась ему не просто привлекательной, а очень красивой: светло-голубое пальто до колен, на стройных ножках синие ботильоны, тёмные волосы распущены и лежат тяжёлой волной на плечах. Саша всматривается в её лицо, боясь увидеть на нём отражение своих недавних мыслей: вдруг она тоже утром подумала о ненормальности их соглашения?

Маша выходит за калитку, подходит вплотную к Морозову и просто произносит:

— Привет.

А потом поднимается на цыпочки и целует Сашу в щёку.

— Ну привет, Соловьёва, — ошарашенно отвечает он. — Что это было?

— Мы же с тобой пара? Или ты уже передумал?

— С тобой, Соловьёва, трудно передумать...

— Маша.

— Что?

— Не Соловьёва, а Маша, — поправляет его девушка.

— Ну да, Маша плюс Саша, — задумчиво произносит он, — значит, игра начинается?

— Конечно, — улыбается Мария и идёт в сторону школы.

Возле школьной раздевалки стояли парни из баскетбольной команды в полном составе. «Ну что, игра началась!» — с каким-то злым весельем подумал Александр и приобнял Машу за плечи:

— Я помогу.

Он аккуратно вешает пальто, стряхивает несуществующую пушинку с её плеча и целует в висок:

— До встречи на уроках.

Она смотрит на него смеющимися глазами:

— Хорошо.

— И готовься, — предупреждает он.

— К чему?

— Мы с тобой только что столько поводов для сплетен дали, что наши имена будут трепать и на уроках, и на переменах.

— Я об этом не подумала, — смущается она.

— Испугалась?

— Нет, — гордо вскидывает она голову.

Он наконец-то подходит к парням, здороваясь и ожидая расспросов, которые не заставляют себя ждать.

— Ты что, с Соловьёвой мутишь теперь? — озвучивает общий вопрос Гарик.

— Да, — коротко отвечает он, не желая вдаваться в подробности.

— И давно?

— Со вчерашнего дня.

— И как она?

— Что конкретно интересует?

Парни ржут.

— Ну я же не про её кулинарные способности спрашиваю.

— Ещё не знаю, — честно признаётся Александр.

— Даже не сосались?

— Пока нет, быстро всё как-то получилось, — он смотрит вслед Маше и не хочет признаваться друзьям, что его первый поцелуй с этой девушкой потряс его, но не её. Для него это необычно, а потому требует перепроверки. «Вот сегодня ещё раз и проверим», — усмехается он.

Машу Морозов догоняет у кабинета математики.

— Садимся вместе, — сообщает он.

— Почему? — удивляется она.

— Потому что ты моя девушка, — он смотрит на неё, как на ребёнка, — а это значит, что мы вместе — везде.

— Как всё сложно, — вздыхает она, — но мне нравится. Это так романтично. Может, ещё за руки возьмёмся?

— Нет, лучше так.

Он пропускает её в двери класса и уже там крепко обнимает за плечи и ведёт к последней парте. В классе тишина, все взгляды обращены на них.

— Всем хай, — весело обращается к одноклассникам Морозов и подталкивает Машу к парте:

— Сюда.

Она садится, не поднимая глаз.

— Эй, да ты побледнела, — испуганно обращается к ней Саша.

— Это от волнения, у меня такое бывает, сейчас пройдёт.

— На, попей водички, — он протягивает ей бутылку с водой.

Он и не подозревал, что появление с ним в обнимку так сильно нервирует её. Вот ведь тепличный цветок! Он накрывает ладонью её руку, лежащую на колене. Сначала Маша дёргается, пытаясь вырваться, но он сильнее прижимает руку и нежно поглаживает большим пальцем её запястье:

— Всё нормально, расслабься.

И этот его шёпот вдруг изменил всё вокруг. Маша по-настоящему почувствовала себя его девушкой. Столько переживания было в его голосе и столько нежности в прикосновении рук, что девушка перевернула свою руку ладонью вверх, переплела пальцы с его и смело посмотрела в лицо Саши. Он ей подмигнул и улыбнулся во весь рот.

Они смотрятся очень странно.

Он, огромный, широкоплечий, двухметрового роста, привлекает внимание своей жёсткой красотой: чёрные волосы, чёрные брови вразлёт, карие, почти чёрные глаза, хищный изгиб розовых губ. Он излучал силу и уверенность, казался опасным и оттого был притягательным для девушек.

Она едва доставала макушкой до его подбородка, хотя для девушки у неё был высокий рост. Тонкая фигура могла полностью скрыться за Александром и остаться незамеченной. Но это не была фигура подростка, это была фигура вполне оформившейся женщины: высокая грудь, тонкая талия, крутые бёдра, длинные стройные ноги. Маша знала свои достоинства, но не предполагала, какое впечатление может производить на противоположный пол. Её эмоциональная спячка продолжалась и сейчас. И перевёрнутая ладонь — это всего лишь жест благодарности Саше за поддержку. Но он это расценил по-другому. Правда, мысли каждого остались при них.

Он отпускает Машу от себя только на большой перемене, понимая, что ей сейчас просто необходимо объясниться с подружками и удовлетворить их повышенный интерес.

Их школа огромная, новая, с одной сменой, поэтому и обеденный перерыв у них длится полчаса.

Девчонки окружили Соловьёву сразу же, как только Саша скрылся за дверями столовой.

— Ты и Морозов? — недоумённо тянет Оля. — У меня в голове не укладывается.

— Как такое вообще возможно? — вторит ей Настя.

— А почему это вас так удивляет? — задаёт Маша кажущийся ей вполне резонным вопрос.

— Потому что вы разные! Абсолютно разные!

— Ну, противоположности притягиваются...

— Он человек улицы. Он боец. У него дурная репутация.

— В смысле дурная? Бандит что ли?

— Да нет, подраться он может, ты же знаешь наши городские группировки по районам — вот он считается лучшим бойцом. Но ни в чём серьёзном не замешан.

Оля знала, о чём говорила, её отец был большим начальником в областном УМВД.

— А вот с девушками он не очень церемонится, — продолжила подошедшая Даша. — Помнишь Алину, которая перешла в другую школу в прошлом году?

— Помню, а что с ней.

— Говорят, из-за Морозова. Ходили слухи о беременности, но вроде бы не подтвердились.

— И почему она перевелась? — заинтересовалась Маша.

— Так он ей такую травлю устроил, что она сбежала.

— А травля из-за чего?

— Ой, да кто ж его знает! Он просто злым становится, когда ему кто-то отказывает или перечить начинает. Тебе это надо?

— Ну, кроме слухов вы ничего предъявить ему не можете, — подвела итог Маша.

— Он девушек меняет раз в три месяца, — вставила свои пять копеек Настя. — Хочешь быть очередной.

Соловьёва вспомнила вчерашний разговор: «Это простое соглашение — на месяц, на

два, три» — и произвольно фыркнула: неужели и с ними со всеми он заключал такие же соглашения.

— Странная у тебя реакция, — заметила Даша.

— Нормальная для влюблённой дуры, — объяснила Настя. — Потом не плачь у меня на плече.

— Не буду, — улыбнулась Мария, уверенная, что такого уж с ней точно не случится. И не потому, что Морозов её не бросит, а потому что влюблённой она себя не чувствовала. И влюбляться в него не собиралась. Она ждала, что с его помощью сумеет ощутить физическое влечение — и только. Ведь его тело после душа до сих пор казалось ей прекрасным и волнующим.

До конца недели Маша и Александр постоянно были вместе на протяжении всех уроков, потом каждый занимался своими делами, чтобы вновь встретится утром возле дома Соловьёвой.

В пятницу после уроков Саша пошёл провожать девушку домой.

— Тебе не кажется, что наш план зашёл в тупик? — спросил он у Маши по дороге.

— В тупик? Вроде бы всё идёт как идёт.

— Вот именно, уныло и бесполезно. Мы с тобой общаемся только в школе, одного держания за руки и поцелуев в щёчку на людях маловато для твоего обучения.

— А ты что предлагаешь, сразу в постель? — подозрительно посмотрела на него девушка.

— Ух, какое у тебя развратное направление мыслей, — засмеялся Саша, закидывая голову назад, — но мне нравится. Что, тоже в книжках вычитала?

— Хватит меня троллить, — хмурится Маша, — даже если вычитала, то что?

— А мне интересно, — он встаёт перед ней и начинает пятиться, — расскажи, как там в постели надо себя вести по книжкам.

— А то ты сам не знаешь?

— В теории не силён, — ухмыляется он, — только в практике. А у нас вроде бы договор именно о практической стороне.

— Тогда сам возьми и прочитай, если тебе теории не хватает.

— Я хочу от тебя это услышать. Вот двое оказываются в одной кровати — и что? Они уже голые или по ходу дела раздеваются? Они сначала обнимаются, целуются или сразу начинают трахаться? А что при этом полагается говорить? Или они молча, как кролики, это делают?

Маша остановилась.

— Ты меня смущаешь.

— Может, я этого и добиваюсь. Может, хочу вогнуть тебя в краску, чтобы твоё сердце забилось быстрее, чтоб твоё либидо проснулось. Может, хочу, чтобы ты представила нас с тобой в постели...

— Тебе это удалось, ты заставил меня почувствовать себя глупой и неумелой. Ты доволен? — тихо произнесла Маша.

Морозов замолчал и прикусил губу, потом шагнул вперёд и притянул к себе девушку:

— Прости меня, я просто молол всё подряд, не думая, как ты это воспримешь.

Он посмотрел вниз:

— Можно я тебя поцелую?

Маша чуть помедлила, но всё же согласно кивнула и подняла лицо навстречу его губам. Александр едва коснулся её виска, проложил дорожку из поцелуев по щеке к подбородку и добрался до губ. Они уже были доверчиво приоткрыты, и он чуть помедлил, запоминая их цвет, форму, чтобы тут же нежно прижаться к её рту. Он скользил по её верхней губе, чуть пососал нижнюю, потом втянул в себя обе. Но ему уже было мало этого поверхностного поцелуя. Саша попробовал провести языком по нижней губе девушки, потом по её зубам, потом...

— Бесстыдники, уже днём лизутся! — услышал он ворчливый голос какой-то бабки, идущей из магазина с полным пакетом.

— И вам не хворать, — бросил он бабке, отрываясь от сладких губ. Маша спрятала своё лицо у него на груди.

— Стыдно-то как!

— Ничего стыдного, — погладил он её по голове. — Только прекрасно!

— У тебя сердце забилось быстрее, — сообщила она, продолжая прижиматься к его груди.

— Я знаю. Ты меня заводишь.

— То есть я тебе нравлюсь? — она заглянула ему в лицо.

— Соловьёва, ты иногда ставишь меня в тупик своими детскими вопросами. Конечно, ты мне нравишься. Стал бы я с тобой так заморачиваться, если бы ты мне не нравилась. Ты красotka!

— Ты тоже.

— Я тоже красotka? — удивился Саша.

— Ты мне тоже стал нравится.

— Стал? А раньше, значит, не нравился.

— Раньше я просто не обращала на тебя внимания, — пожала плечами Маша.

— Да, Соловьёва, я самый незаметный чел в нашем классе.

— Но ведь заметила.

— Ага, в раздевалке, после душа. Эх, надо было мне тогда как бы между прочим полотенце сбросить. Тогда бы ты меня на всю жизнь запомнила.

— Знаешь, я была на многих танцевальных конкурсах по латине, и мы иногда переодевались по несколько пар в одной гримёрке, где было не развернуться. Я видела мужские тела совершенно без всего — и меня это не смущало. Но стоит тебе начать подкалывать меня из-за этого случая в раздевалке, и я смущаюсь.

— Ну это нормально, — Саша прижался губами к её маленькой ладошке, — там были посторонние мужики, а тут я, любовь всей твоей жизни.

— Сколько самоуверенности! А почему ты, любовь всей моей жизни, попросил разрешения меня поцеловать?

— Маш, ты хоть запоминай, о чём договаривались: без твоего разрешения я тебя ни обнимать, ни целовать не должен.

Мария помолчала, а потом робко улыбнулась:

— Думаю, в следующий раз можешь не спрашивать.

— Ну-ка, ну-ка, — парень отодвинул её от себя и внимательно осмотрел с ног до головы, — это та самая Маша или её кто-то подменил? Неужели ты мне даёшь карт-бланш?

Она кивнула.

— Понравилось со мной целоваться? — серьёзно спросил Морозов.

— Тебе обязательно об этом меня спрашивать? Ты сам не можешь понять, понравилось мне или нет? Морозов, я тебя ненавижу!

Она ударила его кулачком по груди и быстро пошла вперёд, сдерживая слёзы. Ну почему так получается? Стоит только что-то почувствовать к человеку, как он всё превращает в хохму. А ведь у неё не просто потеплело в груди во время поцелуя, ей захотелось обнять Сашу, прижаться к нему и ответить на поцелуй...

Бах! И она уже не идёт вперёд, а летит назад, но приземляется не на асфальт, а в объятия Морозова.

— Прости меня, Маша, и не убегай.

Он прижимает её к себе, потом подхватывает под бёдра и поднимает над собой:

— Посмотри на меня сверху и скажи, что я дурак.

— Ты дурак!

— И что ты меня прощаешь.

— Но я тебя прощаю.

Он осторожно поставил девушку на землю и быстро поцеловал в губы.

— Вот видишь. За последние пятнадцать минут мы с тобой продвинулись дальше, чем за предыдущие несколько дней. Нам с тобой не хватает вот такого неформального общения. Нам нужно полноценное свидание.

— Свидание? — переспросила Маша.

— Да. У нас тобой такой плотный график занятости после школы, что мы не успеваем побыть вместе. Давай попробуем.

— Давай, — загорелась этой идеей девушка, — настоящее свидание!

— Тебя что же, моя хорошая, никто до этого момента на свидания не приглашал?

— Нет.

— Как приятно...

— Ты опять смеёшься надо мной?

— Нет, не смеюсь. Приятно, говорю, быть первопроходцем. Я первый, кто тебя поцеловал, первый, кто пригласил тебя на свидание, надеюсь, буду первым, кто лишит тебя девственности.

— Пошляк! И не мечтай, этого не будет.

— Посмотрим.

— И смотреть нечего.

— Ладно, пока рано об этом говорить. Вот влюбишься в меня, как кошка, сама попросишь, а я ещё подумаю.

— Дурак!

— Этот факт мы уже несколько минут назад прояснили. Теперь о свидании. О первом твоём свидании. Предлагаю встретиться завтра.

Мария задумалась. Суббота вроде бы свободна, но что-то она хотела сделать...

— У тебя ведь завтра игра, так?

Он с интересом посмотрел на неё и ухмыльнулся:

— Никогда не думал, что ты интересуешься моими делами. Да, завтра играем с 79 школой и 112-м лицеем.

— И как же свидание.

— Машенька, это ведь не на весь день затянется. Первая игра в одиннадцать часов, вторая в полтретьего. Весь вечер наш.

— А можно я приду посмотреть?

— Посмотреть игру?

— Посмотреть, как ты играешь.

— Мне было бы приятно, — признался он. — Будешь моим счастливым талисманом.

— А если проиграешь?

— Я? — искренне удивляется Саша. — Ты меня плохо знаешь. К тому же я не один, у нас лучшая команда ШБЛ в городе. А теперь ещё и такой симпатичный талисман появился.

— А с чего ты взял, что я буду счастливым талисманом?

— Потому что с тобой всегда легко.

А ему действительно с ней легко. Её непосредственность и некоторая наивность будоражат воображение. К ней приятно прикасаться, её сладко целовать, но самое замечательное — это видеть, как в ней пробуждается женщина, постепенно, несмело, но пробуждается.

Весь его сексуальный опыт подсказывал, что здесь нужно быть очень терпеливым. Маша только на словах такая свободная и раскованная, но когда дело касается даже невинных поцелуев, становится робкой и испуганной. И это так возбуждает, что Морозов сам себя уже начинает себя бояться.

Игры Школьной Баскетбольной Лиги в субботу проходили в спорткомплексе «Старт». Мария сидела среди болельщиков своей школы рядом с Настей, которая до сих пор не могла поверить, что её подруга заинтересовалась баскетболом. Вернее, заинтересовалась сначала Морозовым, человеком, совершенно не подходящим ей, а потом уже и баскетболом.

— Маш, но как же вы всё-таки сошлись? — мучилась Настя.

— Случайно встретились вечером в автобусе, пошёл меня провожать, ну и закрутилось как-то.

Мария не хотела делиться даже с лучшей подругой тем, что произошло в раздевалке.

— Обалдеть! У меня в голове не укладывается — ты и он. Чёрное и белое!

— Ну, не такая уж я белая, — замечает Маша.

— Зато он чернее чёрного.

— Тёмный ангел, — тихо произносит Мария, но в общем гуле голосов Настя её не расслышала, зато начала активно кричать, подпрыгивать на месте и махать руками. Это на площадке появились школьные команды. Соловьёва смотрела на ребят из своей школы и с удивлением замечала, что Александр не самый высокий в команде. Например, Миша, бойфренд Насти, оказывается на полголовы его выше.

Морозов казался очень сосредоточенным, он не улыбался, не рыскал взглядом по трибуне, а смотрел прямо перед собой.

Начало игры для Марии получилось смазанным, потому что она то спрашивала у Насти правила, то переживала восторги зрителей после каждого заброшенного мяча. И только к концу второй десятиминутки она более или менее начала понимать, что же происходит на площадке. А когда поняла, то ахнула. Саша вовсе не хвастался, когда говорил, что их школьная команда лучшая среди других, а он сам не проигрывает.

На площадке он был атакующим защитником и двигался как бог. Каждая контратака, которую он завершал, заканчивалась мячом в корзине. Его дриблинг на площадке напоминал танец, а Маше это было близко и понятно, она могла оценить красоту движения парня. Вот он застыл в стойке, напряжённый, как струна, с заряженной стопой, готовый в любую минуту сорваться в атаку. Вот делает обманное движение, подняв мяч над головой, а сам совершает бросок из-под руки соперника. Вот рывок, и он в четыре шага освобождается от опеки и, приняв мяч, сверху вбивает его в корзину. В танце так же, как и в игре: из стойки — в ритм музыки, подчинить своё тело чёткому, размеренному движению, не сбиться, донести лёгкость танца до зрителя, судей.

За всё время игры Саша отдыхал на скамейке запасных в общей сложности минуты три. Маша вместе со всеми прыгала на трибунах и скандировала кричалки:

С нами победа,

с нами успех,

сто седьмая сделает всех!

Под конец игры счёт был в их пользу — 98–53. Болельщики сто седьмой школы неистовствовали. Девчонки, сидящие на первых рядах, перегнулись через рекламные щиты и громко закричали:

— Морозов! Мы тебя любим!

Он помахал им рукой. А потом, прежде чем уйти из зала, снял майку, обнажив свой торс, перекинул её через плечо и сложил пальцы в форме сердца. Приложив его к груди, он безошибочно нашёл глазами Машу и громко крикнул, перекрывая весь шум зала:

— Машка, это тебе! — и резко вытолкнул руки вперёд.

Девушка приложила руку к губам и смотрела на него совершенно счастливыми глазами. Все стали оглядываться назад, ища ту, которой лучший игрок школы практически признался в любви. Маша спряталась за спину подружки и опустила глаза.

— Ну, ничего себе! — Настя была поражена. — А ты его действительно зацепила — чтобы Морозов так себя вёл на публике?! Да никогда.

— Ага, зацепила, — улыбнулась Маша, — а он, похоже, зацепил меня.

— Эй, только не наделяй глупостей, — предупредила Настя. — переспит с тобой — и прощай, Маша, здравствуй, какая-нибудь Даша.

— Я девственница, — гордо произнесла Мария, — и не собираюсь спать со всеми подряд.

— Ну, да, по тебе сейчас именно так и скажешь, — критически осмотрев счастливую подружку, съязвила Настя.

Но тут Маша спросила:

— А что ты там говорила про переспит и до свидания?

— Это у Морозова фишка такая: ухаживает, добивается своего и бросает.

— И много таких?

— Из нашего класса только ушедшая Алина, а из параллельных троих точно знаю.

В груди что-то неприятно шевельнулось, но ревности, как и обиды, Маша не почувствовала. У них ведь обычное соглашение на три месяца максимум. И в этом соглашении не говорилось о верности и любви — речь шла только о пробуждении чувственности. Если так пойдёт и дальше, договор будет выполнен уже через месяц.

— Хочешь покажу? — вернул её в реальность голос Насти.

— Кого?

— Ну, его бывших.

— А, нет, мне не интересно.

— А вот им ты, похоже, очень интересна, — Настя кивнула вниз.

Мария увидела, что на неё смотрят несколько старшеклассниц, что-то обсуждая и невежливо показывая пальцами.

— А почему мы здесь всё ещё сидим? — спросила Маша.

— Парней ждём, они после раздевалки сюда придут посмотреть следующую игру — всё-таки кто-то из них наш будущий соперник.

Приближение баскетбольной команды своей школы девушки сначала слышали, а потом уже увидели. Ребята шли между рядами, отвечая на приветствия и ударяя по подставленным ладоням.

Морозов перепрыгнул через спинку сиденья и приземлился рядом с Машей, потеснив Настю. Он быстро поцеловал девушку в щёку и протянул ей стаканчик с кофе и бутерброд с огурцом и красным перцем:

— Держи, любовь моя, и цени, что я для сохранения фигуры взял тебе бутерброд с овощами и без страшного майонеза.

— Спасибо, конечно, я и правда проголодалась. Но к чему это «любовь моя»?

— Я сейчас весь на позитиве и отрабатываю наш договор на сто процентов, —

самодовольно ответил Морозов, откусывая сразу половину гамбургера. — А тебе понравилось моё послание?

— Честно?

— Хотелось бы честно.

— Да, понравилось, спасибо тебе. Мне и правда было очень приятно.

— Просто приятно?

— А что ещё должно быть?

— Сильное волнение, сердцебиение, бабочки в животе, мысли «Это мой мужчина»...

Мария смеётся:

— Нет, ничего такого.

Морозов вздыхает:

— Да, Соловьёва, намучаюсь я с тобой. Вон те девочки, — он кивает на сидящих внизу старшеклассниц, — прям здесь бы мне отдались, не сомневаясь.

И вдруг отстраняется от неё, начиная пристально разглядывать:

— Ну-ка, что это такое?

— Ты о чём? — не понимает Маша.

— Слушай, я впервые вижу тебя в джинсах. Ты ведь только в платьях ходишь.

— Тебе не нравится?

— Почему же, очень нравится, все ножки на виду.

И он проводит рукой по её ноге от колена вверх, сжимая внутреннюю поверхность бедра и чуть задержав пальцы между ног Марии.

— Какие ощущения?

Она пожимает плечами:

— Никаких. Я же много лет танцами занимаюсь. Знаешь, сколько раз меня так гладили чужие руки во время отработки программы? Если бы я каждый раз возбуждалась, то потеряла бы девственность лет пять назад.

Он наклоняется к её уху и спрашивает:

— А может, ты фригидная? Или тебе девочки нравятся?

Она поворачивается к нему и отвечает прямо в губы, которые находятся очень близко от неё:

— Не надейся увильнуть от соглашения. Мне нравятся мальчики. Мне нравишься ты. Но я столько видела красивых фигур, что взять меня одной физикой не получится.

Его взгляд становится серьёзным, он не отстраняется и говорит так же губы в губы:

— Я понял. Прости, не с того начал, не принял во внимание ваш развратный шоу-мир.

— Он не развратный, он другой, непонятный обывателю.

Их губы близко, но не касаются друг друга. Морозов смотрит на неё задумчиво и недоверчиво:

— А ты не играешь со мной в недотрогу?

— Я не хочу игр — у меня через месяц межрегиональный конкурс, Морозов.

— Я тебя услышал, Соловьёва, будем работать с поправкой на твоё увлечение.

Снизу на них смотрят девушки-старшеклассницы.

— Ты посмотри, как он её лапает, — говорит одна.

— Да они сейчас поцелуются! — возмущается другая.

— Девочки, а может это любовь? — восхищается третья.

— Ну нет, её надо поставить на место, — говорит первая, которая уже как-то встречалась с Морозовым и была бы не прочь возобновить отношения.

— Не стоит, если Морозов узнает — не простит, — предостерегают её подружки.

— Посмотрим, — самоуверенно отвечает та, наблюдая, как губы, которые когда-то целовали её, останавливаются в каких-то миллиметрах от губ ненавистной одноклассницы.

Морозов обрывает зрительный контакт и поворачивается к своей команде:

— Парни, а вы знаете, почему мы сегодня выиграли и обязательно победим во второй игре?

— Потому что мы лучшие!

— Потому что мы самые крутые!

— Потому что у нас супер шутер!

Александр машет рукой, обрывая догадки:

— Нет! Потому что у нас появился счастливый талисман — Мария Соловьёва!

Все на таком взводе, что подхватывают эту идею, не сомневаясь.

— Ну вот, — смеётся Саша, вновь поворачиваясь к девушке, — я тебя крепко подставил.

— Это почему?

— Теперь ты, как талисман, должна присутствовать на всех наших играх.

— А если я не приду?

— Тогда тебя будет ненавидеть вся школа, включая директора, потому что ему уже завтра расскажут о талисмани Марии Соловьёвой.

— Морозов, я тебя ненавижу.

— Ты повторяешься, детка.

— Но зачем ты это сделал?

— Чем чаще ты меня видишь, тем быстрее влюбишься.

— У меня нет задачи в тебя влюбиться...

— Знаю, знаю. Это у меня только что появилась задача влюбить тебя в себя. А теперь смотрим игру.

Следующий час Александр, положив руку на спинку сиденья за спиной Маши и изредка приобнимая её за плечи, громко комментирует игру двух команд, попутно посвящая девушку в тонкости баскетбола. И как ни странно, именно его разъяснения, пробуждают в ней интерес к игре, и она начинает понимать действия игроков и даже переживать за их неудачи и радоваться каждому двухочковому.

Почти в конце игры Морозов и остальные ребята поднимаются, чтобы вновь переодеться к игре.

— Девчонки, — обращается он к Марии и Насте, — пересядьте поближе к площадке. Соперник у нас будет серьёзный, 112-й лицей, там полсостава профессионалов. Нам очень нужна удача.

Он сам лично расчищает им места в первом ряду, прогнав наверх каких-то ботаников, и, помахав рукой, уходит в раздевалку.

— Слушай, подруга, — заинтересованно спрашивает Настя, — что ты ему пообещала, что он так старается?

— В смысле, что пообещала?

— Ну, переспать с ним, станцевать приватный go-go?

— Не будь дурой. Ничего я ему не обещала.

— Откуда тогда в нём столько нежности и заботы?

— Не знаю.

Маша и в самом деле не знает, почему общение с ней делает жёсткого Морозова мягким и почти послушным. Вряд ли он влюблён, потому что она бы почувствовала его тягу к ней. У него же просто спортивный интерес — сумеет ли он выполнить задачу или нет. Может, отсюда и забота.

Вторая игра даётся команде их школы тяжелее. Соперник, действительно, серьёзный, и на протяжении всей игры счёт держится практически равным. Александру удаётся реализовать пару четырёхочковых, но за это его тут же начинают жёстко прессовать. Обе команды много фолят, но каждый раз, когда Саша оказывается на полу, у Марии сжимается сердце, а боль от столкновения отдаётся во всём теле. Она нервничает и не может ничего с собой поделать.

Когда в очередной раз Сашу сбивают с ног и он падает напротив своих болельщиков, она не выдерживает и не очень дружелюбно кричит в адрес игрока лица, кто он и где ему место. Морозов, поднимаясь, с изумлением смотрит на неё, словно не веря своим ушам, а потом расплывается в улыбке:

— Моя девочка! — кричит он.

Настя шокирована не меньше самой подруги:

— Ты что себе позволяешь? Люди кругом.

— Не знаю, что на меня нашло, но это вытягивает все мои животные инстинкты.

— Что ждать от девушки, связавшейся с Морозовым?! — смеётся Настя и тут же сама отпускает в адрес соперников непечатный термин.

До конца игры остаётся несколько минут, когда в корзину сто седьмой школы влетает очередной мяч и тренер берёт минутный тайм-аут. Когда до его конца остаётся несколько секунд, Александр подбегает к Маше, сидящей на первом ряду, крепко, но быстро целует её в губы и шепчет:

— Машка, оправдывай своё звание счастливого талисмана, а то ребята нас порвут, — и так же поспешно возвращается к команде.

Она прикладывает руки к вдруг загоревшимся щекам и ошарашенно смотрит на Настю.

— Сама в шоке! — пожимает та плечами. — Но давай — оправдывай, а то и правда порвут.

И как по мановению волшебной палочки, последние минуты игры проходят в атаках их школы. Парочка трёхочковых джамперов, парочка двухочковых бросков, один пропущенный и два заброшенных штрафных. Звучит финальная сирена, и на табло счёт 83–81 в пользу их школы.

Трибуны сто седьмой заходятся в радостном крике. Морозов, прежде чем уйти в раздевалку, повторяет пантомиму с сердцем для Маши и кричит:

— Спасибо, талисманчик!

Они с Настей ждут парней на улице среди других болельщиков, которые не торопятся расходиться и хотят ещё раз поприветствовать победителей сегодняшних групповых игр.

Маша в этой толпе уже получила несколько весьма чувствительных тычков по рёбрам и решила подождать в сторонке. Но каким-то чудесным образом толпа болельщиков перемещается туда, куда они с Настей отходят.

Когда в дверях появляются высокие спортивные парни с сумками через плечо, толпа встречает их радостными криками.

Маша смотрит на Александра, идущего к ней широким шагом, улыбающегося и не сводящего с неё глаз, и вдруг ощущает гордость, что этот человек с ней, что в глазах окружающих они пара влюблённых, и где-то в глубине груди появляется приятная истома от всего происходящего. Поэтому, когда он подходит к девушке, она приподнимается на цыпочках, обвивает его шею руками и целует в губы. Она хорошая ученица и помнит, как это делал Саша: сначала захватывает его нижнюю губы, потом верхнюю, потом обхватывает обе и пытается выпить их влагу. Он смотрит на неё удивлённо, но не отстраняется, а лишь придерживает рукой за талию, а когда она отрывается от него, шепчет:

— Ну ты, Соловьёва, выдала!

И в это время из толпы кто-то посылает ей злобное:

— Соловьёва — сука!

Лицо Александра превращается в камень, он быстро оглядывает толпу и останавливает тяжёлый взгляд на одной из девушек:

— Ещё раз услышу — рот зашью!

И сказано это так, что Маше становится страшно. Она испуганно смотрит на Морозова, прижатая широкой ладонью к его груди, и потихоньку пытается отстраниться. Он замечает это и паникует:

— Не бойся, она тебе ничего не сделает.

— А ты?

Он сначала смотрит непонимающе, а потом обижается:

— Дура ты, Машка, то целуешь, то опасаясь.

— А ты прекрати обзывать, — топает она ногой.

Он обнимает её за плечи и выводит из толпы:

— Хорошо, больше не буду. Парни, — кричит он своим друзьям, — мы уходим.

— А куда? — робко спрашивает Маша, смотря снизу вверх на большого и грозного Морозова.

— Ты забыла? У нас с тобой сегодня первое свидание. Правда, начнётся оно не совсем обычно.

— Почему?

— Потому что сначала надо заехать ко мне домой и оставить сумку с формой. И кстати, завтра ещё одна игра — ты должна быть.

— Хорошо, буду.

— А что это ты такая послушная?

— А у талисмана есть выбор?

— Умница! — он целует её в макушку и ведёт к автобусной остановке. Возле дверей обычной панельной девятиэтажки Маша останавливается.

— Я тебя здесь подожду.

— А что так?

— Мне неудобно входить в твой дом. Это такое личное пространство, а у нас с тобой вроде бы соглашение, а не настоящие чувства.

Он как всегда задумчиво смотрит на девушку, а потом поправляет у неё прядь волос:

— Хорошо, я быстро, — и скрывается за дверями подъезда. Он не говорит ей, что многие девушки сами напрашивались к нему, думая, что если они окажутся в его квартире, то самоутвердятся и станут иметь на него какие-то права.

Маша оглядывается и идёт на детскую площадку, где садится на качели и начинает тихонько раскачиваться. Конец сентября, но погода тёплая. К вечеру, конечно, холодает, но ещё не настолько, чтобы замёрзнуть. Последние лучи осеннего солнца ложатся на лицо девушки, и она закрывает глаза, наслаждаясь этим подаренным теплом.

— Какая тёлочка красивая! — кто-то рывком останавливает неторопливый полёт качелей, и Маша открывает глаза. Рядом с ней трое парней, с интересом рассматривающих её.

— Незнакомая тёлочка.

— Не нас ли ты ждёшь, красавица? — спрашивающий грубо хватается её за подбородок и разворачивает к себе.

Маше становится страшно от подобной наглости, когда твоя личность не интересует окружающих, когда они чувствуют свою силу и наслаждаются беспомощностью жертвы, когда любые слова не будут ими восприняты адекватно, а лишь вызовут новый приступ агрессии. Хотя... почему бы и нет?

— Как бы вам не хотелось, но не вас, — стараясь говорить спокойно, Маша пытается освободиться от захвата, но у неё не получается, и паника нарастает.

— А кому же так повезло? — щерится в редкозубой улыбке парень.

— Александру Морозову, — чуть ли не по слогам произносит Маша, молясь про себя, чтобы имя одноклассника действительно что-то значило для этих гопников.

И оно значит. Во-первых, исчезает захват на лице. Во-вторых, парни отходят от качелей и начинают озираться. В-третьих, редкозубый произносит:

— Извини, подруга, ошибка. Морозу не говори, мы осознали и тебя запомнили, никто не тронет.

И в это время за их спинами звучит тихий, но жёсткий голос

— Что за толпа возле моей девочки?

— Алекс, не обессудь. Просто знакомимся.

— А моя девочка хочет этого знакомства? — в голосе сталь и холод.

Мария молчит, потому что не знает, что будет лучшим в такой ситуации. Морозов отталкивает плечом одного из парней и наклоняется к ней:

— Они что-нибудь сделали, сказали обидное?

Она отрицательно мотает головой:

— Не успели, я назвала твоё имя.

— Умная девочка, — ласково улыбается ей Саша и поворачивается к парням.

— Ну что сказать? — он широко разводит руками. — Повезло вам. Идите с богом и запомните, к кому вам и на пушечный выстрел подходить не следует.

Когда они исчезают, Александр поворачивается к девушке:

— Соловьёва, а не выделялась бы, поднялась со мной — и ничего бы этого не было.

— Ничего и не было.

— Будто я этих уродов не знаю. Наверняка, лапали.

— Нет.

— Ну значит, я вовремя появился.

— Это я вовремя твоё имя назвала.

— И это тоже, — он виновато смотрит на неё, — прости, эти районные разборки не для

таких, как ты.

— А какая я?

— Из другого мира, богатого, благополучного.

Она оглядывает его чёрные джинсы Diesel, тонкий пуловер и кожаную куртку от Armani, кеды Converse и согласно кивает:

— Да, ты выглядишь, как бомж. А я, натура утончённая, в отечественном хожу.

— Это отцовская забота о сыне.

— А кто у нас отец?

— Немецкий бизнесмен.

— О, так ты у нас немец?

— Нет, русский, а отец эмигрировал очень давно. Ладно, это не важно. Куда пойдём?

— А ты что-то планировал?

— Я хотел устроить тебе романтическую прогулку, но после двух игр я дико голоден.

Так что сначала хавчик!

Вечер прошёл тихо и спокойно. Они поужинали в кафе, потом прогулялись по набережной, даже не держась за руки и узнавая друг о друге всё больше и больше, зашли погреться в кондитерскую, а в девять часов Морозов проводил Машу домой.

У калитки Маша, уже попрощавшись до следующего дня, вдруг спросила:

— Даже прощального поцелуя не будет?

— А я смотрю, тебе понравилось со мной целоваться, — засмеялся Саша и тут же добавил, — нет, Соловьёва, не будет — весь сегодняшний лимит на поцелуи мы с тобой исчерпали, а завтра ещё две игры — надо побережь удачу.

В понедельник с утра школа гудит по двум причинам: все обсуждают двухдневный выигрыш баскетбольной команды, которая прошла в одну восьмую финала ШБЛ, и предстоящий «Осенний бал», который в этом году решили провести в День учителя. Учителя были не очень довольны таким совмещением, получалось, что в свой праздник они должны были дежурить в школе и смотреть за порядком, но их учеников это не смущало. Их больше напрягало другое: нужно было подготовить праздничный концерт для учителей. От каждой параллели требовался какой-то концертный номер. Начальная школа быстро нашла выступающих, в среднем звене тоже после небольшой заминки с задачей справились, но вот старшекласники не стремились вносить свой вклад, отговариваясь занятостью.

Классный руководитель 11 А Елена Владимировна устало обводит класс глазами и в очередной раз спрашивает:

— Какие предложения?

— Может, деньгами? — лениво спрашивает кто-то из мальчиков.

— Да, — иронично соглашается Елена Владимировна, — выйдешь на сцену, Семёнов,

скажешь «Поздравляем от 11 А» и будешь разбрасывать купюры, как сеятель — а там, кому повезёт. Давайте посерьёзнее. Нужен полноценный концертный номер.

Морозов искоса смотрит на Машу, а потом громко заявляет:

— Соловьёва хочет поздравить учителей танцем.

— Эротическим, — снова встречается Семёнов, но тут же сникает под тяжёлым взглядом Александра.

— Маша, а ведь правда, — с энтузиазмом подхватывает Елена Владимировна, — выступи, пожалуйста.

— Хорошо, но мне надо позвонить партнёру...

— Сексуальному? — интересуется Семёнов и тут же оказывается на полу — стул из-под него Морозов вышибает сильным пинком.

— ...по танцам, — продолжает Маша как ни в чём не бывало, — узнать, сможет ли он в этот день выступить со мной.

— Ты можешь ему позвонить сейчас?

— Да, — Маша выходит в коридор, слыша, как за спиной Елена Владимировна пытается примирить двух своих учеников.

Андрей быстро ответил, как будто ждал её звонка.

— Не отрываю?

— Отрываешь — от скучной химии.

Маша в двух словах объясняет ему ситуацию, и тот соглашается — среда свободный от репетиций день, можно и выступить в чужой школе со своей напарницей.

В классе все ждут возвращения Маши с нетерпением.

— Ну что?

— Да, мы выступим.

Все вздыхают с облегчением, одной проблемой меньше.

После уроков, провожая Машу, Морозов признаётся:

— Я думал, ты одна будешь танцевать, когда тебя назвал.

— Вообще-то, я занимаюсь парными бальными танцами, и ты это прекрасно знал. Или, — прищурившись на него, улыбается девушка, — ты думал увидеть в моём исполнении стрип-дэнс?

— Думаю, мне бы понравилось, но вот учительский коллектив ты бы тогда точно шокировала.

— Вот поэтому обойдёмся румбой.

— О! — томно тянет Саша. — Румба! Это когда делают вот так, да?

И он делает несколько быстрых движений бёдрами, выталкивая их вперёд.

— Нет, — смеётся Маша, — румба — это вот так.

Она делает шаг вперёд, плавно кладёт руку на плечо Александра, потом неуловимо быстрым движением скользит у него за спиной, оказавшись с другого бока, и закидывает ногу ему на бедро.

— Это медленный и очень чувственный танец, — говорит она.

— Дай угадаю, — он прикладывает палец к губам, — то есть это тот самый танец, который у тебя не очень хорошо получается?

Она вздыхает:

— Нормально у меня получается, но не отлично.

— А хочешь, я тебя зацелую до смерти перед танцем, чтобы ты вышла и всех сделала?

— Здесь не до смерти надо, а до чувственности.

Он прижимает её к себе:

— А я тебя вообще не возбуждаю?

— Пока нет, — она смело смотрит ему в глаза, — и перестань лапать меня на улице — на нас постоянно глазают.

Он отпускает девушку и, засунув руки в карманы джинсов, поднимает плечи:

— И что с тобой не так, Соловьёва? Чего ты с таким заниженным порогом чувств в латину полезла? Тебе и правда нужно было русские народные плясать.

— А тебе надо в боях без правил участвовать, судя по габаритам и силе.

— Так я и участвую, — пожимает он плечами.

— Правда? — Маша забегает вперёд и останавливается, заглядывая в глаза. — А можно как-нибудь посмотреть?!

Морозов видит её оживление и усмехается:

— А может, тебя только мордобой заводит? Тогда не завидую твоему парню — придётся ему каждый день с кем-нибудь биться, чтобы ты его захотела.

— Нет, ну правда, Саш, — дёргает она его за рукав куртки, — можно посмотреть?

— Нет, Соловьёва, это не для девичьих глаз — всё жёстко и кроваво. И страшно, — добавляет он.

Она молча идёт рядом, а потом неожиданно спрашивает:

— А что обозначают эти тату?

— Какие тату?

— По бокам живота.

Он с удивлением смотрит на неё

— Ух ты, глазастая, разглядела, значит?!

— Ну да, было время, — подтверждает она. — Так что же там у тебя написано?

— Сейчас не скажу.

— А когда?

— Когда ещё раз увидишь мои тату.

— Мне надо караулить тебя в раздевалке у душевой?

— Я думаю, в следующий раз всё будет более романтично.

— Это ты на что намекаешь?

Саша останавливается и берёт её за плечи и самым своим проникновенным голосом, который обычно действует на девушек завораживающе, произносит:

— Маша, я не намекаю, я открытым текстом говорю — я буду твоим первым мужчиной, но только тогда, когда ты сама этого захочешь.

Она смотрит на него — и верит, что так всё и будет, он настроен очень решительно. Она проглатывает комок в горле и кивает:

— Что ж, посмотрим!

Праздничный день 5 октября был практически неучебным. По давней школьной традиции в День учителя объявлялся День самоуправления: из старшеклассников назначались директор и завучи, выбирались «учителя», проводящие короткие тридцатиминутные уроки, которых в этот день обычно было четыре. А потом в актовом зале, который больше напоминал зал какого-нибудь ДК, силами учащихся давался праздничный концерт.

Морозов вместе с друзьями сидел на балконе и ждал, когда будет выступать Маша. Концерт ему был абсолютно не интересен, но вот танец Соловьёвой посмотреть хотелось. Так же, как хотелось увидеть её партнёра Андрея — что за крендель такой? Выступает с ней уже много лет, а так и не удосужился даже поцеловать! Хотя здесь Саша был даже ему благодарен. Если раньше он факт нецелованности Марии воспринимал как весёлое недоразумение, то теперь его внутренний зверь-собственник урчал от удовольствия — он у неё первый. И этот статус-кво он закрепит за собой во всём, что касается этой девушки.

Он так и не понял, когда она стала ему небезразлична. Их общение, лёгкое, с дружескими подколками и беспричинным смехом, вдруг стало ему необходимым. Когда он касался её, обнимая или просто беря за руку, то чувствовал электрические разряды во всём теле, именно поэтому он перестал её целовать — это становилось мучительным действием. Маша не воспринимала его как мужчину и открыто признавала это, и он внутренне бесился, прекрасно понимая её преподавателя по танцам: спящая красавица вытягивала все соки, ничего не давая взамен.

Это ещё не было любовью, но Саше хотелось бы взаимности хотя бы в этой своей влюблённости в Машу. И теперь пробуждение её чувственности превратилось в дело жизни. Рядом с ней он становился тем самым розовым романтиком, которым быть не мог по определению, то есть в силу своего характера. По крайней мере, ему так казалось раньше. Но теперь ему хотелось быть нежным, любящим и любимым. Нежным с Машей он уже стал, любящим — почти, а вот с любимым как-то не задалось.

Погрузившись в свои мысли, он прослушал, как объявили номер Маши, и очнулся только тогда, когда она и Андрей появились на сцене. Её партнёр был на полголовы выше неё, тонок в костях и очень подвижен. В чёрной рубаше с вырезом до нижней точки грудины, в чёрных брюках он смотрелся очень элегантно, но Саша рассматривал его вскользь — его интересовала Маша. А там было на что посмотреть.

На ней было невесомое белое платье на тонких бретельках с большими боковыми вырезами и с короткой бахромой вместо юбки, которая не скрывала её длинных стройных ног, обутых в серебристые танцевальные туфли на высоком каблуке. Волосы были тщательно зачесаны назад и собраны чуть ниже затылка в тяжёлый узел, который украшал белый цветок. Всё её тело было открыто зрителям, и Саша облизнул пересохшие губы, искренне не понимая, как можно было не соблазниться этой девушкой. Яркий сценический макияж делал её улыбающееся лицо более взрослым и почти незнакомым.

Пара застыла в середине сцены, и, когда потёк медленный пульсирующий ритм румбы, оба танцора будто переплелись телами, а потом разъединились, чтобы начать отдельный танец рук, ног, тел, душ. Руки Андрея обрисовывали контур тела Маши, а она выгибалась под

ними, бесстыдно предлагая себя своему партнёру, но не касаясь его. В следующую минуту её левое бедро оказывалось на его ноге, и девушка плавно скользила вниз, удерживаемая за руки. А потом, покачивая бёдрами, вновь летела в его объятия. Он будто ненароком касался её бедра, но она легко ускользала от дерзких ухаживаний, предлагая любоваться собой на расстоянии и сдерживая страсть своего партнёра. Ритмические движения тела и бёдер Маши были проникнуты такими элементами эротизма, что Морозов сидел прямо, сжав зубы и стиснув руки в один кулак. В голове пульсировала одна мысль: «Ты врала! Ты всё время врала мне!» Как можно вот всё это принять за чистую, лишённую страсти технику? Ему казалось, что между партнёрами не было никаких тайн, и этот танец любви всего лишь продолжение их личных интимных отношений.

Когда танец закончился и послышались аплодисменты, Александр встал и, не замечая ног, по которым идёт, вышел сначала из зала, а потом и из школы.

На улице был день, а ему казалось, что вокруг разлилась темнота. Он не прощал обмана, он ненавидел предательство, а сейчас ему не верилось, что все действия Маши были бесхитростны и честны. Он подозревал её в самых жутких интригах, которые она плела вокруг него. Для чего? Он не знал и не хотел об этом думать. В груди kloкотала Ревность — огромная, тёмная, грозящая раздавить всё на своём пути. Он слышал, как Мария звонила ему — на неё у него был поставлен отдельный рингтон, но не отвечал, только сбрасывал звонки. Хотел даже занести её номер в чёрный список, но потом благоразумие взяло верх — поговорить ведь всё равно придётся, поэтому пока просто выключил смартфон вообще, отрезая себя от внешнего мира.

Дома он упал лицом вниз на софу и долго лежал, сжимая и разжимая кулаки, пока сон не унёс тягостные мысли. Проснулся он уже в темноте, когда раздался звук замка — это вернулась мама, с кем-то разговаривая по телефону. Она заглянула в комнату сына, включила свет и радостно сообщила в трубку:

— Да, он дома, спит. Саша, — позвала она, — тебе Гарик звонит, ответишь.

— Скажи, что сейчас перезвоню, — не отрывая головы от подушки ответил он и достал смартфон.

Много пропущенных звонков, сообщений. Открыл сначала те, что от Маши:

— **13.04: Морозов, ты где?**

— **13.36: Эй, отзовись!**

— **14.01: Саша, что случилось?**

— **15.12: Позвони мне, пожалуйста.**

— **17.38: Пожалуйста, ответь.**

Потом перезвонил Гарику.

— Алекс, ну ты где заныкался? — с ходу стал кричать тот. — Мы тебя все потеряли. Соловьёва твоя весь мозг нашим вынесла: где ты да что с тобой.

— Я дома, неважно себя чувствую.

— А на звонки что не отвечал?

— Спал.

— Так ты идёшь на школьную тусу или нет? Мы все здесь.

— Что я там забыл? Лучше отлежусь.

— Ну смотри. Надумаешь — звони.

Только он отключился, пришло сообщение от Маши:

— **18.47: Я в твоём дворе. Если не выйдешь — замёрзну окончательно.**

Морозов выглянул в окно и увидел одинокую фигурку на качелях. За её безопасность он не опасался, а вот за её здоровье — да: на улице поднялся холодный ветер и даже стал накрапывать дождь.

Схватив с вешалки куртку и длинный шарф, чертыхаясь про себя, Саша скатился вниз по лестнице и выбежал во двор.

— Давно сидишь? — сердито спросил он у девушки.

Она спрыгнула с качелей и пошла ему навстречу:

— Давно.

Он окинул хмурым взглядом её коротенькой пальто, из-под которого видны были острые коленки, защищённые только тонкими колготками, голую шею, торчащую из поднятого воротника, и кинул ей шарф:

— Закутайся, а то замёрзнешь.

Она поймала шарф и послушно соорудила сначала капюшон, а потом стала наматывать на шею, не переставая рассказывать, как не могла его найти, потом звонила, и писала, и спрашивала у парней, но никто не знал, где он.

Морозов шёл со двора, слушая эту беспечную болтовню за спиной и не знал: то ли ему злиться на Машу, то ли смеяться. Наконец она что-то почувствовала, потому что замолчала, а потом спросила:

— А мы куда?

— Греться, — не оборачиваясь ответил он.

Рядом с домом в полуподвале был бар, где собиралась разношёрстная публика. Конечно, вести туда Машу не следовало, но, во-первых, это было самое близкое место, где можно было её согреть, а во-вторых, с ним ей ничего там не угрожало.

В бар он спустился первым и выбрал самый дальний столик.

— Тебе восемнадцать-то лет уже есть? — спросил он садясь на стул и откидываясь на стену.

— Не строй из себя заботливую бабушку, Морозов, — скривилась Маша, снимая перчатки, разматывая шарф и расстёгивая пальто. Он смотрел на её действия и представлял, как она продолжает: снимает пальто, снимает платье, бельё... услужливое воображение подбросила картинку — Маша в танцевальном платье, Маша без всего. Он сглотнул и негромко рыкнул на неё:

— Ты можешь просто ответить, есть или нет?!

Она с удивлением посмотрела на него и гордо сказала:

— Уже два месяца как совершеннолетняя.

Он хмыкнул:

— Значит, будешь, совершеннолетняя, глнтвейном греться.

Он оторвался от стены и пошёл к бару делать заказ. Себе он решил взять пиво.

Вернувшись за столик, он молчал, пока не принесли бокалы и тарелки с закусками. Маша крутила головой, разглядывая обстановку бара и посетителей.

— Особо не оглядывайся, — предупредил Морозов, — здесь посетители не любят к себе пристального внимания.

— Криминальный контингент?

— Разный контингент, — упрямо мотнул головой Саша. — Зачем пришла?

— Ну, ты пропал, не отвечал, я волновалась...

— Соловьёва, а я что — нанимался тебя пасти? Я должен быть рядом с тобой

постоянно? Или я должен тебе докладывать о каждом своём шаге и отвечать на каждый твой дурацкий звонок? Или у меня без тебя жизни нет?

С каждым вопросом спина Маши становилась всё прямее и прямее, а взгляд изумлённее. Когда Морозов замолчал, она тихо спросила:

— Саша, что случилось? Я что-то не так сделала?

Он понял, что всё равно надо будет объясниться, он сам не терпел недоговорённости, а потому вздохнул и сказал:

— Я видел ваш танец.

— Тебе понравилось? — просияла лицом Мария.

— Угу, — неопределённо ответил он.

— Я так рада...

— Мне только одно непонятно, Соловьёва, какой долбаной чувственности ещё не хватает тебе и твоему преподавателю?

— Ты о чём?

— Ты мне морочила голову всё это время, да? Ах, только техника, ах, страсти нет. Да в вашем танце эту страсть хоть ложками хлебай! Я тебе больше скажу: пока смотрел, чуть не кончил.

— Ну и обороты у тебя, — улыбнулась Маша, не отрывая глаз от бокала с глинтвейном.

Он хлопнул ладонью по столу и прошипел:

— Ты меня слышишь? Какие обороты? Скажи, зачем ты меня обманывала?

Она посмотрела на него и по слогам со злым упрямством произнесла:

— Я тебя не обманывала и не собираюсь.

Он не в состоянии оторвать от неё глаз, а она продолжает:

— Если бы ты сохранил здравый смысл и дождался меня, то я бы тебя познакомила с Андреем, и он бы тебе сказал, что такого танца у нас ещё не было. А потом, когда мы бы остались одни, я бы рассказала тебе, что, танцуя сегодня румбу, я представляла тебя, твоё тело с капельками воды и тату — как тогда, в раздевалке, вспоминала твоё сердечко, отправленное мне после баскетбола, и твои губы на моих...

Его кулак, лежащий на столе, сжимается так, что белеют костяшки пальцев. Маша замечает это и начинает двумя руками разжимать его пальцы.

— Ты большой, сильный и глупый. Зачем сбежал?

Он всё ещё молчит, боясь, что голос задрожит от сдерживаемых чувств. В этот момент подвыпившая компания, вставая из-за соседнего столика, толкает Машин стул, и она летит грудью на стол, разливая напитки. Морозов вскакивает на ноги и, мгновенно оказавшись между Машей и компанией, бьёт пьяного открытой ладонью по уху — на пару часиков звон в голове обеспечен.

— Смотри, куда прёшь! — зло бросает он, но остальная компания начинает разворачиваться к нему.

— Ты кто такой? Ты чего руками машешь не по делу? — начинает качать права один, но его тут же одёргивают:

— Это же Мороз! Не лезь!

Все сразу как-то успокаиваются и быстро ретируются. И Александр понимает, что ему даже жаль, что продолжения не последовало. С другой стороны, и слава богу, не надо девушке видеть его в бою.

Маша смотрит на светло-голубое пальто, на котором расплзается тёмное пятно.

— Твою же мать! — зло кричит Александр. Тут же из неприметной дверки перед ним появляется администратор:

— Алекс, мы сейчас всё исправим. Девушка, давайте ваше пальто — отчистим, высушим, вы ничего не заметите.

Маша с испугом смотрит на одноклассника, тот согласно кивает:

— Снимай!

Она достаёт из кармана смартфон и протягивает пальто молодому человеку, который, прежде чем уйти из зала, бросает официантке:

— Быстро наведи порядок и повтори заказ за наш счёт.

Саша усаживает девушку на своё место к стене, а сам садится рядом.

— Что это было?

— Просто пьяные, — пожимает плечом Морозов.

Она сбоку пытается заглянуть ему в глаза:

— Они тебя испугались! Почему?

— Потому что не хотят провести месяц на больничной койке.

— Все трое?

— Ну, трое не пятеро, — туманно отвечает Александр и пододвигает ей бокал, — пей.

— Я и так чувствую себя пьяной. Морозов, ты кто, бандит?

— Шаблонно мыслишь, Соловьёва. Ты как-то спрашивала о боях без правил, так вот здесь принимают ставки, хотя сами бои проходят совершенно в другом месте, на окраине городе. А я один из главных бойцов. Я этому бару столько денег приношу, что они молятся на меня.

— Ты хвастун!

— Конечно. Вообще-то я белый и пушистый и люблю вышивать крестиком, только здесь об этом никому не говори, не подрывай мою репутацию беспощадного уличного бойца.

— А ты ещё и на улицах дерёшься?

— Бывает.

Маша вспомнила многочисленные местные новости, в которых рассказывалось о драках между группировками из разных районов города.

— И ты участвовал в этих драках стенка на стенку?

— Тебе это так важно знать?

— Но ведь это, наверное, опасно и больно.

— И опасно, и больно.

— Тогда зачем?

— Ради драйва, ради сильных эмоций!

— Слушай, а тебе разве этих эмоций не хватает в спорте?

— Там правила, размеренность, как твои танцы. А уличные бои и бои без правил — это та жизненная энергия, которая ничем не ограничивается, только твоим собственным мастерством, твоей силой, твоим желанием смести всё на своём пути.

Она смотрит на него широко открытыми глазами:

— Я тебя совсем не знаю...

— А как ты меня могла по-настоящему узнать за три недели?

Он вздыхает и отодвигает от себя полную кружку пива:

— Маша, я не комнатная собачка и никогда ею не стану. И если я тебя пугаю, то извини.

Я не буду милым, я не буду осторожным...

— Даже со мной? — вдруг перебивает она его вопросом.

— Что? С тобой?

Она смотрит на него насмешливо:

— А кто обещал стать моим первым мужчиной?

— Неужели хочешь расстаться с девственностью прямо сегодня?

— Нет, но я бы хотела, чтобы мой первый мужчина был нежен, мил и осторожен, и если ты не можешь быть таким, то лучше сразу разбежаться.

— Соловьёва, ты... — он останавливается.

— Что же ты замолчал?

— Я как-то обещал тебе не обзывать, но сейчас очень хочется. Ты зачем такие разговоры заводишь именно в тот день, когда я видел твой танец?

— Ах, румба, этот танец страсти, танец тел! — картинно закатывает глаза Маша и поглаживает кончиками пальцев кисть его руки. Он отдёргивает руку:

— Издеваешься, да? Не боишься меня?

— Нет, Саша, не боюсь, — задумчиво произносит она, — мне кажется, что у нас с тобой общее будущее, только я ещё к этому не готова.

— И ничего ко мне не чувствуешь?

— Ты мне нравишься. И как человек нравишься, с тобой спокойно. И внешне нравишься, у тебя роскошное тело. А вот бабочек в моём животе нет. Пока нет.

— Вот умеешь ты, Соловьёва, дать надежду, а потом обломать мужчине.

— Ну да, я такая. А я тебе нравлюсь?

— У меня уже давно бабочки в животе летают, когда о тебе просто думаю, а уж когда вижу — прямо вьюга из бабочек. Поубивал бы их всех на хер, только не получается.

— Почему не получается?

— Не удержусь всё-таки и скажу это: ты совсем дура? Чтоб бабочек прихлопнуть, надо тебя... надо заняться с тобой любовью.

— Ты хотел другое слово сказать, но не стал, почему?

— Потому что с тобой я милый и нежный.

— Я это ценю, Саша.

— Лучше бы ты меня хотела, Маша, — передразнивает он её.

— Для тебя это так важно?

— Безусловно. Я мужчина, если ты заметила, и мы с тобой оба совершеннолетние, и мне трудно сдерживаться, когда ты вот так близко сидишь и гладишь мою руку.

— А ты поцелуй меня.

Морозов откидывается на спинку стула и складывает руки на груди:

— Ну нет, Мария, никаких поцелуев до тех пор, пока ты не скажешь «Я тебя люблю»!

— Но почему?

— Тебе нравятся наши поцелуи?

— Да, это очень приятно.

— Так вот — это мой шантаж.

Она откусывает крекер, а оставшийся кусочек отдаёт Александру.

— Знаешь, если бы кто-нибудь услышал наш разговор, то подумал бы, что мы ненормальные, — говорит девушка.

— Мы и правда такие, — соглашается он. — Разве нормальный человек будет просить

другого пробудить его чувственность? Разве нормальный человек будет терпеть от своей девушки такое равнодушие?

— А я твоя девушка?

— Даже не сомневайся! — он крепко прижимает её к своему плечу. — Моя! И я обязательно дождусь, когда ты это осознаешь.

— А ты мой тёмный ангел-хранитель.

— Чего? — насмешливо тянет парень.

— Тёмный ангел. Внешне чёрный, в глазах других опасный, а на самом деле очень хороший.

— Книжек ты, Соловьёва, перечитала и фильмом пересмотрела. А зря. Жизни надо учиться не по печатным изданиям.

— Жизни меня ты будешь учить, хорошо? А крылья я у тебя уже видела.

— Господи, что за бред?

— А тогда, в раздевалке, когда ты накидывал на себя чёрное полотенце, мне на миг показалось, что у тебя за плечами крылья.

— У тебя очень богатое воображение! Почему бы тебе его не привлечь для решения своей проблемы?

— Тут воображение не помогает, — вздохнула девушка.

— Ты сама непосредственность.

В этот момент администратор приносит Машино пальто — чистое и пахнущее свежестью. Уже провожая девушку домой, Александр спрашивает её:

— Когда ты уезжаешь?

— Через восемь дней, вернёмся шестнадцатого октября в обед.

— Буду держать за тебя пальцы. У меня, кстати, шестнадцатого открытый чемпионат области по плаванию. Жаль не успеешь вернуться.

— Ты потом отдельно для меня проплывёшь.

— А ты отдельно для меня станцуешь.

Он смеётся и трётся о её нос своим, но не целует.

— Беги, а то замёрзнешь. Шарф завтра принесёшь в школу.

Он долго стоит возле её дома, глядя на окна, покачиваясь на носках и о чём-то напряжённо думая.

С утра школа опять кипела. Оказалось, на вчерашней осенней дискотеке кто-то из старшеклассников принёс травку, и в мужском туалете была такая задымлённость, что сработала пожарная система. Танцы быстро прекратили после приезда пожарных и полиции, но виновники уже все разбежались. И вот сегодня с утра искали зачинщиков и вызывали в кабинет директора всех по очереди.

Первого, как ни странно, сразу вызвали Морозова, который вышел из класса, похихатывая в предвкушении завучевского разочарования. В принципе, он бы и в классе мог объяснить, что вчера не был на дискотеке, но очень уж ему не хотелось сидеть на литературе.

Вернулся он не сразу, и Маша уже начала волноваться. Но когда его довольное лицо появилось в дверях кабинета, она выдохнула спокойно.

— Что так долго? — шёпотом спросила она.

— Повеселился от души.

— Это как?

— Меня даже не спросили, где я был вчера, начали сразу с запугивания, что всё знают, и я могу не закончить школу. Я им давай свои права зачитывать.

— Зачитывать?

— Маш, я же общество готовлюсь тоже сдавать, подучил кое-что уже. Вот по памяти и шпарил. Ну мы таким вот образом поприпирались минут пять, а потом я и выдал, что с часу дня меня в школе не было. Немая сцена, как говорится.

— Как маленький, честное слово, — нахмурилась Маша.

К концу урока пришли и за ней. Как только Александр услышал её фамилию, то дёрнулся в сторону вызывающего учителя:

— Её вчера на дискотеке не было, нечего её вызывать.

— Ты, Морозов, за себя отвечай, а администрация разберётся, кто был, а кого не было.

— Она не пойдёт, — упрямо повторил Саша, удерживая порывающуюся встать девушку за руку.

— Да ладно тебе, — тихо просила она, — мне не трудно, я схожу.

Весь класс смотрел на них.

— Хорошо, только говори сразу, что тебя там не было и обратно.

— Поняла, папочка.

Но до конца урока Маша так и не вернулась, не было её и на перемене. Морозов затолкал её тетради и учебники в сумку и, подхватив Настю, пошёл разыскивать девушку, которая по телефону сообщила подруге, что сидит в школьном зимнем саду.

— Что случилось? Ты почему в класс не вернулась? Зачем здесь прячешься? — засыпала её вопросами Настя. Морозов же подошёл молча и присел на корточки перед Машей:

— Рассказывай!

Она была грустная и тихая. Посмотрела на подруга, севшую рядом на диванчик, потом взглянула на Сашу, ждущего ответа, и вздохнула:

— Они мне столько всего про тебя наговорили.

Он перевёл дух.

— Всего-то? Я уж думал...

— А что хотели? — перебила его Настя.

— Чтобы я перестала общаться с Сашей.

— Это почему?

— Там полицейские были, сказали, что ты, — она посмотрела на парня, — у них в чёрных списках из-за...

Он предостерегающе сжал её ладонь, и она поняла, замолчала, искоса взглянув на подругу.

— Настя, ты иди, нам поговорить надо, — попросил он.

— Тайны? Ладно, потом встретимся, — поджала губы подруга и, подхватив сумку, ушла на следующий урок.

— Говори, — велел Морозов, так и оставаясь перед Машей и держа её руки в своих ладонях.

— Они наперебой рассказывали, какой ты страшный человек, что калечишь людей, доводя их до реанимации, что выступаешь за деньги на подпольных схватках, что тебе просто нравится насилие, поэтому мне опасно быть с тобой рядом...

Александр застонал и уткнулся лбом в её колени:

— Машка, они правы!

Она погладила его по тёмным волосам:

— Саш, но ведь я о тебя уже знала. Дело не в этом.

— А в чём? — он поднял на неё глаза.

— Завуч отцу позвонила, прямо из кабинета, при мне и других, и расписала наше с тобой общение в таких красках, что мы просто Бонни и Клайд какие-то получились.

— Вот тварь! Убью! — сжал кулаки Морозов.

— Даже не думай! — Маша взяла его лицо в свои ладони. — Слышишь? Не надо нам этих неприятностей.

— Ну неприятностей у тебя теперь и дома хватит.

— Думаю, отцу можно будет многое объяснить — он у меня человек нормальный.

— Нормальный, пока дело не касается родной дочери. Погоди, а что ты тогда переживаешь, если не из-за реакции отца?

— Они же тебя уже в уголовники записали и печать поставили. Как так можно?

Он откинул голову и громко рассмеялся:

— Так ты из-за моей репутации переживаешь?

— Что ты ржёшь, конь? А тебя твоя репутация не заботит?

— Среди школьной администрации? Нисколько, хорошая моя!

Она вдруг крепко прижала его голову к своей груди и судорожно вздохнула:

— А меня очень заботит.

Он замер, вдыхая её свежесть, а потом прошептал:

— Маша, я живой человек, и я мужчина, не делай так.

Она отпускает его, непонимающе смотрит и вдруг краснеет:

— Извини.

Он встаёт и отходит к большому панорамному окну.

— Если родители будут настаивать на нашем не общении, не упорствуй, соглашайся. Пусть всё успокоится.

— Переходим на нелегальное положение? — она подошла к нему и встала рядом.

— Ну, можно и так сказать.

— Соглашение в силе?

— А ты настойчивая, — хмыкнул Морозов.

— Просто сейчас вдруг до дрожи захотелось тебя обнять и поцеловать.

— Из жалости что ли?

— Нет, Морозов, из вредности! Ой...

— Что? — он мгновенно повернулся к ней.

— Родители приехали, — она смотрела на машину, остановившуюся у школьных ворот.

Из неё вышел мужчина в длинном тёмном пальто и остановился, что-то говоря в глубь салона.

Маша быстро набрала номер:

— Папа, я сейчас выйду, подожди меня на улице.

Александр видел, как мужчина согласно кивнул, отвечая дочери, и обвёл глазами здание школы.

— Я с тобой, — быстро сказал он Маше.

— Думаешь, стоит?

— Ты нас познакомь, а там посмотрим.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щёку:

— Ты мой тёмный ангел!

— Опять? — закатил он глаза. — Пойдём уже, фантазёрка.

К воротам школы они шли рядом, но за руки решили не держаться, чтобы не дразнить родителей, которые стояли на тротуаре у передней двери машины и пристально рассматривали парня, идущего вместе с их дочерью.

— Знакомьтесь, — сразу с места в карьер начала Мария, — это мои родители: мама Ольга Сергеевна и папа Андрей Петрович. А это мой одноклассник и друг Александр Морозов.

— Очень приятно, — несколько напряжённо сказал Саша, гадая, протянут ему руку или нет. Не протянули. Ясно, папочка в ярости, хоть и спокоен внешне.

— И нам приятно, — улыбнулась мать Маши и в отличие от мужа руку подала. Саша очень осторожно пожал её и перевёл дух: похоже, женская половина семьи его принимает спокойно.

— И давно одноклассник стал другом? — поинтересовался Андрей Петрович.

— Три недели назад, — в унисон ответили молодые люди и засмеялись, посмотрев друг на друга.

— Мария, в машину, а с тобой давай пройдемся, — категорично заявил отец девушки и, не дожидаясь ответа, пошёл вдоль школьной ограды. Александр отдал Маше её сумку, подмигнул и пошёл следом за ним.

— Значит, три недели. И с чего бы вдруг такой интерес к моей дочери? Вы ведь, если не ошибаюсь, давно в одном классе учитесь?

— А разве можно предсказать, когда тебе кто-нибудь понравится? — пожал плечами Саша. — Так уж получилось...

— Получилось у них! Друг, говоришь? И только?

— Не понял... — удивился Саша.

— Не прикидывайся, — нахмурился Андрей Петрович.

— А, вон вы о чём. Просто друг. Маша — девочка порядочная, не надо родную дочь

подозревать.

— Она-то порядочная, а вот ты...

— А что я? У вас есть основания во мне сомневаться? — вскинулся парень.

— Я знаю, кто ты, — вдруг сказал Андрей Петрович и остановился, всем телом разворачиваясь в его сторону, — я видел твои бои в закрытом клубе, но вот что ты одноклассник дочери и в страшном сне не мог представить.

— О, любитель мордобоя? Нравится необузданная сила?

— Не дерзи, мальчик.

— Да какая уж тут дерзость, только констатация факта. А вы жене и дочери о своих увлечениях рассказали? Они знают, как вы после работы развлекаетесь? Маша вот знает, чем я иногда — подчёркиваю, иногда — деньги зарабатываю. У меня от неё нет секретов.

— Нет, не знают, и не советую их в это посвящать.

— Да и не собирался, не моё это дело. Но вот и обо мне не надо делать поспешных выводов.

— А что тут делать-то? Ты не пара для моей дочери.

— Почему?

— У тебя опасная жизнь.

— Нормальная. У вас нет приятелей с подобным прошлым?

— Ты не сравнивай.

— Почему нет? — развёл руками Саша. — Я хорошо учусь, не гопник, готовлюсь поступать в нефтегазовый университет на бизнес-информатику. Чем не пара?

— Твоя вторая жизнь...

— Ну, у кого её нет.

Они стояли друг против друга: оба высокие, широкоплечие, черноволосые, напряжённые, — и две женщины, наблюдающие за ними из машины, заметили, как они похожи.

— А он красивый, — задумчиво произнесла Ольга Сергеевна.

— И очень хороший, — добавила Маша.

— В такого можно влюбиться.

— Можно, только я не влюблена.

Мать посмотрела на неё:

— Нет?

— Нет.

— Странная ты у меня.

— Он мне это постоянно повторяет, — и обе засмеялись.

Мужчины разговаривали напряжённо, изредка бросая взгляды в сторону машины, и Ольга Сергеевна начала хмуриться:

— Лишь бы наш папа не наделал глупостей.

— Я тоже этого боюсь. Мам, Саша замечательный, он такой надёжный, основательный, умный, и я ему очень-очень нравлюсь.

— А ещё он опасный.

— Для меня нет. Мне с ним ничего не страшно.

— Опасным можно быть и в чувствах, — вздохнула женщина. — Твой отец в молодости был таким же.

— Неужели?

— Потому я в него и влюбилась.

— Послушайте, Андрей Петрович, скажите прямо, что вы хотите от меня? — спросил Саша, которого уже, мягко говоря, достали вопросы о его жизни.

— В идеале я хотел бы, чтобы ты перестал встречаться с моей дочерью, но прекрасно понимаю, что ни ты, ни она этого не сделаете.

Морозов молчал и просто слушал.

— Поэтому я прошу сделать так, чтобы моя дочь не подвергалась опасности рядом с тобой, не была втянута в сомнительные дела.

— Это обещаю — я и сам в этом очень заинтересован.

— И ещё прошу, заметь — прошу по-хорошему, не распускать руки и не тащить Машу в постель.

Тут Александр не выдержал и фыркнул.

— Что смешного я сказал?

— Извините, это не из-за ваших слов. Просто Машу затащить в постель так же реально, как мне слетать на Марс.

— Это хорошо. Постой, а что, ты уже пытался?

— Не-а! Просто мы это с ней уже обсудили и решили, что пока это не наша тема.

«Что я несу?» — думал Саша, глядя на отца своей девушки.

— Хм, благоразумно.

— Андрей Петрович, тут ещё такая проблемка, — начал Морозов.

— Что ещё?

— Мне не хочется, чтобы Машу доставали из-за наших отношений в школе. Нет, пресечь разговоры среди своих я могу легко, но вот на неё сегодня администрация наслала, и Маша так расстроилась, что я готов был их всех прибить.

— Не надо, я сам с ними поговорю.

Мужчины вернулись к машине, и Андрей Петрович сказал в открывшуюся дверь:

— Я в школу заскочу, а потом домой поеду.

— А я решила Сашу к нам в гости пригласить, — объявила мужу Ольга Сергеевна.

— Хорошо, время согласовывайте. Ладно, Александр, до новой встречи, — Андрей Петрович протянул руку парню, которую тот крепко пожал.

Молодые люди смотрели друг на друга и вели безмолвный разговор:

«Что это было?»

«Всё пучком!»

Маша из машины смотрела, как уходит Александр, и чувствовала внутри нарастающее тепло. Его широкая спина приковывала взгляд, захотелось вдруг догнать его, обнять, прижаться. Девушка замерла от неожиданности: неужели? И сама себе улыбнулась.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

В пятницу вечером Саша звонил в дверь квартиры Соловьёвых. Ему открыл Андрей Петрович.

— Добрый вечер. Проходи, — он с ходу оценил внешний вид молодого человека и усмехнулся про себя. Тот явно постарался приодеться: тёмные брюки и белоснежная рубашка от Boss, на ногах монки, поверх рубашки пальто Strellson с синим шарфом. А в руках два букета: один из разноцветных роз он вручает Ольге Сергеевне, другой из нежно-розовых гербер и белых хризантем передаёт Марии.

Пока накрывают стол, Маша ведёт парня в свою комнату.

— Так вот она какая — девичья светёлка! — он обводит весёлым взглядом стены. — И кровать мягкая.

— Не мечтай.

— Посмотрим, посмотрим!

— Ты хоть умеешь пользоваться столовыми приборами?

— А без этих навыков ты в свою постель меня непустишь?

— Тебе сейчас за стол садится.

— Ем исключительно ножом и руками, я же дремучий орг.

— Ладно, не обижайся.

— Соловьёва, на тебя обижаться, всё равно что на ребёнка — и захочешь, не сможешь.

За столом Маша с опаской следит за ним, но в больших руках Морозова столовые приборы смотрятся органично. Он спокойно отвечает на вопросы Андрея Петровича, делает тонкие комплименты Ольге Сергеевне, перебрасывается шутками с Машей — в общем, душа компании.

Андрей Петрович внимательно наблюдает за дочерью и Александром, но так и не может уловить между ними какую-либо искру. Они действительно общаются как друзья, и отцу Маши такие отношения становятся даже удивительными. Он вспоминает, как в таком же возрасте познакомился со своей будущей женой и какие страсти кипели между ними. А тут всё тихо и гладко, хотя у парня репутация покорителя девичьих сердец.

А Маша в это время переживает внутреннюю трансформацию. Она смотрит на Александра не как на своего одноклассника, не как на лидера баскетбольной команды и не как на уличного бойца — перед ней молодой и интересный мужчина, способный покорить окружающих своими манерами. И никакого шутовства, никакой развязности в поведении. Она видит, что он понравился маме, понимает, что он о чём-то договорился с отцом, и сама для себя пытается определить, что же она испытывает к этому человеку. Ей нравится смотреть на него, общаться, дотрагиваться, а ещё ей в последнее время не хватает его поцелуев.

Морозов же ни о чём таком не думает. Он просто наслаждается блюдами, общением, а ещё внутренне посмеивается над слегка озадаченным Андреем Петровичем. Если тот думал увидеть тупого бойца, то явно был разочарован. Как он сказал? «Ты не пара моей дочери»? Александр не терпел, когда ему определяли рамки поведения. Он сам решал, каким быть и как себя вести, это зависело от многих факторов. Данная ситуация требовала быть вежливым, дипломатичным, обаятельным и лёгким. Будет ли он завтра таким в разборке с зарвавшимися северными? Нет, он будет жёстким, безжалостным и быстрым в действиях.

А сегодня он аккуратно промокнул губы салфеткой, отложил её в сторону и сказал:

— Спасибо, Ольга Сергеевна, всё было очень вкусно, а теперь, Андрей Петрович разрешите пригласить вашу дочь в кино. Это, конечно, не опера и даже не театр, но всё-таки культурная программа.

Отец Маши согласно кивает, но спрашивает:

— Когда вернётесь?

— Думаю, до двенадцати управимся.

Пока Мария переодевается, её отец предупреждает Морозова:

— Отвечаешь за её безопасность головой.

— До этого как-то справлялся, — позволяет себе огрызнуться Саша, но тут же вновь

возвращается в образ вежливого молодого человека:

— Маша, ты великолепна.

Она стоит перед ним в узких синих джинсах Levis, в пушистом изумрудном свитере и выглядит такой привлекательной, что он незаметно проглатывает комок в горле и быстро отворачивается к вешалке, чтобы подать пальто.

— Не забудь надеть шапку, — просит он, за что награждается благодарным взглядом её родителей.

Только на улице, натягивая перчатки, он может спокойно выдохнуть.

— Это был не ты! — утвердительно говорит Маша.

— Нет, это был я. Просто я личность многогранная, и ты меня ещё не изучила.

— Сколько открытий у меня впереди, оказывается, — улыбается девушка.

— Как и у меня, — улыбается он в ответ.

Маша уехала на своей межрегиональный конкурс, и Александр оказался предоставленным самому себе впервые за месяц. Он не ожидал, что так привяжется к этой девушке и будет скучать, но тем не менее это произошло, и он с удивлением ловил себя на постоянных мыслях о ней. Они созванивались, переписывались, но ему не хватало живого общения. Он вспоминал, как перед отъездом сказал ей:

— Очень прошу, вернись обратно такой же.

— Какой такой? Я всегда одинаковая.

— Такой же нетронутой.

— Морозов, ты совсем что ли? Я не собираюсь ни с кем заниматься любовью.

— Вот и помни это.

— Да откуда такие мысли?!

— Я же вижу, ты меняешься.

Он обошёл её по кругу, всматриваясь в очертания тела, в мимику лица.

— Ты проснулась, но сама этого не понимаешь. И я очень хочу, чтобы ты поняла это рядом со мной, а не со своим партнёром по латине.

— Андрей просто хороший друг...

— Да, да, все мы просто друзья, пока не захотим затащить девушку в койку.

— Может быть, не все такие извращенцы, как ты?

— Все, поверь! Но я самый честный.

Мария задумчиво взглянула на него:

— Послушай, ты так много говоришь о постели, о сексе, нашем сексе, как будто для тебя это дело решённое. Но мне интересно: это такая игра или тебе всё равно, с кем переспать, лишь бы было красивое тело?

— А ты считаешь, что у тебя красивое тело? — он пытается скрыть вдруг возникшее непонятно откуда чувство стыда за наглость.

— Я не считаю, я знаю, — спокойно констатирует она и ждёт его ответа.

— Ты мне нравишься. Ты прикольная, а не просто красивая.

— А вот мне прикольности и привлекательности мало, чтобы лечь в кровать, — вздыхает она.

— И слава богу, — улыбается он, — помни об этом вдали от меня.

Он тянется обнять её и с удивлением хватает только воздух — Маша стоит рядом и смеётся. Саша опять протягивает руку, стараясь схватить девушку, он она снова неумовимо выгибается и быстро скользит в сторону, оставляя его ни с чем. Его эта игра начинает забавлять. Обманное движение — пустота в его руках.

— Не понял?! — удивляется он и, изловчившись, на каком-то излёте ловит Машу за рукав. — Как ты это делаешь?

— Это танец, — смеётся она. — Ты разжигаешь страсть, но не даёшь до себя дотронуться — один из элементов румбы.

Морозов прижимает её к себе:

— Мне нравится твой танец. Только когда ты танцуешь его с другими! А я всё равно тебя поймаю — даже не сомневайся.

На второй день её отсутствия он посылает ей ММС — своё грустное лицо с нарисованной на щеке слезой и подписью «Я соскучился».

В ответ она присылает ему фото с вытянутыми в поцелуе губами: «Тогда целуй».

Он отвечает отрицательно «Только после твоего — Я тебя люблю!» и отправляет своё фото с самодовольным выражением лица.

В ответ получает ММС с ней, смеющейся: «Тогда жди! Когда-нибудь случается всякое!»

Вредная девчонка! Ему хочется не когда-нибудь, а сейчас. И он ничего не может с собой поделать. Ему надо, чтобы она испытывала к нему то же самое, что он к ней. А то, что влюбился, он сам давно признал, но не хотел, чтобы это было видно явно, потому что расценивал эту влюблённость как слабость. И ещё он с удивлением понял, что до этого никогда не был влюблён: страстен, похотлив — да, но не влюблён. Своих прежних он вспоминал спокойно, без дрожи внутри. Кроме их тел, извивающихся под ним, и сброса сексуального желания он не мог вспомнить ничего.

А с Машей ему хотелось пережить самую лучшую ночь в своей жизни, выпить всю её любовь и наполнить до краёв своей любовью. Но он понимал, что она пока не видит в нём любовника, и здесь не было притворства. Она, взрослевшая в мире танцев латины, видела вокруг столько красивых лиц, тел, движений, что научилась воспринимать это как фон, поэтому он, Александр Морозов, по которому тайно и явно вздыхали практически все девушки и женщины, не вызывал в ней сексуального влечения только потому, что был красив.

В воскресенье, когда она должна была вернуться, он участвовал в лично-командных соревнованиях на открытом чемпионате области по плаванию. К рекордам он не стремился, резонно полагая, что ни баскетбол, ни плавание не станут смыслом его жизни, а потому и напрягаться не стоит, но среди первых оказывался регулярно.

Первая дистанция — 50 метров брассом. Ничего сложного для него. Но стоило принять старт, как он почувствовал какое-то изменение вокруг. Что-то было не так, непривычно, и это смущало. Он постарался прогнать из головы непрощенные эмоции и сосредоточился на дистанции, которую предстояло проплыть.

Он вошёл в воду легко, скользя под ней и делая гребок руками и вертикальное движение ногами. Голова и плечи, блестящие от воды, появляются на поверхности. Тело само знает, как ему поступить — одновременный толчок ногами и возврат рук. Вперёд — легко, быстро, сильно, ощущая своё превосходство над соперником. Вода то размыкается перед ним, пропуская вперёд тело, подобное стреле, то вновь смыкается над головой, заставляя почувствовать лёгкое сопротивление, которое так приятно преодолевать.

Бассейн длиной 25 метров, поэтому, оттолкнувшись от бортика, Александр устремляется обратно, наслаждаясь невесомым движением, которое в его силах сделать ещё более быстрым. Финиш. Что там? Какой результат напротив его фамилии? 28.67! Личный рекорд.

Довольный, Саша идёт к душевым кабинкам, но какая-то неведомая сила заставляет его обернуться и посмотреть на шумящие трибуны: на первом и втором рядах прыгает и размахивает руками целая толпа его поклонников из одноклассников и ребят из баскетбольной команды, а среди них... Нет, этого не может быть! Соловьёва собственной персоной. Громче всех что-то кричит и смеётся.

Он меняет траекторию движения и подходит, насколько это возможно, к трибунам:

— Маша! Какой результат?

Она смотрит на него восторженно:

— Ты первый!

Он крутит пальцем у виска:

— У тебя! У тебя какой результат? — пытается он докричаться до неё.

Он с утра не успел узнать итоги её выступления, потому что она внезапно оказалась вне зоны доступа — теперь понятно, почему: ехала домой.

Она понимает и смеётся ещё громче:

— Мы победители!

Он вскидывает руки в поздравительном приветствии, а потом складывает пальцы сердечком, прижимает к своей груди и вновь посылает ей, шепча:

— Машка, я люблю тебя!

Ему кажется, что она по движению губ поняла, что он сказал, потому что перестаёт смеяться и несколько растерянно улыбается. Её губы движутся, но он не может прочесть, что она говорит, и, махнув ещё раз рукой, уходит в душ.

А девушка смотрит ему вслед и думает, что такого просто не может быть. Она ясно прочитала по его губам «Машка, я люблю тебя», но ведь могло и показаться?

Когда Саша оказывается рядом с ней, уже одетый в спортивный костюм, она переспрашивает у него:

— Что ты там говорил, я не расслышала?

— Говорил, что поздравляю, — его глаза смеются.

— Врёшь.

— С чего это такие подозрения?

— Я другое по губам прочитала.

— Что именно?

— Не буду повторять. Мне кажется, сработал эффект моего неожиданного появления — потому ты и брякнул, не подумав.

Морозова хлопают по плечам, поздравляют, и он отворачивается от девушки, скрывая за вымученной улыбкой досаду на глупую Машу и на самого себя, что не в состоянии скрыть свои чувства. Он спешит уйти, чтобы подготовиться к следующему старту — 100 метров баттерфляем.

Маша Соловьёва беззастенчиво рассматривает Морозова, вышедшего к стартовой тумбочке. Широкие плечи пловца, сильные мышцы груди, длинные ноги. Он принимает стартовое положение, выставив одну ногу вперёд, и Маша замирает. Она смотрит, как после сигнала Саша входит в воду, его руки совершают широкий и мощный гребок, и тело приподнимается над водой. Ей снова чудятся крылья за его спиной, только теперь не тёмные, а серебристые, сотканые из капелек воды. Он движется вперёд быстро, бешено, неукротимо разрывая гладь воды, мышцы перекачиваются под кожей, и Маша не может оторвать взгляда, произнося про себя: «Мой тёмный ангел».

Он снова первый, снова с личным рекордом, и девушка не в силах усидеть на месте. Ей хочется дотронуться до него, взять за руку, положить свои ладони на его талию, ощутив под пальцами сильные мышцы его тела. Она пробирается в раздевальные помещения и ищет Морозова среди других спортсменов.

Он выходит из душевой, вытирая волосы полотенцем и сталкивается с Машей.

— Соловьёва, тебе не кажется, что ситуация повторяется? — веселится он, глядя на неё.

— Просто дежавю какое-то, — согласно кивает она.

На нём только плавки, и Маша не может отвести взгляда от совершенного тела, покрытого капельками воды. Она смотрит на тату, убегающие вниз по боковым мышцам, и желание прикоснуться к нему становится просто навязчивым. Дотронуться — сначала рукой, потом губами, провести языком по его груди, слизав капельки воды с прохладной кожи, стянуть вниз этот кусок материи и... А что дальше, она и сама не знала.

— Нравлюсь? — перехватывает её взгляд Морозов и демонстративно поворачивается перед ней, широко раскинув руки.

— Очень, — подтверждает она и почему-то краснеет.

Он подходит к ней близко и просит:

— Скажи то, что я хочу услышать?

— Ты мне нравишься.

— Не то, Машенька, не то. Вернись на трибуну и дожидайся там.

Он отодвигает её с пути и уходит в раздевалку, а Маша чувствует, что только что совершила серьёзную ошибку. Он ждал слов любви, но она не могла их произнести, потому что это было бы неправдой. Саша привлекал её своей физической красотой, он нравился ей как сильная, незаурядная личность, ей льстило его внимание, но любить она не любила. Где же эти проклятые бабочки летают?

Вторник — единственный день, когда у них совпадает расписание репетиций у неё и репетитора у него: им ехать в одну сторону и возвращаться в одно и то же время. Встретившись после занятий на автобусной остановке, они решают немного пройтись пешком. После возвращения Маши с конкурса им ещё не удавалось побыть вдвоём, только вдвоём. Он закидывает её сумку с формой себе на плечо, и они бредут по тёмной улице вдоль ярких витрин магазинов, офисов, кафе.

— Знаешь, — вздыхает Маша, — на осенние каникулы мы с мамой уезжаем в Италию, папа сказал, что перед своим первым экзаменом мне надо отдохнуть, как следует.

Морозов молчит и мрачно смотрит вперёд.

— Ты ничего мне не скажешь?

— Почему же? Могу пожелать счастливого пути.

— Саш, не начинай. Ты же знаешь, какой я чувствую себя виноватой в таких случаях...

— В каких таких, Соловьёва? Мы с тобой впервые вдвоём, и всё, что ты мне можешь сказать, — это «Я уезжаю на все каникулы»!

— Лучше было бы не говорить?

— Не прикидывайся дурой! Ты не видишь, что в твоём присутствии мне трудно сохранять ясную голову? Ты не понимаешь, что действуешь на меня одурачивающее?

— Боюсь, мне трудно понять твои ассоциации...

Он останавливается и смотрит на неё прямо, не мигая, тяжело:

— Хорошо, я без ассоциаций. Я влюбился в тебя, как прыщавый подросток в модель из глянцевого журнала.

Её почему-то цепляет это сравнение, и она с интересом спрашивает:

— Почему из глянца?

— Потому что отдачи столько же, сколько от журнальной красоты — ноль. Постой, — спохватывается он, — а ты вообще слышишь, что я тебе говорю? Первая часть моего ответа прошла мимо твоего сознания?

— Почему же? Я тебя услышала, — она опускает голову. — Наш автобус, побежали?

— Наш автобус? — зло спрашивает он и смотрит на остановку, до которой они незаметно дошли. — Наш автобус, значит...

Он хватает её за руку и тянет вперёд. Она спешит за ним, стараясь не споткнуться, и чувствует, как он подсаживает её в салон.

— Успели, — выдыхает Маша, поворачиваясь, и видит, как закрываются двери, отсекая от неё Морозова. Она хочет крикнуть, чтобы автобус остановился, что ещё один пассажир не успел сесть, но видит, как Александр, засунув руки глубоко в карманы куртки, уходит прочь быстрым шагом, унося на плече её сумку.

Она проходит в середину салона и смотрит в темноту за окном. Только что она очень обидела человека, который был ей дорог. Нет, не любимого человека, а хорошего друга. Именно так она до сих пор воспринимает Сашу. Он не пробуждает в её душе страсть или ревность, ей просто с ним спокойно, уютно. Она чувствует себя защищённой в его присутствии. «А может, это и есть любовь?» — спрашивает она сама себя и прислушивается к внутренним ощущениям. Вряд ли. Ни бабочек в животе, ни желания оказаться в его объятиях, хотя очень хочется поцелуев именно с ним. А вот у него этого полный комплект. Может, пора прекратить их отношения, признать, что соглашение выполнено? Ведь программа, которую они танцевали с Андреем, произвела фурор. После зажигательной самбы Лидия обняла Машу и счастливо произнесла:

— Ты молодец, Мария!

А Андрей в гримёрке поинтересовался:

— Тебя можно поздравить?

— С чем?

— С потерей девственности. Сегодняшнее выступление было очень чувственным.

Значит, Морозову удалось пробудить эту сторону её природы, но не влюбить в себя. А разве не об этом она его просила? Откуда же такая тоска на сердце? Почему ей так неудобно перед ним?

Не успевает она об этом подумать, как на смартфон приходит смс-ка от Александра: **«Понимаю, что соглашение выполнено? Договор теряет свою силу».**

Он абсолютно прав. Но почему же ей так становится грустно? Не отвечая, она едет домой, размышляя над своей ненормальностью.

На следующий день в школе он не появляется. Она одиноко сидит первый урок на последней парте, остро ощущая, что ей не хватает рядом его мощи. На второй урок она возвращается за парту к Насте, которая смотрит на неё сочувственно:

— Поругались?

— Да... то есть нет... в общем, я не знаю, как это назвать.

— Всё ясно, — подруга категорична, — он тебя бросил. А я тебя предупреждала.

Маше не хочется сейчас что-либо ей объяснять, может быть, потом. А пока она пытается разобраться с тем, что творится в душе. Когда Саша рядом, ей спокойно и уютно, она воспринимает его как часть самой себя. А вот сейчас его нет, и она будто голая на всеобщем обозрении. Все шепчутся, глядя на неё, посмеиваются, только что не пальцем показывают. Но ведь как-то она жила без него? Что там в книжках писали про подобные ситуации? Ответа не находилось.

Она смотрит на телефон и открывает его последнюю смс-ку. Интересно, как он

расценит её ответ через полсуток? Она долго обдумывает ответ, а потом просто пишет: **«Нет, договор в силе. Вернись, пожалуйста».**

Отправляя послание, она ждёт, что он хоть как-то себя проявит, но ответа нет. Она не видит и не знает, что получив её сообщение, Морозов сначала злится и рычит, а потом на его лице появляется самодовольная улыбка. Вернись? Он вернётся, но на своих условиях.

Их общение в школе становится чисто формальным. Он больше не встречается и не провожает её после школы, сидит за партой один и не подсаживается за стол в столовой, но спокойно отвечает ей, если она к нему обращается, не избегает Машиного общества, если ей хочется побыть рядом с ним. И она постепенно сама всё реже и реже обращается к нему, наблюдая в основном со стороны. Все в классе это замечают и начинают строить догадки, что произошло между этими двумя: внезапно стали встречаться, также внезапно, судя по всему, разбежались. Девчонки из параллельных классов ехидно улыбаются, а парни начинают присматриваться к Соловьёвой, которую выбрал сам Морозов.

Однажды в столовой, когда Настя уходит с Михаилом и Маша остаётся одна, к ней подсаживается Семёнов.

— Можно?

— Сел уже. Что хотел?

— Даже не знаю, как начать...

— Начни сначала.

— Ага, точно. Ты мне нравишься.

— И?

— Хочу пригласить тебя на свидание?

Она вздыхает и отодвигает тарелку:

— Нет, Стёпа, прости, но мне не хочется идти с тобой на свидание.

— Что, рожей не вышел?

— Мне это не интересно.

— Только с Морозовым интересно?

— Не твоё дело.

— Не моё, — легко соглашается он, — но очень хочется узнать, почему ты просто не дашь мне шанс?

— Чтобы у тебя не возникло ложных надежд, — отвечает Маша и смотрит за его плечо, — ну и ещё для твоей собственной безопасности.

Семёнов оборачивается и видит Александра, который сидит через два столика и тяжело смотрит на них. Встретившись с ним взглядом, Морозов делает характерный жест большим пальцем по шее.

— Твою ж... — бормочет Семёнов, — спасибо за предупреждение. Так вы не разбежались, что ли?

— Много будешь знать, жизнь станет короче.

— Ладно, понял, я уже ушёл, — он поднимает руки, показывая ладони, и быстро исчезает.

Маша встречается глазами с Морозовым, который без улыбки смотрит на неё, приподняв бровь, как бы спрашивая: «Что это было?» Она строит ему рожицу и тоже покидает столовую. Возле самой двери он ловит её за плечо и, не позволяя повернуться, тихо произносит, обжигая дыханием шею:

— Если увижу с тобой кого-нибудь рядом, покалечу... его, не тебя.

И тут же уходит, не дав возможности ответить.

Каникулы без Маши проходят буднично: тренировки, тусы с друзьями, в субботу два боя. Всё как обычно, если не считать сосущей боли в груди от одиночества, которое ничем не заполнить, от которого никаким способом не избавиться. Он и представить себе не мог, что так будет скучать без неё. Пусть они не общались последние дни, но он видел её, мог в любое время обратиться к ней, а вот когда ты понимаешь, что между вами тысячи километров, то тебя просто накрывает волна тоски от осознания призрачной возможности быть с ней в данную минуту. Она должна вернуться седьмого, а шестого ноября он не выдерживает и отправляет ей смс-ку: «**Хочу увидеть**».

Через несколько минут он получает от неё ММС — Маша, весёлая и счастливая, пальцы сложены сердечком, — и подпись «**Смотри:)**».

И он смотрит. Он разглядывает её высокие скулы, серые, чуть вытянутые к вискам глаза, нежно-розовые губы, длинную шею и тонкие пальчики. Чёрные волосы распущены и свободно лежат на плечах и груди. Он дотрагивается до экрана смартфона и увеличивает её глаза, в которых будто затаилась смешинка: «Что, Морозов, ждёшь?»

Он ждёт.

Они встречаются в первый учебный день второй четверти возле её дома. Маша выходит из подъезда, видит за калиткой фигуру парня и замирает от восторга: он здесь.

Она со всех ног несётся к нему, кидается на шею, целует в щёку, очень быстро касается губ, как будто боится его реакции:

— Я так рада тебя видеть, Саша, я так соскучилась!

Он придерживает её одной рукой, не торопясь обнять и ответить на поцелуй:

— Я тоже скучал.

Она достаёт из сумки клетчатый длинный шарф и наматывает его Саше на шею:

— Когда увидела его, сразу подумала о тебе, и не удержалась, купила. Тебе нравится?

Она берёт его под руку и тащит по направлению к школе, не переставая рассказывать об Италии и своём путешествии. До самой школы он молчит и слушает её, пока она внезапно не замолкает и с тревогой смотрит на него:

— Что ты молчишь?

— Любуюсь, наслаждаюсь голосом, — честно отвечает он.

Маша забегает перед ним, тормозя его движение, вцепляется в отвороты его тёплой куртки и притягивает к себе:

— Знаешь, что я поняла в эту неделю без тебя?

Он молчит, боясь поверить.

— Ты нужен мне. Я не могу без тебя долго находиться.

Мимо них течёт поток школьников, учителей, родителей, ведущих своих детей в началку. На них оглядываются: кто-то с удивлением, кто-то с осуждением, а кто-то и с печальной улыбкой. Но они ничего не замечают.

— Говори, — просит он, — пожалуйста, говори.

— Я так скучала по тебе, что ничего не радовало. Ты мне снился, ты мне чудился в лицах встречных. И я не могла понять, почему. И только сейчас всё стало ясно.

Она ещё ближе притягивает его лицо к своему и шепчет в губы, неотрывно смотря в глаза:

— Морозов, похоже, ты сумел меня влюбить в себя.

— Повтори!

— Я в тебя влюбилась! Твоя задача выполнена.

— Моя задача только начинается.

Он обхватывает её тонкую фигурку руками, прижимает к себе и целует в губы — яростно, жадно, иступлённо, засасывая до боли, словно боясь, что девушка исчезнет. Когда он наконец отпускает её, Маша смеётся и прячет лицо у него на груди.

— Что? — не может понять Саша. — Я сделал что-то не так?

Она молча мотает головой, а потом выдыхает:

— Бабочки прилетели. Те самые долбаные бабочки всё-таки прилетели.

В класс они входят, держась за руки. Оба весёлые, счастливые, а она ещё и с бесстыдно припухшей нижней губой. Настя, глядя на них, недоверчиво качает головой, но радуется, что у Маши всё хорошо.

У них начинается новый этап отношений. Они много времени проводят вместе, обнимаются, целуются. И постоянно смеются: беспричинно, самозабвенно. Им не важно, что о них подумают, что скажут, как посмотрят.

Александр с удивлением открывает для себя другую грань отношений с девушками. Не чистое физическое влечение, когда главное — завалить в кровать, а нежность, от которой заходится сердце и не хватает воздуха в груди. Он зависим от неё — и спокойно может признаться, что не в силах больше контролировать себя. Она возносит его до таких высот, о которых Саша и помыслить не мог. И это от простого общения. Хочется закрыть её от всего зла в этом мире, оградить от всех неприятностей.

Маша же купается в новых, непривычных для неё ощущениях. Она прекрасно помнит, когда произошло перерождение.

Они с мамой проводили последний вечер в Риме, из аэропорта которого утром должны были вылетать в Россию. Они гуляли по широким туристическим улицам и маленьким проулкам, остановились у небольшого кафе и решили согреться чашечкой кофе прямо за уличными столиками. Было прохладно, но не холодно, скорее, после жаркого дня даже приятно. За соседними столиками велись негромкие разговоры. Атмосферу умиротворённости нарушили громкие звуки мотоцикла, влетевшего в проулок и резко затормозившего у кафе. Мотоциклист был рослым, широкоплечим, а когда снял шлем и потряхнул чёрными длинными волосами, сердце Маши сжалось — на несколько мгновений ей показалось, что это Морозов. А тут ещё и мама добавила:

— Как на Сашу твоего похож.

И тут же, как отклик Вселенной на мысли и слова, Маше пришло сообщение от него: **«Хочу увидеть».**

Сердце замерло, чтобы начать биться часто-часто.

— Что-то случилось? — от мамы не удалось скрыть волнение.

— От Саши смс-ка, хочет видеть.

— А ты? Хочешь его видеть?

— Да, я соскучилась.

— Так отпусти себя и напиши ему то, что чувствуешь. А лучше отправь фотографию. Дай мне свой смартфон — сфотографирую.

Потом она позировала, а мама выбирала лучший ракурс, чтобы поразить Александра.

Вечером в номере Маша вышла на балкон и посмотрела на звёзды. Завтра она будет в России, а сейчас Саша за много километров от неё. И то ли атмосфера вечера так на неё подействовала, то ли просто пришло её время, но девушка вдруг ощутила внизу живота приятные спазмы. Быть с ним, видеть его, дотрагиваться до него, обнимать его, целовать, чувствовать его — вот чего ей хотелось больше всего. Ночью Александр снился ей в очень откровенных сценах: злополучное полотенце в конце концов спало с его бёдер, полностью обнажая его, и он делал шаг ей навстречу, обволакивая её, растворяя в себе, наполняя собой.

А утром она проснулась мокрая и влюблённая.

Она рассказывает об этом Саше, и он смотрит на неё нежно:

— Кто же знал, что твой отъезд сделает меня счастливым?!

В конце первой недели после каникул проходят одна восьмая и четверть финалы ШБЛ. Маша и Настя прыгают на трибунах, болея за своих парней, которые летают по площадке,

вколачивая мячи в корзины. Морозов, кажется, поймал дикий кураж и не знает удержу. После победной сирены он несётся на трибуну, перепрыгивая скамейки, и крепко целует Машу-талисман. Это становится ритуалом. И на полуфинал, когда их команда встречается с девяносто четвёртой школой, одноклассники буквально тащат Машу на другой конец города.

Знакомая остановка — здесь её студия танца. Маша выходит в толпе болельщиков, стараясь не очень афишировать своё присутствие, но не тут-то было. Её окружают уже на подступах к спорткомплексу «Олимпийский», где обычно проходят полуфинальные и финальные матчи.

— Соловьёва, соберись!

— Я-то причём?

— Талисман всегда причём!

— Нашли крайнюю...

Наперерез им — толпа болельщиков девяносто четвёртой школы. Подколки, плавно переходящие в открытые оскорбления, не прибавляют Маше уверенности. Без Морозова она чувствует себя одинокой и незащищённой. Но последней каплей становится крик от болельщиков другой школы:

— А где ваш хваленый талисман? Где эта целлулоидная кукла?

Маше неприятно, страшно. Всё вокруг представляется какой-то фантазмагорией, и хочется побыстрее вернуться в нормальный мир, далёкий от неадекватных болельщиков.

Игра начинается нервно. Обе команды заряжены на победу. Но самое главное, что они обе ни разу не проигрывали и потому победить — дело принципа.

В команде соперников есть лидер, как и Морозов, но внешне — полная ему противоположность. Такой же высокий, мощный, широкоплечий, но абсолютно светлый: белая кожа, белые волосы, брови, ресницы, глаза с красноватым отливом — альбинос. Маша смотрит, как они стоят друг против друга — позитив и негатив, чёрный и белый, и все её симпатии на стороне её тёмного ангела.

Она до боли сжимает руки, когда начинается игра. Яростные атаки, жёсткие столкновения, фолы. Играют две команды, но даже любому опоздавшему на начало игры болельщику быстро станет ясно, что здесь спор двух ведущих игроков.

Морозов, ведя мяч, усмехается почти злобно, но в нём чувствуется лёгкость и мрачное обаяние, которое заставляет учащённо биться не только Машино сердце, но и многих девушек в зале.

Альбинос завладевает мячом изящно, кажется, он не прикладывает к этому никаких усилий. Его действия обманчиво ленивы, но всегда завершаются результативным броском. Поединок двух соперников приковывает внимание всего зала, их броски вызывают мощный крик трибун, а каждый заброшенный мяч воспринимается болельщиками как личная победа.

После второй десятиминутки в перерыве Саша по привычке спешит к Маше:

— Всё нормально. Мы победим, — и быстро целует её в губы.

Только вот в этот раз Маша не чувствует себя польщённой, потому что перехватывает за спиной Морозова взгляд альбиноса, который направляет на неё и Сашу выставленный палец и обозначает прицельный выстрел, после чего хохочет вместе с игроками своей команды, которые всё это видели.

Маша сжимается, пытается спрятаться за спину Александра. Он поворачивается, чтобы понять причину её паники, и встречает прямой взгляд противника — уверенный, насмешливый, презрительный.

— Чёрт! — шепчет он. И поворачивается к девочкам:

— Обе сегодня не выходите из зала, пока мы с Мишкой вас не заберём.

— Кто это? — спрашивает Настя, кивая на альбиноса.

— Андрей Мальцов, лидер школьной баскетбольной команды и по чудесному совпадению лидер северных.

Настя слышит только факты, а Маша читает подтекст: Саша уже сталкивался с ним в уличных разборках.

— Будь осторожен, — просит она.

— Всё будет хорошо.

Вторая половина игры проходит при ещё больших фолах. Когда Саша в очередной раз оказывается сбитым, Маша вновь встречается взглядом с Мальцовым, и тот вдруг делает в её адрес вполне недвусмысленное движение бёдрами, но главное, что это видит и поднимающийся на ноги Александр, которого тут же захлёстывает тёмная злоба. Он готов размазать альбиноса по площадке, но его вовремя останавливают одноклассники.

Вся последующая игра проходит так: когда мяч забрасывает девяносто четвёртая, альбинос посылает Маше воздушные поцелуи и крутит бёдрами; когда мяч забрасывает сто седьмая, Морозов прямо идёт на Мальцова, демонстрируя ему звериный оскал.

Маше страшно, и этот страх передаётся Насте.

— Да кто он такой?! — восклицает она. — Что он такое против наших парней?

Им везёт. Везёт невероятно: Морозов делает красивый данк, повисая на кольце, звучит финальная сирена, и игра заканчивается в пользу сто седьмой — 91–89. Они в финале!

После игры Маша и Настя послушно сидят в зале среди огромного скопления народа, пока парни не приходят за ними.

Морозов целует в щёку свой личный талисман:

— Ничего не бойся, но на репетиции ты будешь теперь ездить только со мной.

— Ничего себе! — удивляется Маша. — Это называется, ничего не бойся? Я столько лет езжу сюда, и со мной никогда ничего не случилось.

— Это территория Мальцова, и теперь он и его кодла знают тебя в лицо.

— И что теперь? Я, знаешь ли, собираюсь заниматься латиной и дальше.

— Будешь, Машенька, будешь. Я решу этот вопрос, верь мне.

Вот уже неделю он сопровождает её повсюду: в школу, из школы, на репетицию, к репетиторам. Маше такая опека кажется чрезмерной — не Чикаго всё-таки. Но Саша на все её усмешки отвечает серьёзно и твёрдо:

— Так надо.

Девушка, поначалу ждущая непонятно чего, в конце концов успокаивается и привыкает к постоянному сопровождению.

К ним подходят через две недели. Маша и Александр встречаются у дверей студии танца и идут к остановке, когда им дорогу заступают трое.

— Какие люди в наших краях! — картинно восклицает Мальцов.

— И вам добрый вечер, — Морозов закрывает Машу плечом.

— Что, Мороз, один сегодня да ещё и с тёлочкой и на нашей территории? — ласково спрашивает альбинос, но от его голоса у Маши по всей коже мурашки.

— Место не купленное, — также спокойно отвечает Александр.

— Но цену свою имеет, — слышит он в ответ.

Морозов пытается развернуться так, чтобы дать Маше дорогу до остановки, но ребята Мальцова умело теснят их к тёмному провалу двора.

— Встань у стены, — тихо просит Машу Александр.

— Их же трое, — испуганно шепчет девушка, понимая, к чему всё идёт.

— Не трусь, Маруся! — вдруг широко улыбается Саша. — Что такое трое? Так, бакланы косорылые. Эй, Малец, а запахло со мной на линию выйти?

— А кто ты такой, чтоб я с тобой по мастям толковал? — деланно удивился тот.

— И зачем тебе такая чичигага? Не по понятиям это.

Дальше всё случилось быстро, Маша только успела ойкнуть. Двое бросились на Александра. Он ушёл с линии атаки, припечатав первого коротким прямым в челюсть, а второго поймал на развороте и ударом ногой в пах отправил на землю. Тут же развернулся к первому, захватил его руку и, двигаясь всем корпусом по дугообразной траектории, заломил её назад, заставив нападавшего встать на колени. Но тут же был вынужден и сам упасть, уходя от захвата альбиноса. Тело Морозова, привычное к подобным дракам, казалось, жило само по себе. Только вот сегодня ему приходилось биться за двоих. Он чувствовал, как в душе поднимается хорошо знакомая весёлая злость, всегда придающая ему уверенность в победе, и ждал случая, когда можно будет поставить финальную точку. Расправляясь с только что поднявшимся соперником, Саша увидел, как Мальцов двинулся к Маше, послушно жмущейся к стене. Помешать ему он уже не успевал, потому только крикнул:

— Танцуй, Маруся!

Его крик стал неожиданным для всех: и для девушки, которая непонимающе на него взглянула, и для альбиноса, который на короткий миг приостановил своё движение, и для двоих гопников, которые ещё не знали, что нельзя просто так связываться с Морозом.

— Танцуй! — снова крикнул Саша, молясь про себя, чтобы Маша не впала в оцепенение и правильного его поняла.

И она поняла. Когда Мальцов протянул к ней руку, считая лёгкой добычей, она неуловимым движением двинулась ему навстречу, поднырнула под его плечом и оказалась за спиной. Он развернулся, чтобы схватить её, но она, повторяя его шаги, держалась позади.

Саша понимал, что этот танец долго не протянется, и ему надо поторопиться, поэтому первому гопнику он выбил правую руку из плечевого сустава, а второго отправил в глубокий обморок, саданув головой об угол дома. И вовремя — Маша уже попалась. Мальцову удалось схватить её за волосы, когда Александр ударил его в незащищённую гортань ребром ладони. Пока альбинос хватал воздух открытым ртом, Морозов подхватил сумки и потянул за собой девушку:

— Бежим!

Они заскочили в первый же подъехавший автобус, лишь бы покинуть это место. И только теперь Маша смогла перевести дыхание.

— Морозов, я сама тебя готова убить.

— Извини, я не думал, что он вот так сдуру ломанётся со мной разбираться и попытается отыгаться на тебе. Я виноват, но я сегодня — завтра разрулю эту ситуацию.

— Морозов, причём тут альбинос? — шипит девушка. — Почему ты меня называл Марусей? Что за пошлятина?

Он начинает хмыкать, а потом не может сдержаться и переходит на громкий хохот. На них оборачиваются, кондуктор качает головой, но через какое-то мгновение тоже начинает улыбаться, так заразительно звучит смех Саши.

— Тебя только Маруся беспокоит? Ну извини!

— Что ты ржёшь? — Машу начинает сильно трясти.

Он смотрит на неё внимательно:

— О, отходнячок начинается.

— Что?

— Запоздалая реакция на стресс, говорю.

Они выходят через две остановки и пешком добираются до центра. Маша молчит, вцепившись в руку Александра, и всё время оглядывается. Он хочет отвести её домой, но она мотает головой:

— Нет, там мама. Не могу с ней пока говорить.

— Тогда ко мне?

Она кивает.

Дома он знакомит маму с Машей, просит поставить чайник и проводит девушку в свою комнату.

— Посиди, я сейчас вернусь.

— Ты куда?

— Надо сделать несколько звонков без женских ушей. Не бойся, можешь посмотреть на меня в окно, — улыбается он.

Когда Наталья Владимировна приносит чай, Маша стоит у окна и смотрит на Морозова, который меряет шагами пространство перед подъездом и что-то ожесточённо говорит в трубку. Собеседник не может видеть его жестов, но Александр, видимо, не сдерживает себя, подкрепляя свои слова энергичными движениями. Его мать останавливается рядом с девушкой:

— Что-то случилось?

— Да, но он уже всё решил, надеюсь.

— Он не пускает меня в свою жизнь, — вздыхает Наталья Владимировна, — может, это и к лучшему. Саша очень быстро повзрослел, и иногда мне кажется, что это он обо мне заботиться, а не я о нём.

Маша кивает, соглашаясь, и её опять начинает бить крупная дрожь. Она хватается за кружку с чаем и начинает пить маленькими быстрыми глотками, чтобы Наталья Владимировна ничего не заметила. Ей становится по-настоящему страшно только теперь. Она внезапно понимает, что Морозов не просто восемнадцатилетний ученик 11 класса, спортсмен, душа компании и покоритель девичьих сердец, но жестокий боец, которого сложно остановить, если он сам этого не захочет. Он не выбирает способов выйти победителем, потому что всегда нацелен на оптимальный итог схватки: вывихнуть руку, сломать ногу, челюсть, отправить соперника в нокаут. Это не спортивное состязание, это борьба за собственную безопасность и выживание. Поэтому Наталья Владимировна права: сын заботится о ней, чтобы оградить от душевных потрясений, которые у неё возникнут, узнай она всю правду о его тайной жизни. Теперь и Маше становится понятно, почему он так резко отрицательно отреагировал на давнюю просьбу взять её на один из боёв, где он выступает. Знать — одно, видеть его в деле — совершенно другое. Он и её хотел уберечь от жестокого зрелища, но жизнь внесла свои коррективы.

Когда Саша возвращается домой, он находит совершенно расстроенную Машу, готовую разрыдаться.

— Что ты, родная? Всё позади, не надо об этом думать. Тебе больше ничего не

угрожает, Мальцову всё объяснят другие люди.

— Без угрозы для жизни?

— Я имел в виду разговор на словах.

— Я испугалась.

— Я знаю, но сейчас уже можно успокоиться.

— Я за тебя испугалась... И тебя испугалась.

Он поднимает её лицо за подбородок:

— Меня тебе бояться не надо. Что бы ты ни сделала, я тебя не трону. Никогда.

Она отставляет пустую чашку и смотрит на Сашу:

— Эта драка...

— Всё, забыли!

— Нет, ты не понял. Она пробудила во мне такие звериные инстинкты, что я, — она краснеет и прячет взгляд, — не могу сдерживаться...

Она обнимает его за шею и нежно целует. Её пальцы зарываются в его волосы, а поцелуй вдруг становится требовательным, сильным. Она отрывается от него, смотрит в глаза и вдруг кладёт его ладонь на свою грудь.

— Подожди, — шепчет он и встаёт, чтобы закрыть дверь в комнату на замок. Она сидит на его софе, такая желанная, что он не может поверить в реальность происходящего.

— Скажи, чего ты ждёшь от меня? — он опускается рядом. — Я сделаю всё, что ты захочешь.

Вместо ответа она снова тянется к нему губами, и он кладёт ладонь ей затылок, чтобы подчинить себе каждое её движение. Сначала губы соприкасаются легко, нежно, он кончиком языка проводит по их контуру, чтобы тут же мягко захватить её рот полностью, ритмично, в такт своему дыханию то засасывая их, то отпуская.

— Я стал зависимым от тебя, — шепчет он, — ты сводишь меня с ума.

— А ты меня, — отвечает она.

Их поцелуй становится жёстче, он раздвигает языком её губы и властно вторгается в её рот, лаская нёбо и язык всё настойчивее и настойчивее. Не переставая целовать, он раздвигает её бёдра и кончиками пальцев легко, но ощутимо проводит у неё между ног. Маша выгибается от взрыва неожиданных ощущений, которых до этого момента ещё никогда не испытывала. Она начинает стонать и ничего не может с собой поделать.

— Скажи, что хочешь? — вновь повторяет он.

— Тебя, тебя хочу. Немедленно, сейчас...

Он отстраняется от неё:

— Ты правда этого хочешь или в тебе всё ещё адреналин играет?

— Хочу, — лёжа на спине она начинает лихорадочно расстёгивать пуговицы на его рубашке, освобождая его мускулистое тело от куска материи и открывая себе доступ к нему.

Он не сопротивляется, но и не помогает, молча ждёт продолжения, и только тяжёлое дыхание выдаёт его истинные чувства. Она встаёт, чтобы было удобнее его раздевать: сначала рубашка, потом ремень на джинсах и сами джинсы, улыбнувшись и не позволяя ему встать, с покорностью послушной жены снимает с него носки. Он сидит на софе перед ней в одних низко сидящих боксерах, и она удивляется, насколько он возбуждён. Она уже видела его обнажённое красивое мощное тело в раздевалке, в бассейне, но не предполагала, что вид вздыбившейся материи может так завести её. Маша тянет руку к резинке его трусов, но он перехватывает её кисть:

— Теперь моя очередь.

Он раздевает её также медленно. Расстёгнута молния на спине, и платье распадается на две половинки, обнажая плечи, спину. Он стягивает платье вниз, опускаясь вместе с ним до самого пола, и смотрит снизу вверх, как она переступает через него длинными ногами. Не поднимаясь, он тянет вниз колготки, осторожно скатывая их по её ножкам, и тоже откладывает в сторону. Заходит ей за спину, проводя руками по плечам, бокам, берётся за застёжку и снимает с дрожащей Маши лифчик. Обхватив руками тонкую фигурку, кладёт ладони на её упругие груди и, поглаживая большими пальцами торчащие твёрдые соски, спрашивает из-за плеча:

— Эта дрожь от холода или от желания?

Она закидывает руки назад, грубо хватая за волосы, и притягивает его губы к своей шее:

— От твоей близости, — стонет она в то время, как он целует её за ухом, вызывая новый приступ чувственных спазмов внизу живота.

Он подталкивает её к софе и укладывает на спину, а сам всем телом опускается сверху. Он целует Машу со страстью, на какую только способен, пытаясь преодолеть внутреннюю дрожь, и она отвечает ему тем же. Его губы перемещаются на шею, потом поднимаются к уху, он покусывает мочку, чтобы тут же заглушить незначительную боль сосущим поцелуем, и шепчет:

— Твой запах сводит с ума. Я хочу, чтобы тебе сейчас было очень, очень хорошо.

— Так сделай это уже скорее, — стонет она под ним. Он готов сам застонать от напряжения, которым переполнен.

— Но сегодня мы не будем торопиться. Мы будем делать это медленно.

Он проводит кончиком языка сначала по одному набухшему от желания соску, потом по другому, а затем почти заглывает его вместе с ареолой, сжимая сосущими губами и лаская языком.

Я не хочу больше бороться с собой. Я опустошён своими чувствами и хочу добраться до тебя как можно скорее, потому что каждый миг отсрочки — мука. Я сдаюсь перед тобой, но не чувствую себя побеждённым, потому что любить тебя, ласкать тебя — это счастье.

Маша задыхается от разлившегося по телу желания. Она никогда не испытывала подобного, не представляла, что её тело так охотно откликнется на мужские ласки, что ей будет хотеться совсем уж бесстыдных действий. Её руки скользят по Сашиной спине, пальцы впиваются в сильные гладкие мышцы, но он, кажется, не замечает этого. Она обхватывает его ногами, чувствуя, как его вздыбленный член упирается в её промежность, и начинает тереться о него.

Я поражена, я удивлена. Ты мой тёмный ангел, сделавший мир вокруг светлее, ты появился тогда, когда мне стало тебя остро не хватать. Ты заполнил мою жизнь, а теперь заполни меня всю, сделай то, что свяжет нас двоих.

Он отрывается от неё:

— Нет, Машенька, сегодня я не возьму тебя.

— Почему? — она готова плакать от возбуждения.

— Потому что потеря девственности — это больно, это чуть кроваво и это громко.

— Но я хочу тебя, — всхлипывает Маша, ещё теснее прижимая своими сильными ногами его пах к себе.

— Я знаю, милая, я чувствую это. Я дам тебе наслаждение, но немного по-другому. Тебе

тоже понравится.

Целый каскад страстных поцелуев обрушивается на её тонкую шею.

— Разожми ноги, отпусти меня, — просит он.

— Не могу, — мотает она головой, — я хочу тебя.

— Тогда отпусти, — тихо смеётся он, — и я возьму тебя...

Она подчиняется, и он медленно скользит вниз по её телу губами, одновременно снимая с неё трусики. На вытянутых руках он нависает над ней, жадно рассматривая её полностью обнажённое тело:

— Ты само совершенство! Машенька, ты прекрасна!

Я влюблён в твоё тело и не могу до конца поверить, что ты сейчас в моей комнате и подо мной. Сегодня мы начнём новую страницу наших отношений. Я хочу тебя, я жажду твоей любви, и моё сердце готово взорваться от нежности.

Он приникает губами к её животу чуть выше треугольника волос, рисуя языком на нежной коже страстные узоры, а она обеими руками прижимает его голову к себе, не в силах молча принимать его ласки.

— Хочу, хочу... — шепчет она, уже плохо понимая, где она находится.

Он не ожидал, что она окажется такой чувственной, ему тоже тяжело сдерживаться, но больше, чем кончить самому, ему хочется доставить ей первое сексуальное удовлетворение.

Он опускается прямо перед ней и раздвигает её бёдра. Она лежит перед ним совершенно открытая и доступная. «Моя! И это сводит меня с ума!» — думает он, глядя на розовые складочки половых губ, ещё плотно сомкнутых, но уже налившихся кровью от возбуждения. Он кладёт на них ладонь и осторожно гладит по всей длине. Её тело выгибается, ноги сдвигаются, и он заводит одну руку ей под ягодицы, чтобы обеспечить себе удобство.

Девушка приподнимает голову и смотрит на Александра, который трогает её там, где и подумать стыдно. Её щёки заливают жаром:

— Ты... что ты делаешь?

— Устанавливаю свои права на тебя, — улыбается он и вдруг пальцами раздвигает складочки и дотрагивается до клитора.

— Ах! — только и может выдохнуть она.

— Постарайся не кричать громко, любовь моя, — просит он, — мы всё-таки не одни в квартире.

А сам продолжает погружать свои пальцы в неё, всё дальше и глубже. Стенки влагалища, ещё не знавшие мужской ласки, тесным кольцом обхватывают его пальцы и пульсируют в такт движениям.

— Дай мне попробовать тебя, — просит он, и девушка раздвигает ноги ещё шире.

Продолжая держать пальцы в ней, Саша дотрагивается губами до её клитора: сначала просто целует, потом проводит языком по всем складочкам, чувствуя её вкус, а потом то быстро, то медленно начинает посасывать маленький бутончик, доверчиво раскрывшийся навстречу его ласкам.

Что я могу тебе дать, моя богиня? Чем могу тебя поразить? Только своей безграничной любовью. Ты лежишь передо мной обнажённая и прекрасная, но моя душа обнажена перед тобой ещё сильнее. Я открыт перед тобой, и ты можешь сжечь меня своей любовью или оставить умирать без тепла твоего тела, твоей души.

Она дрожит всё сильнее, её тело горит от нарастающего желания, мощная волна

удовольствия надвигается откуда-то из глубины. И схватив Сашу за волосы, она вжимает его губы в себя ещё крепче и начинает двигаться с ним в одном ритме вверх и вниз, закусив губу и сдерживая крики, которые рвутся наружу.

Я чувствую твоё желание, я закрываю глаза, чтобы не отвлекаться от твоих прикосновений, и отдаюсь волнам удовольствия. Мне нужны твои ласки, мне нужно, чтобы ты был рядом, только так жизнь начинает приобретать краски. Твои губы уносят страхи. Ты делаешь то, чего со мной никогда и никто не делал раньше. И я счастлива, что это именно ты. Я купаюсь в твоей любви и хочу отдать себя всю, без остатка, только тебе и никому больше.

Кажется, уже нельзя быть более возбуждённой, но тут он меняет положение: теперь его рука ласкает клитор, а губы и язык прижимают к влагалищу, начиная новую игру страсти. Ритм ускоряется, и Маша, выхватывает из-под головы подушку, чтобы ею приглушить крик блаженства, которое наконец переполняет её и взрывается наслаждением. Её тело, выгибается так, что опирается только на лопатки, ноги лежат на плечах Александра, который вместе с ней вынужден подняться и теперь стоит на коленях, не прекращая ласкать её. Машу ещё минуту сотрясают сладостные конвульсии, а когда она опускается на софу, то видит счастливого Сашу:

— Тебе понравилось! — скорее утвердительно, чем вопросительно выдыхает он.

Она кивает, не в силах произнести ни слова, а он буквально сдирает с себя боксеры:

— Моя очередь, — тихо произносит он, — но сегодня без проникновения.

Она садится и смотрит на его возбуждённый член, устремлённый вверх. Ей никогда не приходилось видеть мужчину вот так, голого, возбуждённого, и это тоже заводит.

Я всё ещё ощущаю твои губы на себе, я чувствую тебя всей кожей. Я поняла, насколько была наивной, не замечая твоей любви ко мне. Но сейчас я хочу отдать тебе хотя бы часть того, что ты подарил мне.

Она остро желает, чтобы Саше было так же хорошо, как и ей, и она вдруг берёт его достоинство в свои ладони и начинает гладить. А потом целует, постепенно обхватывая головку губами полностью и глядя языком уздечку.

— Маша, это не обязательно, — шепчет ошеломлённый Александр, — мне бы хватило и руки... Откуда такие умения у девственницы?

Но она уже поймала ритм и ждёт, когда пульсация под её руками и губами взорвётся экстазом. И это происходит достаточно быстро потому что Саша уже давно себя сдерживал, а губы любимой девушки оказались слишком горячими. Он резко вырывается из плена её рта, и белая сперма заливает её грудь, живот. Он полностью обессилен, но всё-таки его хватает на то, чтобы достать из шкафа чистое полотенце и простыню.

Он падает животом на софу рядом с Машей и лежит с закрытыми глазами, чувствуя, как она шевелится рядом, сначала вытираясь, а потом накрывая себя и его простыней.

— Это было великолепно, — она прижимается к его боку, закидывая на него ногу. Он ощущает на своём бедре щекотку от её жёстких волос и поворачивается к ней.

— Да, ты оказалась лучше всех ожиданий. Ты перенесла меня в свой рай. Я хочу любить тебя долго, хочу, чтоб ты кричала подо мной и не прятала крик в подушку.

— Я согласна. Назначай день.

— Ночь, только ночь.

— Хорошо, ночь.

Он переворачивается на спину и с интересом разглядывает её:

— А вот этому распутству ты тоже по книжкам научилась?

— Скажи, что тебе не понравилось, и я уйду.

Он дотрагивается до её груди, глядя сосок, заставляя его вновь стать твёрдым:

— Нет, любовь моя, ты от меня никуда не уйдёшь. Я обязательно окажусь внутри тебя и заставлю плакать от счастья.

— Что же ты сегодня остановился?

— Слишком люблю, чтобы делать тебе больно. Я хотел, чтобы ты запомнила наш первый раз, как чудо, как высшее блаженство. И когда я всё-таки лишу тебя девственности, ты будешь понимать, что через боль придёт и наслаждение.

Её подбородок упирается в его грудь, она внимательно слушает, чтобы сделать вывод:

— Ты большой романтик.

— Я прекрасный любовник, — смеётся он. — А ты долго отрицала очевидное. Я хочу большего, но не терплю спешки.

Она откидывает с него простыню и проводит пальцем по тату. Его живот сжимается под её прикосновением.

— Помнишь, ты обещал сказать, что здесь написано.

— Любопытная кошка! Ну, хорошо. Вот здесь, слева «*Experientia est optima magis*» — «Опыт — лучший учитель», а справа «*Liberum arbitrium indifferentiae*» — «Абсолютная свобода выбора».

— Значит, на чужом опыте ты не учишься?

— Я вообще не верю, что это возможно. Пока сам не попробуешь — не поймёшь: на правильном ты пути или нет.

Она целует его в живот и произносит:

— Сейчас мы должны сделать абсолютно свободный выбор — встать и одеться. А ещё ты должен проводить меня домой.

Он стонет:

— Не хочу, но должен. Пообещай, что у нас с тобой будет безумная ночь и совместное утро?

— А ты пообещай, что сделаешь правильный выбор и не будешь ревновать меня ко всем подряд.

— Это чертовски трудно.

— Но ты постарайся, хорошо? Потому что я хочу быть с тобой в одном ритме.

Саша согласно кивает, и только после этого Маша позволяет ему себя поцеловать.

Им больше не удаётся побыть наедине — рутина дней захватывает их в свой водоворот. Но Маша начинает подозревать, что это всего лишь отговорка именно с её стороны. В тот вечер она поддалась моменту, и её страх от нападения Мальцова с гоп-компанией сублимировался в сексуальное желание, которое пробудило в ней истинную женщину и заставило почувствовать себя раскрепощённой. И хотя ощущения от того вечера с Сашей были остры, а воспоминания о нём заставляли голову приятно кружиться, Маша вновь чувствовала какую-то внутреннюю преграду и боялась, что Александр сам назначит вечер икс, а она будет к этому не готова. Она действительно любила его и смогла оценить заботу, которую он проявил к ней в постели. И всё же не хотела торопить события.

А он радовался, как ребёнок, каждой встрече с ней и не подозревал, какие противоречия поселились в её душе, а если бы узнал, то очень бы удивился. Сам Саша считал, что всему своё время, полагая, что всё произойдёт само собой. Он, конечно, не был фаталистом и предпочитал сам выстраивать свою жизнь, но с Машей не хотел никакой самодеятельности.

В школе они держались как обычно, придя к молчаливому соглашению не выставлять свои истинные чувства напоказ — они и так были в центре внимания, за каждым их шагом следили сотни глаз, и не всегда доброжелательных. Ему было всё равно, что думают о нём, но вот Маша не обладала таким иммунитетом против сплетен, поэтому он не хотел давать для них дополнительных поводов.

Но тем не менее слухи о его драке с Мальцовым каким-то образом просочились в школу, обросли невероятными подробностями и превратили его в героя, противостоящего целой банде и защищающего честь девушки.

К нему самому никто не решался подойти с расспросами, а вот Машу подловили на перемене в столовой.

— Слушай, Соловьёва, а правда, что из-за тебя Морозов сразу с шестью дрался?

— Нет, не правда.

— Что не правда: что из-за тебя или что с шестью?

— И то, и другое неправда.

— Врёшь. Дыма без огня не бывает.

Маша пожимает плечами, стараясь не уронить поднос с тарелками, и идёт к столику, за которым её ждёт Настя. Но однокашницы не отстают.

— Соловьёва, а что за твоё спасение Морозов попросил? Сразу в постель потащил?

Одна закатывает глаза:

— Помню, со мной он тот же трюк проделал. Тёмный двор, хулиганы, он их всех разметал, а потом так проникновенно прошептал: «Пойдём ко мне, тебе нужно в себя прийти». И такой секс у нас был — ой, мамочки!

— А тату у него все разглядела? — интересуется другая. — И про сексуальный опыт, который лучший учитель, он рассказал?

Машу начинает трясти.

— А «со мной ты получишь суперсекс» только обещал или уже получила?

— А завтрак вдвоём тоже уже был? Смотри, это у него как точка расставания...

— Если что, добро пожаловать в клуб Морозовских брошенок.

Посмеиваясь, девушки оставляют Машу, стоящую посреди столовой и не понимающую, что делать дальше.

— О чём задумалась, любовь моя? — ухо обжигает дыхание Александра. Он забирает из её рук поднос и уверенно идёт к столику Насти, которая встревоженно смотрит на подругу. Она видела, как её окружили девчонки из параллельного 11 Б, видела, но не слышала, как они что-то ей говорили, но по её лицу поняла, что ничего хорошего.

При Морозове Настя ни о чём расспрашивать не хочет, но тот сам замечает, что с девушкой что-то не то.

— Тебя кто-то расстроил?

Маша просто отрицательно качает головой, не в силах посмотреть на него. Тогда Саша поднимает взгляд на Настю, та в подтверждение закрывает глаза.

— Кто? — жёстко спрашивает он.

Настя снова глазами указывает на стайку девушек, которые как ни в чём не бывало уселись от них через несколько столов и, кажется, потеряли интерес к Марии.

Морозов дотрагивается до локтя девушки:

— Что они тебе сказали?

— Саш, — откидывается она на спинку стула, — какая разница? Ты будешь меня защищать ото всех?

— Надо — буду, — упрямо соглашается он, — разговор меня касался?

Она хочет соврать, но под его тяжёлым взглядом говорит правду. Он слушает внимательно, и с каждым словом Маши его брови поднимаются всё выше и выше. Она невольно любит его, хотя разговор не из приятных.

В конце её рассказа Александр в сердцах восклицает:

— Вот и помогай вам после этого! В следующий раз мимо пройду, если увижу, что кого-то пытаются изнасиловать — меньше сплетен о себе соберу.

— Сначала спас, а потом сам решил воспользоваться? — хмыкает Настя, понимая, что Маша не решится задать подобный вопрос.

— Ну да, воспользовался, — соглашается он, — только я ведь не железный: когда девушка сначала слезами заливается, потом на шею виснет и себя предлагает, я пользуюсь ею.

Маша дёргается, как от удара.

— А мной тоже попользовался?

Настя настороженно смотрит на них и видит, что теперь так же дёргается Морозов:

— Соловьёва, наверное, мой вопрос уже можно считать нашей фишкой: ты совсем дура? Ты вообще меня не понимаешь?

Он быстро смотрит на Настю, а потом вновь на Марию.

— Я люблю тебя, — говорит он тихо, — никому этого до тебя не говорил, а теперь вот при твоей подружке ещё раз повторю: я тебя, Машенька, люблю. Тебя и никого больше. Верь мне.

— Почему я должна этому верить?

— Потому что это правда, — просто ответил он.

— Сколько же ещё девиц разглядывали твои тату?

Он разводит руками:

— Да, практически, все. Настя вон тоже видела, правда, Настя?

Та кивает:

— Я даже знаю, что с каждой стороны написано, — улыбается она.

Маша в шоке смотрит на неё:

— Ты? С ним?

Александр и Настя заходятся в смехе.

— Память плохая, Маруся? — интересуется Саша. — Да меня полшколы в бассейне в одних плавках видело.

— А Мишка мне потом перевёл тату, — снова фыркает Настя.

— Да ну вас, — Маша успокоилась, но от разговора отойти всё ещё не может. — И перестань называть меня этим пошлым именем.

— Так и веди себя как Мария, а не как Маруся с рабочей окраины, — парирует он.

Саша видит, что она вошла в привычное состояние, и переводит разговор на нейтральные темы, дожидаясь, когда девушки пообедают.

Они первыми покидают столовую, а он задерживается у стола, за которым сидят пять старшеклассниц.

— Привет, девчонки, — обманчиво миролюбиво здоровается он. Они радостно ему отвечают.

Он опирается ладонями на край стола и обращается к одной:

— Лерочка, детка, помнишь, как тебе было хорошо со мной?

Она удивлённо смотрит на него, потом неуверенно кивает.

— А ведь я могу сделать так, что тебе со мной будет очень и очень плохо.

Он без всякой нежности смотрит в её теперь испуганные глаза и добавляет:

— Я девушек обычно не бью, но если они лезут туда, куда не следует, и говорят то, что не нужно, то могу и поучить. Жёстко поучить. И это касается всех. Ещё раз моя девушка из-за вас расстроится, покалечу.

Он обводит тяжёлым взглядом притихших девушек и растягивает губы в улыбке:

— Чего притихли, девчонки? Приятного аппетита.

Но что-то ему подсказывает, что девчонок не радует его улыбка, больше похожая на оскал.

7 декабря, в первую среду месяца, 11 классы пишут свой первый настоящий экзамен — итоговое сочинение. От его результатов будет зависеть, допустят ли их в конце года до ЕГЭ или нет. Кто-то переживает, кто-то спокоен, так как уверен в своих силах, но у всех несколько взвинченное состояние — первый экзамен.

— Пожалуйста, — просит она его перед началом работы, — не высказывай бредовых мыслей. Пиши в цензурных рамках, не пугай учителей.

Она знает, о чём говорит. Когда они писали предэкзамен, Саша выбрал тему из направления «Опыт и ошибки» и написал, что ошибки совершают лузеры, а у чётких парней не ошибки, а опыт.

— Хорошо, — обещает он, — я сам заинтересован в допуске. Глупо проторчать 11 лет в школе и не получить аттестата из-за сочинения.

Классы разводят по кабинетам — по пятнадцать человек в каждом, по одному за партой. На стенах видеокамеры работают в системе онлайн, но без записи изображения.

Маша и Александр попадают в одну аудиторию: он сидит за четвёртой партой первого ряда, она — за второй на третьем.

Темы озвучены. Темы выбраны.

Морозов смотрит на тонкую шею Маши, грызёт кончик ручки и понимает, что не туда уходят все мысли. Девушка чувствует его взгляд, оглядывается и посылает ему быструю улыбку.

Сосредоточившись, он начинает.

Когда возникает конфликт между чувствами и разумом? Между эмоциональным и рациональным? Жизнь часто ставит нас в ситуацию выбора, а это может привести к конфликту между «я хочу» и «я должен». Я должен проявлять благоразумие, должен помнить, что честь превыше всего, должен вести себя как мужчина. В школе я должен соблюдать дисциплину, должен учиться, должен быть корректным с окружающими. Должен, должен, должен... А чего я хочу?

Я хочу быть свободным в своих действиях. Хочу быть независимым в своих решениях. Но приходится подчиняться общественным правилам.

Но здесь ещё нет никакого конфликта, потому что все мы с детства привыкаем жить по законам социума.

Так, когда же возникает непосредственно конфликт? Тогда, когда появляются настоящие чувства. Я был уверен, что всё могу подчинять своему разуму: я мог контролировать свой гнев, легко справлялся со злостью и всегда действовал по холодному расчёту, полагаясь на логику и быстро просчитывая все возможные в данной ситуации варианты. Но всё изменилось, когда я влюбился — по-настоящему. Не случайная девочка, не одна из многих таких же, а одна единственная снесла своим появлением все мои рациональные жизненные установки. И это стало для меня самым сильным потрясением этой осени.

Разум кричал: «Она слишком хороша для тебя! Вы из разных миров, у вас разные дороги. Пойдя за ней, ты станешь мягким, будешь лёгкой добычей для своих врагов. Подумай, зачем тебе эти сложности?»

А чувства нашептывали: «Ты не можешь отказаться от своего счастья. Она делает тебя не мягче, а человечнее. Она учит тебя не заводить врагов, а понимать окружающих. Любовь позволит тебе познать этот мир с другой стороны. Из-за своего рационализма ты лишился радости жизни, но теперь ты увидишь все её краски!»

И здесь неважно, счастливая любовь или нет, главное, она помогает нам взглянуть на свою жизнь по-другому. И я прекрасно понимаю Евгения Онегина, который в конце романа всё-таки влюбился в Татьяну. Чтобы ни говорилось в наших учебниках, мне кажется, он раньше не мог её полюбить, потому что не был к этому готов. А вот после путешествия он переменялся и стал открытым настоящему чувству любви. Он видит красавицу, сопоставляет с тем образом, который сохранился в памяти, — и готово! Ведь наверняка, разумом он понимал, что нельзя любить чужую жену, но надо от природы обладать низкой эмоциональностью, чтобы отказаться от этого чувства. Любить на расстоянии — это не для него. Нужно обладать объектом своей любви всецело, иначе жизнь превратится в сплошной кошмар.

Хотя у того же А.С.Пушкина есть стихотворение, в котором главный герой отказывается от чувства в пользу разума:

Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам бог, любимой быть другим.

Продолжая любить, желать ей счастья с другим? Для меня это слишком книжные отношения. Но я знаю, что это именно мужской поступок — подчинить эмоциональное

рациональному. Думаю, я смогу когда-нибудь достигнуть такого уровня, преодолевая конфликт в душе. Но не сейчас...

Получилось слишком лично, что его работам вовсе не свойственно, но переписывать желания не было. Как написалось, так пусть и останется.

Он поднимает голову и смотрит на Машу, которая строчит на листе своё сочинение.

А она выбрала ту же тему.

Когда возникает конфликт между чувствами и разумом?

Конфликт между чувствами и разумом возникает именно в тот момент, когда одно противопоставляется другому, когда нарушается гармония между сердцем и умом, когда личность оказывается в пограничном состоянии выбора.

Мы часто слышим, что нас призывают жить сердцем, слушаться своего сердца, открыть своё сердце. И тут же нас предупреждают, что нужно слушать голос разума, принимать взвешенные, а не поспешные решения. И вот когда человек должен выбирать, тут и возникает конфликт.

Этот конфликт может быть глобальным, на уровне «человек — государство», и примером тому служит вся литература классицизма: долг перед своей страной, перед своим народом или собственные чувства — вспомним хотя бы трагедию П.Корнеля «Сид».

А может быть личным: разум подсказывает выбрать безопасность, а чувства толкают человека на необдуманные поступки. Чувства становятся причиной многих бед, но одновременно наполняют жизнь счастьем. И здесь можно вспомнить шолоховский «Тихий Дон». Чужая жена Аксинья стала для Григория Мелехова настолько желанной, что он поступился голосом разума. Он поначалу ещё пытается спрятаться от своих чувств, женится на Наталье, но её внешняя сдержанность подталкивает его к горячей соседке, а потом и вообще заставляет решиться на уход из родного дома. Казак Мелехов понимает, что его жизнь должна быть подчинена Отечеству и семье, именно в таком порядке, но с Аксиньей он на какое-то время отдвигает эти жизненные приоритеты своего рода и погружается в чувства. Счастлив ли он? Мне кажется, нет, долг висит над ним дамокловым мечом, не давая ни на минуту забыть о неустойчивости нынешнего положения.

На мой взгляд, разум и чувства вообще плохо уживаются друг с другом. Мы можем сколько угодно твердить себе, что нужно оставаться разумными, но когда нас настигает сильное чувство, то все доводы разумы развеиваются как дым. Мы влюбляемся вопреки, а не потому что. Мы ревнуем, так как чувство собственности в душе берёт верх. У Лескова в повести «Леди Макбет Мценского уезда» показана любовь, доведённая до грани безумия, животная, инстинктивная, ради которой Катерина Львовна Измайлова, необразованная купеческая жена, идёт на самые страшные преступления — убийство свёкра, мужа, племянника, соперницы. И сама погибает вместе с Сонеткой в водах реки. Прочитав эту повесть, я долго ходила потрясённой, потому что мне не верилось, что возможно отказаться от всего человеческого в себе ради любви к мужчине. Видимо, подумалось мне, чем выше интеллект человека, тем лучше он может контролировать свои чувства, соизмеряя их с нравственными законами. Но новостные сюжеты по телевидению заставили меня изменить своё мнение: высокий интеллект не всегда способен генерировать разумные поступки и позволяет искусно скрывать демонов, порождённых чувствами. Но это уже тема для другого сочинения.

Маша аккуратным почерком дописывает концовку, перечитывает и, чуть

поморщившись, решает, что сойдёт, хотя с логикой и не всё гладко. В конце концов не книгу пишет, а всего лишь экзаменационное сочинение, пусть и по допуску к ЕГЭ.

Они встречаются в коридоре — Морозов успел первым сдать и вышел задолго перед Машей.

— Какую тему выбрала?

— Первую.

— Я тоже. Захотелось как-то порассуждать про разум и чувства.

— Вот уж не думала, что тебя на чувства потянет, — смеётся она.

Он обнимает её за плечи и задаёт движение к выходу из школы:

— Ты права. Я сначала хотел выбрать пятую тему «Могут ли люди быть друзьями, если они не сходятся во взглядах?» Было желание подразнить учителей, написав, что друзьями люди с разными взглядами вряд ли смогут быть, а вот великолепными любовниками — да! Потому что это возбуждает, заставляет испытывать в постели ни с чем не сравнимое наслаждение, когда человек, не согласный с тобой днём, полностью подчинён тебе ночью. Но потом вспомнил твою просьбу не выделываться и не стал.

— Молодец!

— Мне награда положена за мой нестроптивный характер.

— Давай я тебя мороженым угощу?

— Я на секс намекал, но и на мороженое согласен.

Кафе недалеко от школы, они садятся у самого окна за столик на двоих. Александр приносит вазочки с мороженым, чашки с дымящимся кофе и тарелки с маленькими пирожными.

— Я с тобой скоро превращусь в приторно-сладкого пушистого пай-мальчика, — ворчит он, расставляя принесённое на столе.

— Я этого не переживу, — притворно пугается Маша.

— Где моё мясо с кровью? Где кружка тёмного пива к нему? Вместо этого — ложечка шоколадного мороженого, — он будто с удивлением разглядывает десерт, потом проглатывает, — у-у-у! Вкусно!

— Вспомним детство, — улыбается Маша.

— Как же тебе его вспоминать, если ты из него ещё и не вышла? Ты ребёнок.

— Не ври.

— Я всегда говорю только правду. Ты из детства и не выходила...

— ...пока ты мною не занялся. Жила-была девочка Маша, и всё у неё было хорошо, — начала она.

— Потом пришёл серый волк Саша и съел девочку, — закончил он. — Ты к этому вела?

— Нет, это другая сказка.

— Про спящую Машу-красавицу?

— Почти.

Она смотрит на него через стол, и у неё перехватывает дыхание. Он сидит такой сильный, такой уверенный в себе и такой красивый. Она не понимает, как можно сочетать в себе опасность и нежность одновременно. Каждое его движение, даже ленивое, наполнено внутренней силой, которая до поры до времени дремлет, но готова вырваться на свободу при малейшей опасности. Его взгляд сосредоточен на Маше, но она понимает, что он держит под контролем всё окружающее их пространство. Она вдруг ловит себя на мысли, что безумно

хочет его обнять, и не может оторвать глаз от розовых губ. Из глубины тела идёт волна нарастающего возбуждения, и Маша густо краснеет от нескромных мыслей.

— Ух ты, — Морозов перестаёт есть мороженое и улыбается, глядя на пунцовые щёки девушки, — ну ка, признавайся, какие эротические мысли появились только что в твоей голове?

— Ты что, мысли можешь читать? — Маша в смущении опускает глаза, с трудом оторвавшись от созерцания его губ.

— Могу, особенно если они подкрепляются девичьим румянцем и порочным взглядом, полным желания.

— Порочным? Ты ещё меня развратной назови, Морозов.

— И назову, только в постели, когда тебя вижу только я, и ничьи липкие глаза тебя не щупают.

— А ты ревнивец, оказывается! — смеётся чуть смущённая Маша.

— Да, ревнивец и жуткий собственник, Машенька, — очень серьёзно отвечает он. Ему не объяснить ей, как каждый раз замирает у него сердце и внутренний зверь готов вырваться наружу, когда она уходит на репетиции. От одной только мысли, что Андрей касается её тела во время танца, обнимает, вдыхает её запах, Александр готов разнести всю их студию. Большим усилием воли он заталкивает дикое желание разрушения в самую глубь сознания, прекрасно зная, что оно исчезнет, как только он вновь увидит влюблённый Машин взгляд.

— Мне следует тебя бояться?

— Тебе — нет, я уже об этом говорил.

— Но за окружающих как-то тревожно.

— Если они сами не дают повод, то им тоже ничего не грозит...

Он вдруг замолкает и напряжённо смотрит в окно, лицо становится серьёзным и даже злым. Маша следит за его взглядом и видит удаляющуюся мужскую фигуру: тёмный короткий пуховик зрительно ещё больше увеличивает ширину плеч, на голове капюшон от поддетой толстовки, скрывающий лицо, руки в карманах. Он уходит быстро, не оглядываясь.

— Кто это? — осторожно спрашивает она.

— Да так, показалось, — успокаивает он девушку, но она чувствует, что тревога до конца не уходит.

— Показалось? Да на тебе лица нет.

— Ну скажем, так: призрак из прошлого, уродливый такой призрак. Всё, проехали.

На улице яркое зимнее солнце слепит глаза, отражаясь от выпавшего с утра пушистого снега. Они идут к Машиному дому через сквер по небольшой плохо очищенной аллее. Саша односложно отвечает на вопросы девушки, всё ещё вспоминая фигуру в окне кафе, и она, чтобы отвлечь от неприятных мыслей, запускает в него снежком. Хотя запускает — сильно сказано, снег рассыпается, не долетев до цели, и оседает искрящимися снежинками на лице Морозова.

— Ну спасибо, милая, — разводит он руками и в свою очередь наклоняется за снегом, но Маша не ждёт, когда он сделает снежок, а налетает на него и толкает в сугроб. Он, конечно, удержался бы на ногах, но она прыгает на него сверху, и оба оказываются в снежном вихре, поднятом их падением. Они смеются и целуются враскоряку, не торопясь подниматься.

— Горячая ты, Маша, — говорит Александр, отрываясь от губ девушки, — хочу тебя.

Она смущённо смеётся и пытается встать, но руки проваливаются в мягкий сугроб, и девушка снова падает на грудь Морозова. Он набирает полную пригоршню снега и жадно начинает есть.

— Ты что? — возмущается она. — И опасно, и вредно — заболеешь. Зачем?

— Тушу разожжённый тобою внутренний пожар, а если заболею, ты меня вылечишь. Будешь поить чаем с малиной и читать вслух учебник обществознания.

А вечером он и правда заболел: стало больно глотать, увеличились лимфатические узлы на шее и за ушами, а к утру поднялась температура. Первым делом Саша подумал о Марии и позвонил ей:

— Доброе утро, — обрадовалась она, хотя голос ещё сонный, — какой милый ранний звонок.

— Машенька, — прохрипел он, — как ты себя чувствуешь?

— Нормально, а что с твоим голосом?

— Я заболел, а у нас с тобой вчера были такие поцелуи... В общем, прими что-нибудь из иммуноукрепляющего, травяные отвары попей — тебе скоро выступать, болеть нельзя.

— Ты за меня не волнуйся, ты сам выздоравливай, а я после уроков к тебе заскочу.

— Не надо, здесь столько микробов будет в воздухе летать...

— А кто тебя чаем с малиной поить будет и общество вслух читать? — улыбается она. — Всё, спи и жди меня.

В школе она по привычке садится на последнюю парту, забыв, что Саши сегодня не будет. Перед самым звонком на урок она хочет пересесть к Насте, но рядом с ней место уже занято, и Маша остаётся за столом одна.

Урок литературы начинается с объявления результатов вчерашнего экзамена, но не успевает Елена Владимировна произнести и нескольких фраз, как дверь открывается и входит завуч.

— Прошу прощения за вторжение, я привела в ваш класс нового ученика. Он переехал в наш район, к тому же год жил в Швейцарии и теперь будет доучиваться с вами. Прошу любить и жаловать — Евгений Ружан.

Класс уже давно сидит, замерев, и смотрит на новичка. А там есть, на что посмотреть. Огромного роста, широкоплечий, с очень правильными красивыми чертами лица — и абсолютно лысый. Но даже не это заставляет всех замолчать. На его левой половине головы вытатуирован цветной геометрический узор, в который вплетены готические буквы *ich bin super*, а из-под ворота светлой рубашки с расстёгнутыми верхними пуговицами по шее ползёт такая же цветная тату, линии которой складываются в затейливый растительный орнамент. И всё это великолепие облачено в классический серый с чуть заметной искрой костюм.

Новенький окидывает взглядом весь класс и широко улыбается, отчего его лицо становится, несмотря на тату, по-детски притягательным и располагающим:

— Доброе утро, дамы и господа.

Елена Владимировна вместе со своим классом переваривает внешний вид новенького:

— Проходи, пожалуйста, Евгений, выбирай место.

— Иди ко мне, красавчег, — зазывно машет ему Оля, сидящая одна на предпоследней парте третьего ряда.

— В следующий раз, красавица, — в тон ей отвечает он и широким шагом направляется к парте, за которой сидит Маша.

— Вы позволите? — спрашивает он, впрочем, усаживаясь и не ожидая разрешения.

Кажется, класс до этого молчал, но оказывается, что только сейчас наступает полнейшая тишина. Понадобилось несколько секунд, чтобы Мария очень тихо ответила:

— На твоём месте, я бы сюда не садилась.

— Неужели место проклято?

— Не смешно. Найди себе другое.

— Извини, но не буду.

Елена Владимировна наконец продолжает урок:

— Начнём ещё раз. Экзамен прошёл успешно — все получили зачёт. Порадовали своими достаточно серьёзными размышлениями, фактических ошибок при обращении к литературным иллюстрациям почти не было, хотя мы при проверке прочитали, конечно, и про купринскую Олесю, которая была необразованной ведьмой, и про культурную Соню Мармеладову, которая продавала себя, чтобы прокормить семью, но, приходя с работы, читала книги. Но таких шедевров, слава богу, было очень мало. Поэтому могу вас поздравить — до ЕГЭ допущены все. Кстати, Евгений, а что у тебя с итоговым сочинением?

— Я его не писал, — спокойно сообщает он. — Я вернулся в страну только вчера утром, поэтому буду сдавать в резерв 1 февраля. Надеюсь, вы мне поможете подготовиться, — он снова широко улыбается учительнице, — в моей прежней школе не предполагалось сдавать столь занимательный экзамен.

Весь класс вновь тихо выдыхает — шутка на грани фола. Елена Владимировна делает вид, что ничего не заметила, и согласно кивает.

— Кого у нас сегодня нет на уроке?

— Морозова, — тут же отвечают несколько голосов.

— Что с ним случилось? — вопрос обращён непосредственно к Маше, так как их отношения не являются секретом для преподавателей.

— Он заболел, температура, кашель, — отвечает она и вдруг понимает, что сосед прямо и серьёзно смотрит на неё.

— Это что, его место? — спрашивает он.

— Да.

— А ты его девушка?

Она молча кивает и видит, как его лицо вновь расплывается в улыбке, но уже не в обаятельной, а какой-то хищной:

— Зря Алекс заболел именно сегодня.

— Что ты имеешь в виду? Вы знакомы?

— О да! Можешь передать ему от меня привет, думаю, он порадуетя.

Ружан так уверенно занял место Саши, так свободно расположился рядом с Машей, что она испытывает непонятную тревогу — что-то идёт не так, как должно было быть. Его близко находящееся большое тело будто ограничивает её личное пространство, лишая свободы действия. Цветные тату притягивают взгляд, заставляя рассматривать их более внимательно, но при этом она натывается на смеющийся взгляд их хозяина.

— Нравлюсь? — обаятельно улыбаясь спрашивает Ружан, и Мария вздрагивает, как от удара, потому что именно этот вопрос ей когда-то задал Морозов в бассейне, поворачиваясь перед ней своим совершенным телом. Она краснеет. Господи, что за мысли лезут в голову? А мысли очень даже нескромные. Девушка понимает, что невольно сравнивает фигуры двух парней, представляя Евгения без одежды.

— Что тебя так смутило? Какие очаровательные розовые щёчки! — шёпот Ружана мягкий, обволакивающий. — А, ты меня, наверное, уже мысленно раздела, да? Ну, я не против. Всегда к твоим услугам, только позови.

Он проводит по её колену кончиками пальцев, и Маша снова дёргается, чувствуя, как вопреки здравому смыслу по ноге разливается приятное тепло, а сердце начинает биться быстрее.

— Немедленно убери руку, — шипит она.

— И не подумай. Тебе ведь нравится, — он не перестаёт улыбаться.

— Ты кто такой? Ты что о себе возомнил?

Маша сталкивает его руку со своего колена, но в ответ на это Евгений тесно прижимается к ней всем своим бедром, которое обжигает её жаром.

— Елена Владимировна, — встаёт со своего места девушка, — разрешите мне пересечь?

— Что случилось, Соловьёва? — несколько растерянно спрашивает учительница.

— Боюсь, это я виноват, Елена Владимировна, — неожиданно вступает в разговор

Ружан, — задал несколько вопросов своей соседке и отвлек от урока. Но больше этого не повторится.

Но Маша его уже не слушает, молча собирает свои вещи и идёт за парту к Оле.

— Я же извинился, — хватает её за руку Евгений.

— Эй, — подаёт голос Семёнов, — не надо так хватать девушку, тем более чужую.

Ружан снова смотрит на притихший класс и отпускает Машу:

— Думаю, это вопрос времени.

По классу проносится встревоженный гул голосов. Терпение Елены Владимировны на исходе:

— Может быть, мы вспомним про урок, а вопрос личных взаимоотношений оставим для перемены? Мария, садись куда хочешь. Евгений, для первых минут учёбы в нашей школе ты слишком активно нарушаешь учебный процесс.

— Извините ещё раз, Елена Владимировна, больше не буду, — поднимает ладони вверх Ружан.

Маша садится рядом с Олей:

— Идиот, — шепчет она, — клоун несчастный.

— Но такой душка! — парирует та. — Хорошо, у тебя Морозов есть, а я бы не отказалась с таким вот замутить.

— Ну и мути, кто ж тебе не даёт? — огрызается Мария.

— Так он к тебе прямо направился, фиг остановишь, — резонно замечает Оля.

— Вон он, иди, бери и пользуйся.

Весь оставшийся урок она чувствует на своём затылке взгляд новенького. От этого сводит мышцы, появляется скованность в движениях, но одновременно с этим ей почему-то льстит такое внимание. «Ой, прав Морозов: дура ты, Маша, — честно признаётся она сама себе. — Появилось новое смазливое лицо, и ты запала. Коленку погладили, бедром прижались, а ты уже готова голову потерять». И когда звенит звонок, Мария переводит дыхание, считая, что её мучения закончились, но не тут-то было. Ружан идёт за ней — сначала из класса, потом по коридору.

— Машенька, я хочу, чтобы ты стала моим персональным гидом в эти первые ознакомительные дни. Я ведь совсем не ориентируюсь в вашей школе.

Его слова звучат логично, интонации подкупают своей искренностью, но Машу коробит от такой навязчивости. К тому же необычный вид Евгения привлекает к нему, а значит, и к ней всё внимание.

Она останавливается и поворачивается к новенькому:

— Послушай, у меня нет желания быть твоим гидом. Возьми в сопровождающие Олю.

— Она не такая красивая, как ты. Мне же нужен красивый гид.

— Сбавь обороты, — предупреждает она. — Если об этом узнает мой парень, он тебе ноги переломает — тебе дома никакой гид не понадобится.

— Это ты о Морозове что ли? Так это ещё кто кому переломает, — не унимается Ружан.

— Уверена, он тебе, — упрямо задирает подбородок девушка.

Он вдруг прижимает её к стене, упирается руками по бокам от Маши и практически упирается лбом в её лоб.

— Послушай, Машенька, я всегда добиваюсь своего. И мне плевать на Алекса, тем более у него передо мной должок. И если я захочу его забрать тобой, то не сомневайся, так и будет!

Он улыбается доброжелательно, говорит спокойно и мягко, но Маша замирает от

страха, потому что видит перед собой колючие серьёзные глаза.

— Эй, парень, а ты не оборзел часом? — слышит она рядом голос Гарика и подныривает под руку Ружана, спеша скрыться за спинами парней — баскетболистов.

Новенький не перестаёт доброжелательно улыбаться, поворачиваясь к Гарику:

— Да нет, а ты, Гарри?

— Череп?! — выдохнул тот. — Откуда ты здесь?

— С нынешнего дня — ученик 11 А класса.

— Там же Мороз!

— Да неужели?! Какое нечаянное совпадение, ай-я-яй! — картинно качает он головой.

— И как вы встретились?

— Никак, Алекс заболел, такая досада.

— Так он о тебе ещё не знает?

— Надеюсь, что ему уже сообщили или очень скоро сообщат. Да, Машенька? — он смотрит на неё поверх плеча Гарика.

Маша ничего не отвечает, а поворачивается и уходит. Она подавлена и ничего не понимает. Кто это такой? Он знает Сашу, он знаком с другими парнями, но явно в их школе не учился, она бы запомнила, даже если бы у него была не такая экзотическая внешность. Убрать тату, добавить причёску и получится модель из глянца — красивый, холодный, бездушный. У него с Морозовым общее прошлое и, похоже, не очень дружественное.

Кстати, а почему она ему до сих пор ещё не сообщила о новеньком? Маша достаёт телефон, смотрит на него, но так и не решается позвонить. Если она позвонит, как это будет выглядеть? Как жалоба беспомощного ребёнка: ах, Саша, тут появился лысый красавчик, твой знакомый, который не даёт мне проходу, спаси меня? Глупость какая! Он болеет, а тут она с радостными вестями. Он же примчится сразу. А ей это надо? Она вздыхает: ей это надо, потому что только рядом с Морозовым она чувствовала бы себя спокойно. Но звонить не будет. Она взрослая девочка, сама справится.

Во время долгого, как кажется Маше, учебного дня Ружан больше не подходит к ней, но пристально следит за каждым её шагом, находится почти рядом. И это замечают все.

— Соловьёва, ты у нас вдруг такая популярная стала в этом году, — смеётся Даша. — Не многовато красавчиков на тебя одну?

— Этого забирай, — кивает Маша. — Вряд ли я его действительно интересую.

— Как это? Он за тобой хвостиком ходит, глаз не сводит...

— Ему надо Морозова достать, а не мне понравиться.

— Как всё сложно, — тянет Настя, — Алекс хоть знает о нём?

— Я не звонила, может быть, кто-нибудь из парней позвонил, хотя вряд ли — он бы уже примчался сюда, наплевав на температуру.

На её смартфон приходит смс-ка.

— Лёгко на помине, — улыбается Маша, читая сообщение.

Саша пишет, что врач оставил его на больничном на два дня, включая этот. Маша шлёт ему грустный смайлик и пишет:

10.22: Скучаю.

С. -10.23: Я тоже. Но приходить не обязательно.

М. -10.23: Хочу увидеть.

С. -10.24: Я заразный, а ты целоваться полезешь.

М. -10.24: Не полезу, в уголке посижу.

С. -10.24: Тогда я полезу. Я себя знаю.

М. -10.25: Ты озабоченный.

С. -10.25: И не скрываю этого.:-) Я болен тобою.

М. -10.25: Не делай меня крайней. Просто кто-то вчера смешал мороженое со снегом — сегодня холодное похмелье)))

С. -10.26: Умеешь поставить на место)) И всё же сегодня без свиданий.

М. -10.26: Уговорил, но только сегодня.

Лёгкая весёлая переписка увлекает Машу, и она не видит, как пристально за ней наблюдает новенький. Он несколько растерян, но даже сам себе не признаётся, что вдруг заинтересовался этой девочкой. Она сидит в кругу подруг и, кажется, никак не выделяется: все симпатичные, тонкие и длинноногие. Но именно Маша притягивает взгляд. Сначала он думал, что этому есть логичное объяснение — она девушка Мороза, но потом понимает, что причина не только в этом. То, как она движется, как поворачивает голову, как встряхивает волосами, как улыбается, вдруг наполняет грудь забытым чувством грусти. «Твоя влюблённость делает тебя слабым, — звучит у него в голове голос отца, — ты мягкотелый влюблённый урод». Ружан трясёт головой и усмехается: а теперь посмотрим, каким слабым уродом стал из-за этой девчонки Мороз.

После школы он идёт за Машей Соловьёвой на расстоянии, но так, чтобы она чувствовала его присутствие. Каблучки её замшевых сапожек стучат по замёрзшему очищенному асфальту, бёдра покачиваются в такт шагам, и Евгений ловит себя на мысли, что хочет вновь почувствовать её тепло и теперь уже не только прижавшись к ней ногой. И губы у неё должны быть мягкими, и объятия жаркими. Где Морозов берёт таких?

У самой калитки, когда Маша уже готова войти во двор, он догоняет её и останавливает за рукав:

— Машенька, подожди, пожалуйста.

Он включает своё обаяние, ему не надо, чтобы она его боялась или просто избегала.

— Не трогай меня, — сердито вырывается она.

Он ставшим уже привычным за сегодня жестом поднимает открытые ладони вверх:

— Прости, не буду. Я хотел извиниться.

— Извиняйся.

— Прости, Маша, меня за сегодняшнее поведение. Я не хотел тебя обидеть.

— Но тебе это и не удалось. Ты разозлил меня — это да, но не обидел.

— Давай забудем и начнём наше знакомство сначала.

— А почему ты уверен, что я вообще хочу этого знакомства? — она поправляет шапочку и сердито смотрит на Ружана.

— Не злись, пожалуйста, тебе это не идёт. Тебе не надо, а мне хочется с тобой подружиться. Дай шанс.

— Вряд ли это понравится Саше.

— Мы ему не скажем, — хитро улыбается он.

— Как ты это себе представляешь? — её брови взлетают в изумлении.

— Видишь, ты уже пытаешься придумать обходные пути. А если мы с тобой вдвоём над этим подумаем, то Алекс ничего и не заметит.

— Я ничего не собираюсь от него скрывать.

— Почему же ты ему до сих пор про меня не рассказала? — вкрадчиво спрашивает Ружан.

Маша смотрит в его стальные серые глаза и не находит верных слов. Любые слова будут звучать как оправдание, а ей не в чем перед ним оправдываться — она ни в чём не виновата. Мария сердито отворачивается и заходит во двор.

— Я встречу тебя после репетиции.

Она на какой-то миг замирает, но не поворачивается и идёт дальше. Девушка даже не хочет знать, откуда он знает о репетиции, где она проходит и когда закончится. Маша понимает, что он затеял какую-то свою игру с Морозовым, а она сама только карта розыгрыша.

Через неделю очередной конкурс по латине, и Лидия Павловна гоняет их с Андреем по полной программе. Как ни странно, но сегодняшнее общение с Ружаном только добавляет Маше раскрепощённости. Она движется по залу легко, ловит своё отражение в зеркалах и остаётся довольной плавными изгибами бёдер, взметнувшимися вверх руками, живущими в своём ритме, стремительностью рисунка танца, который создаёт её тело, кажется, само по себе.

— Сохрани это в себе, Мария, это чувство легкости и полёта, — просит Лидия.

Андрей смеётся:

— Все похвалы ей, а как же я?

— Ты вне похвал, — успокаивает его сама Маша.

Выйдя после репетиции из раздевалки, она решает вызвать такси.

— Шикуюем? — слышит её разговор с диспетчером Андрей.

— Опасно стало одной вечерами ходить.

— А где же твой мачо? Или вы разбежались?

— Заболел.

— Так давай я тебя провожу? — искренне предлагает он.

Маша вспоминает огромную фигуру Ружана, рядом с которым Андрей, как тополь рядом с дубом, и отрицательно качает головой:

— Спасибо, я уже вызвала такси.

Она смотрит на улицу из глубины вестибюля, спрятавшись в тени колонны, и сразу же замечает ждущего её новенького. Он стоит на тротуаре, отгороженный от окна невысоким сугробом, засунув руки в карманы и внимательно разглядывая всех выходящих из здания. Маша вдруг узнаёт в нём того, кого Саша вчера в кафе назвал уродливым призраком. И как она раньше не обратила внимания! Тёмный короткий пуховик, вместо шапки — капюшон толстовки. Так это он вчера за ними наблюдал!

Приходит смс-сообщение: «Вас ожидает серебристый Рено М643ЕА», и тут же у обочины останавливается машина. Маша набирает побольше воздуха в грудь и быстро выходит на улицу. Не смотря по сторонам, она проскакивает несколько метров до такси и буквально падает на заднее сидение:

— Поехали.

Она повторяет водителю адрес и видит, как Ружан, пригнувшись к стеклу автомобиля, широко улыбается и машет ей на прощание рукой, а потом его фигура остаётся позади, и только после этого Маша начинает снова дышать.

Что это было? Почему ей так неуютно рядом с ним? Даже не так. Ей даже страшно, когда он смотрит на неё, когда идёт рядом, хотя он не угрожает, ведёт себя вежливо, за исключением утреннего инцидента на первом уроке, он улыбчив и предупредителен, сразу

покорил всех девушек старших классов и стал кумиром у младших из-за своего необычного внешнего вида. А у неё создаётся впечатление, что Евгений преследует свою, непонятную ей цель. Он не слышит её, Машу, и даже не пытается прикинуться понимающим, а наоборот, всячески подчёркивает, что её мнение ему неинтересно.

«Что же ты, Морозов, так не вовремя заболел? Как же мне тебя не хватает!» — с тоской думает Маша, глядя на мелькающие за окном огни вечернего, засыпанного снегом города.

А Саша как будто что-то почувствовал. Его обострённое чувство опасности весь день не давало ему спокойно лежать и болеть: внутренний зверь ворочается, царапает когтями сердце. Там, за стенами его квартиры, что-то происходит с Машей, на каком-то химическом уровне он ощущает её волнение, тревогу и даже страх.

Очнувшись от дремоты, он набирает её номер:

— Маша, с тобой всё в порядке?

— Да, всё хорошо. Я еду домой. В такси.

— Не на автобусе? Что случилось?

Она чуть медлит с ответом:

— Просто очень устала сегодня.

— Ты не заболела?

— Нет, нет, просто день был немножко сумбурный.

— Что же там было такое, что ты устала?

— Сегодня тебя не было рядом, — просто отвечает она, и у Александра сердце пропускает удар. Он знает, что она чего-то ему не договаривает, но и настаивать на полном отчёте за день не намерен, для этого ему нужно видеть её лицо.

— Я тоже по тебе скучаю, Машенька, — он закрывает глаза и мысленно видит тонкие черты лица и лёгкую улыбку, которая, наверняка, сейчас тронула её розовые губы.

— Выздоровливай быстрее и возвращайся ко мне, — как-то уж очень грустно просит она, и он снова вскидывается.

— Тебя всё-таки что-то сегодня задело, да?

— Саш, ты главное возвращайся. Всё в порядке.

Он откидывается на подушки и смотрит на замолчавший смартфон. Что бы там не тревожило его девочку, он должен выздороветь к утру, болеть унижительно, и он не позволит себе безвольной тушкой валяться в постели, когда Маша в нём нуждается. А что это правда, у него нет сомнений.

Утром Маша спокойно доходит до школы в полном одиночестве и только на выходе из раздевалки сталкивается с Ружаном.

— Доброе утро, Машенька, — его рука подхватывает её за талию и тянет к окну. — Зачем вчера сбежала от меня? Ты ведь понимаешь, что мы теперь не сможем разлучиться?

Несмотря на страх, который сковывает тело и парализует сознание, она решительно освобождается от его обнимающей руки, хотя прекрасно понимает: ей позволили освободиться, и будь его воля, она бы ещё долго оставалась прижатой к его боку.

— Прекрати вести себя как гопник! — шипит она, понимая, что своим поведением он привлёк к ним двоим ненужное внимание. — Ты вообще не желаешь меня слышать? Тогда читай по губам: оставь меня в покое!

— По твоим губам я бы с удовольствием прошёлся своими, но я не так плохо воспитан,

чтобы силой целовать столь прелестное существо. Я терпелив, я подожду, когда ты сама этого попросишь. И тогда ты поймёшь, что до меня тебя никто по-настоящему не целовал.

Маша уже просто взбешена:

— Знаешь, я против насилия, но я с удовольствием посмотрю, когда ты будешь расплачиваться за свою наглость.

— Это ты о Морозе, что ли? Так тут не известно ещё, кто и за что будет расплачиваться. И кстати, где он?

Ружан картинно обводит взглядом заполненный народом вестибюль школы.

— Неужели ты ему так и не передала привет от меня?

Он внимательно смотрит на неё, но она, сжав губы, молчит, желая только одного: что бы уже быстрее прозвенел звонок на урок.

А Евгений вдруг улыбается, мягко, почти нежно:

— Так он ничего не знает, красавица, так? И друзья не торопятся его просветить, да?

Маша внутренне сжимается, уже не понимая, что можно ждать от него.

— А давай ему скажем, а? — весело предлагает Ружан. — Где у тебя телефон?

Он забирает из её руки смартфон и жмёт на кнопки:

— Знаешь, лучше пошлём ему наше с тобой фото и подпишем как-нибудь романтично...

Он делает селфи и, отыскав номер Саши, быстро отправляет ему ММС с подписью «Мы соскучились!»

Маша готова расплакаться от такого бесцеремонного напора, она никогда не встречала подобных людей, а потому психологически подавлена. А ещё её страшит реакция Морозова. Она боится не за себя, а именно за него. Саша, несомненно, может быть очень жёстким, но рядом с ней, с Машей, он ещё и очень уязвим.

— Зачем? — шепчет она, глядя снизу вверх в красивое и спокойное лицо Ружана.

— Как зачем? — он звонко смеётся, и на него поворачивают головы, завидуя такому счастливому смеху с самого утра. — Я и правда соскучился по старому другу.

Она смотрит в его глаза и понимает, что он безумен: расширенные зрачки, учащённое дыхание.

— Что ты куришь?

— Хочешь попробовать? Нет, деточка, не сейчас.

Он тянет её в класс иностранного языка и усаживает рядом с собой на вторую парту третьего ряда. Маша не может сопротивляться той силе, которая сквозит в каждом его движении. И ещё она понимает, что нельзя вовлекать в этот треугольник никого из посторонних, потому что Морозову это бы не понравилось. Настя, которая занимается в этой же подгруппе, машет ей:

— Привет, иди ко мне!

Но Ружан тут же кладёт тяжёлую, как молот, руку на плечо Маше:

— Извини, подружка, сегодня она со мной.

В классе все замирают от неожиданности.

— Что происходит, Маш? — на лице Насти полное недоумение.

Маша устаёт бояться и не хочет выглядеть безвольной жертвой. Волна самолюбия поднимается изнутри, и девушка выпрямляет спину и как можно спокойнее произносит:

— Спор проиграла!

Ружан хмыкает, но молчит, и в это время звенит звонок. Иностранка, дама за пятьдесят, начинает урок не торопясь, с удивлением рассматривая новенького ученика. Но ещё большее

удивление у неё вызывает появление в дверях Александра Морозова через семь минут после звонка.

— Извините, Надежда Яковлевна, из-за болезни задержался. Разрешите войти? — говорит он на чистом английском, и та милостиво кивает головой. Но вот то, что происходит дальше, никак не вписывается в привычную картину.

Морозов тяжёлым взглядом смотрит на Ружана и начинает движение в конец класса, но по дороге он подхватывает Машу за руку и тащит за собой. И только когда они оба оказываются за последней партой, он ещё раз извиняется перед преподавателем. Как только Надежда Яковлевна отводит от них взгляд, Маша, совершенно счастливая, прислоняется к плечу Александра, крепко сжимает его руку под партой и начинает дышать спокойно. Её Саша здесь, он рядом, и ей теперь не о чем тревожиться.

Он видит его сразу, только войдя в класс, но старается не смотреть в ту сторону, чтобы не выпустить на волю неистовствующего в душе зверя. Когда он получил ММС, то буквально взорвался. Самодовольная ухмылка Черепа и рядом растерянное лицо Маши — и всё это на фоне вестибюля школы. Откуда этот гоблин здесь появился? Кто выпустил законченного наркомана в нормальное общество? Но самое страшное, что он был рядом с Машей, маленькой и испуганной. Это была не просто фотография. Это был вызов ему, Морозову. Это была месть за тот, годичной давности бой.

Евгений Ружан был сыном очень обеспеченных родителей, которые ни в чём ему не отказывали. Никто не мог предположить, что он увлечётся тайским боксом и боевым самбо настолько, что станет одним из лучших бойцов. Бои, в которых он участвовал, были легальными, но ведь всегда найдётся доброжелатель, способный посеять в честолюбивой душе семена самодовольства: если я такой крутой, то смогу победить всех. Подпольные бои без правил стали для Ружана идеей фикс. С заниженным болевым порогом, не страдающий такой болезнью, как человечность, он, казалось, был просто создан для них. И поначалу всё для него складывалось хорошо: за один вечер он выходил победителем из восьми — десяти схваток, или оставляя проигравших харкать кровью на ринге, или превращая в инвалидов, перемалывая их конечности в мелкое крошево. Его неоправданная жестокость по отношению к уже поверженному противнику стала визитной карточкой Ружана, побрившегося налысо и украсившего себя цветными тату, и на него шли, как на некое чудовище, за которым так приятно наблюдать с безопасного расстояния. А потом кто-то из всё тех же доброжелателей, которым денег всегда мало, подсказал ему, что есть препараты, придающие силы берсерка. И Ружан с тех пор не мог ощущать вкус жизни без дополнительного стимула.

Александр дышит размеренно и спокойно, как перед боем, старается утихомирить своего внутреннего зверя, он чувствует плечо Маши, её руку в своей ладони, и напряжение потихоньку начинает отпускать. Он пододвигает к себе тетрадь по английскому и пишет:

— **Почему не сказала ещё вчера?**

Маша понимает, что отвечать надо предельно честно, но так, чтобы Саша не помчался устраивать мордобой.

— **Не считала это чем-то необычным.**

Он смотрит на неё, молча качает головой.

— **Он весь необычный. И очень опасный. Неужели сразу не поняла?**

— **Нет, и не хотела тебя тревожить.**

Он снова внимательно смотрит на Машу и крутит пальцем у виска:

— **Он тебе угрожал?**

— **Прямо нет.**

И быстро пишет дальше, видя, как сжимаются в кулак пальцы Саши:

— **И я всегда была на виду.**

— **Он отправил фото с твоего телефона. Как?**

— **Забрал.**

— **Что говорил? Зачем отправил?**

Она внутренне сжимается, но отвечает:

— **Взбесился из-за того, что ты ничего не знаешь о его появлении в нашем классе.**

— **Я тоже взбесился, что ничего не знал!!! Гарик его видел?**

Она не пишет, а просто молча кивает, и Морозов сжимает губы в тонкую сердитую полоску. Маша понимает, что при его первой встрече с Гариком ей надо быть рядом, иначе быть беде.

Он опять начинает быстро писать:

— **Из-за него вчера на такси возвращалась?**

Она снова кивает:

— **Он ждал на улице.**

— **Хоть в этом молодец.**

Он не улыбается, но она чувствует его одобрение. А Морозов снова вспоминает.

Их сводили друг с другом долго, целенаправленно, и в тот день, когда должен был состояться бой, ставки взлетели очень высоко.

Они стояли в круге друг против друга такие похожие и такие разные. Оба высокие, мощные, поджарые, сплетённые только из мышц. И опасные. Но тело Морозова украшали только две тату-надписи, и его чёрные, чуть выющиеся волосы были забраны в аккуратный хвост. А бритого налысо Ружана сплошь покрывали тату из растительного орнамента и геометрических узоров.

Их бой был жестоким. Морозов знал репутацию Ружана и не собирался проявлять милосердие к неадекватному сопернику, ну а тот просто никогда не проигрывал и сейчас не собирался. Звериная мощь обоих проявлялась во всей красе, и все понимали, что дело за выдержкой каждого. И не вытерпел Ружан. Он решил закончить бой, который, по его мнению, незаслуженно затянулся. Если бы его мозг не был заряжен наркотиком, то он смог бы реально оценить своё положение, но этого не случилось, и он оказался на полу, выплёвывая свои зубы и пряча под собой сломанную правую руку. И его бы добились, если бы устроители не вспомнили о всеильном папаше, который не простил бы их за это. Морозов вышел победителем. Ружан лечил руку, вставлял зубы и, казалось, присмирел на какое-то время. И ждал реванша. Ему казалось, что это была трагическая случайность, не более. Александру, закалённому в уличных боях и воспитанному тихим, спившимся и оттого списанным в резерв мастером по восточным единоборствам, повторная встреча была неинтересна. Но жизнь — штука подлая.

Ружан, не стесняющийся в средствах психологического давления на соперника, и с Морозовым решил не церемониться. Объектом его преследований стала двоюродная сестра Александра. Он не угрожал, не запугивал — он влюбил её в себя. Милая и неопытная девочка потеряла голову из-за симпатичного парня, который очень красиво ухаживал, а вскоре стал и её первым мужчиной. Но добившись своего, Ружан резко переменялся: стал равнодушным и очень разговорчивым с друзьями и знакомыми, смакуя подробности своих интимных отношений с девушкой и высмеивая её наивность. В конце концов её настолько затравили окружающие, что она попыталась вскрыть вены. Сказать, что Морозов был в ярости — значит, пойти против истины. Но единственным способом встретиться с Черепом для него стал бой — выйти против него в круг.

И он вышел. Когда Морозов буквально стал вырывать горло у поверженного

противника, на него навалились и оттащили от полумёртвого Ружана. Но даже в таком состоянии он продолжал скалить зубы в бесшабашной улыбке, порождённой наркотическим опьянением и, кажется, навсегда приклеившейся к его лицу.

Ружана увезли за границу и долго лечили от наркомании. И вот он не просто вернулся, а с определённой целью.

Маша ничего этого не знала, но понимала, что опасения Морозова имеют прочную основу. Она видела, что он действительно встревожен, но сама рядом с ним никакой тревоги не ощущала, хотя до конца урока так и не могла отпустить его руку.

После звонка на перемену они остались сидеть за партой, ожидая, когда класс опустеет. Ружан тоже не торопился уйти: он аккуратно убрал свои вещи, сложил тетрадку и учебник Маши и подчёркнуто вежливо вместе с сумкой положил перед ней на парту:

— Вы забыли, барышня.

Ответное молчание его не смутило, он с интересом взглянул на Александра и почти пропел:

— Ты прилетел на крыльях любви? Как это мило.

Он подмигивает Маше:

— Вот видишь, всё правильно сделали! Если бы не я, он бы сейчас ещё валялся дома, прикидываясь больным.

— Что тебе надо? — глухо спрашивает Морозов.

— В данный момент мне надо перейти в кабинет математики, что и вам, ребята, советую сделать.

Когда за ним закрывается дверь, Маша тихо спрашивает:

— И правда. Чего он хочет?

— Думаю, реванша. Он не любит проигрывать... Знаешь, есть люди, которым кажется, будто всегда и во всём быть первыми — верх крутизны.

Морозов сжал челюсти, отчего на его лице выступили желваки.

— Ладно, Машенька, пойдём.

Весь день он водит её за собой, боясь отпустить. Вокруг многолюдно, но Саше кажется, что кроме них троих во всей школы больше никого нет. Он настолько боится за Машу, что сам начинает понимать: это больше похоже на паранойю, нельзя позволять страху подчинять себе все мысли и действия. Но Ружан всё время оказывается рядом, если не на расстоянии вытянутой руки, то в пределах видимости. На взгляд посторонних, он ведёт себя вполне адекватно: со всеми улыбки, вежлив, деликатен и предупредителен. Он заводит друзей, обрастает поклонницами. И не забывает оделять своим вниманием Машу и Морозова. От его глумливой улыбки у Александра губы сжимаются в тонкую полоску, а к горлу подкатывает ярость, и он ещё крепче прижимает девушку к себе, успокаиваясь от её близости.

А на Машу такая гиперопека производит совершенно другое впечатление. Она смотрит на сосредоточенное лицо Саши, встречает его тёплый взгляд, и внутри поднимается такое жгучее желание оказаться с ним наедине, что щёки её окрашиваются в пунцовый цвет. Она быстро отворачивается, но он каким-то непостижимым образом чувствует её настроение, заглядывает в глаза и усмехается:

— Признавайся, о чём подумала?

Она пытается отмолчаться, но его тело очень близко, тяжёлая рука на талии вдруг

начинает движение по её бедру, а красивый изгиб губ приковывает к себе и заставляет сердце биться чаще и сильнее.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я жду...

— О тебе, о нас.

— О нас — это прекрасно. А что именно?

— О таком вслух приличные девушки не говорят, но думать и краснеть никто не запрещает.

— Я тоже, если бы мог, краснел от мыслей о нас с тобой.

Он смотрит, как она ещё больше смущается, и спрашивает:

— Сбежим с последних уроков?

Она вдруг понимает, что вся эта история с Ружаном действует на неё точно так же, как драка Морозова с Мальцовым и компанией — возбуждающе, и это сексуальное желание только усиливается рядом с Сашей. Может быть, она ненормальная? Почему её заводит опасность? Почему ей хочется оказаться в постели с ним именно в такие вот моменты, напряжённые, угрожающие разрушить привычное течение жизни?

— Решайся, — подстёгивает он, — но если ты скажешь «нет», я пойму.

Ну и пусть она ненормальная, но её тело отзывалось на каждое движение Саши.

— Убегаем, — соглашается она и ещё больше краснеет.

— Люблю тебя, — дышит он ей в ухо и подталкивает к выходу.

В его квартире тишина. Маша садится на край софы в комнате Морозова, скованная, напряжённая, и вспоминает тот вечер, когда она здесь сходила с ума от его рук и тела. Он появляется с большим полотенцем в руках:

— Для душа.

Она берёт полотенце и смущённо опускает глаза.

— Что такое? — он одной рукой прижимает её к себе за талию, а другой приподнимает подбородок. — Эй, ты боишься? Только скажи — отыграем назад.

Она вдыхает его запах, скользит взглядом по плечу, шее, смело смотрит в глаза и, понимая, что низ живота отзывается приятной пульсацией, отвечает:

— Я в душ.

Под струями воды её возбуждение только увеличивается, и она уже не может понять, как могла жить без Сашиной любви, как могла не замечать его совершенного тела, которое притягивает даже мысли, не то что взгляд. А ещё она чувствует, что сегодня случится что-то очень важное для неё.

Она выключает воду и набрасывает на голое тело большой Сашин халат, буквально утопая в нём.

В комнате софа уже заправлена постельным бельём, и Маша на мгновение застывает на месте, вновь заливаясь румянцем. В душе вдруг начинается паника, ей хочется отступить обратно, но девушка видит счастливое лицо Саши и успокаивается.

— Сейчас вернусь, — он целует её в щёку и уходит в ванную, чтобы через пять минут вернуться. Она смотрит на него и ахает. Он смеётся, видя её реакцию:

— Вот, решил дать тебе возможность исполнить давнее желание.

Он обнажён, а его бёдра закрывает короткое белое полотенце. Ей отчего-то становится легко, и она поднимается на ноги, делая шаг к Саше:

— А ты не желаешь того же?

— Желаю, — улыбается он и, не теряя ни минуты, распахивает на Маше халат и сбрасывает его на пол. Он второй раз в жизни видит перед собой обнажённую тонкую фигуру Маши, но поражается, насколько она совершенна. Он, не стесняясь, жадно разглядывает её всю: начинает с тонких лодыжек, ласкает взглядом плавные бёдра, плоский животик, задерживается на приподнятых грудях, видя, как от одного его взгляда чётче проявляются розовые соски, вбирает в себя красоту длинной шеи, отмечает уже чуть приоткрывшиеся от ожидания губы и наконец смотрит прямо в глаза.

— Машенька, — еле слышно выдыхает он и сильно прижимает её к себе, целуя ключицы, шею, надолго впиваясь в губы, пока у обоих не начинает кружиться голова.

Она чуть отстраняется от него, смотрит вниз и быстро срывает полотенце.

— Мечты сбываются? Ты давно об этом думала, да? — смеётся Саша, а она вновь прижимается к нему, чувствуя его возбуждение. Рука сама тянется вниз, опускаясь на его член, и Морозов инстинктивно дёргается, чтобы тут же подхватить Машу и перенести на софу. Он не торопится, она ласков и нежен, обволакивает её тело жаром своего желания. Сначала пальцы, а затем и язык выписывают круги на её груди, заставляя девушку начать извиваться под его большим телом.

Я не могу противиться твоим прикосновениям, ты зажигаешь мою кровь даже своим дыханием, а если ты дотрагиваешься до меня, то это похоже на погружение в море наслаждения. Ты приворожил меня, ты разбил мой мир, чтобы собрать меня заново — влюблённую в тебя и желающую быть с тобой.

Он гладит её тело, ласкает его, и она изгибается сильнее, постанывая от удовольствия и желая большего. Каждый нерв её тела откликается на возбуждение.

— Я хочу тебя, сейчас, немедленно...

Его рука скользит между её ног, находит клитор и начинает поглаживать его.

Я хочу, чтобы ты получила то наслаждение, которое заслуживаешь, хочу, чтобы ты почувствовала свою значимость для меня, чтобы вся твоя женственность, ещё спящая, начала пробуждаться, и ты была готова принять меня полностью. Ты двигаешься так, что я с трудом сдерживаюсь, но я подожду тебя, только не останавливай меня, только не передумай. Я живу тобой в данную секунду, и другой жизни у меня нет. Целовать тебя — наслаждение, ласкать твоё тело — счастье, быть в тебе... я ещё не знаю, как это будет, но верю, что это будет божественно.

Наслаждение волной накатывает изнутри, Маша дрожит, выгибается навстречу его пальцам и дышит часто, порывисто, царапая ногтями простыню. И когда он страстно целует девушку в губы, входя языком в её рот и не давая увернуться, её тело начинает содрогаться от оргазма; а он отпускает Машины губы и смотрит в её лицо с закрытыми от перевозбуждения глазами, слышит её крик.

Да, кричи, моя девочка, кричи! Я хочу слышать твой голос, я хочу быть в такие моменты рядом с тобой. Только я — и никто больше, потому что это истинное удовольствие слышать крик страсти, наблюдать, как в тебе сплетаются нежность и чувственность.

Она долго не может прийти в себя, а он уже снова начинает ласкать её бёдра, погружать свои пальцы в горячее влагище, истекающее прозрачной жидкостью.

— Ты решил довести меня до изнеможения?

— Я проверяю твою готовность принять меня.

Она невольно вздрагивает, и он замирает, в тревоге вглядываясь в её лицо:

— Что-то не так?

Она отрицательно мотает головой:

— Сделай уже это! — просит она, и он тянется за кондомом.

Мышцы в её глубине сжимаются в ожидании неведомых ощущений, но страха нет, как и сомнений.

Он садится между её ногами и раздвигает девичьи бёдра:

— Попробуй расслабиться, не зажимайся, хотя это и будет сложно в первый раз.

Он снова гладит её розовые половые губы, ласкает — теперь уже языком — бугорок клитора, а когда она вновь начинает учащённо дышать и судорожно сжимать его плечи, сгибает её ноги и аккуратно неглубоко входит в неё. Это первое проникновение пьянит его, и, сделав несколько неглубоких движений, он выходит из неё и припадает губами к клитору.

Я не хочу, чтобы твой первый раз ассоциировался с болью. Я хочу, чтобы ты приняла меня с радостью. Думаю, что своими поцелуями смогу прогнать твою боль. Ты моя женщина, которая будет стонать подо мной только от наслаждения, но не от боли, потому что я люблю тебя, моё сердце.

И в тот момент, когда Маша испытывает второй оргазм от его губ и языка, он отрывается и быстро входит в неё, сильно толкнувшись вперёд и на несколько секунд застыв. Он стоит перед ней на коленях, одной рукой приподняв её ягодицы, а второй придерживая её согнутую левую ногу. Он смотрит, не отрываясь, в глаза девушки, ловя их настроение. Саша видит, как исказилось её лицо и болезненный стон вырвался из груди Маши.

— Очень больно?

— Скорее, не очень приятно, но той боли, к которой я готовилась, нет.

— Я продолжаю?

Она кивает головой, и он начинает погружаться в неё дальше, совершая осторожные толчки, которые становятся всё глубже и быстрее. Они смотрят друг на друга очень серьёзно, не прерывая визуальный контакт ни на секунду.

Ты во мне, и я не знаю, как передать это чувство. Сначала ты был напряжён из-за меня, но потом отпустил себя и начал двигаться быстрее. Я подчиняюсь твоему ритму, хотя и не ощущаю ничего, кроме дискомфорта. Но я вижу, как туманится твой взгляд, как ты временами забываешь дышать, и улыбаюсь от радости за тебя.

Он ускоряет движение, видя, что она просто следует за его ритмом, не испытывая никакого восторга от того, что происходит. И он благодарен Маше за то, что она сейчас думает о его удовольствии.

Я в тебе — и это так сладко, что я почти счастлив. Почти, потому что ты не можешь разделить со мной это наслаждение. Первый раз, как и второй, и третий, редко у кого бывает чувственным. А ты исследуешь моё лицо взглядом, всматриваешься в мои реакции, гладишь мою грудь, живот тёплыми ладошками и выдыхаешь моё имя. Я склоняюсь над тобой, и твоё мягкое дыхание касается моей щеки.

И как будто только вот этого её глубокого вздоха на его лице Александру и не хватало. Он чувствует, как из глубины живота идёт жар удовольствия, ударяет в самый низ, выдавливая всё скопившееся там напряжение. Он до максимума резко входит в неё, и ещё, и ещё раз, и рычит сквозь зубы от острой разрядки, сотрясающей всё его большое сильное

тело.

Я внутри тебя и не хочу покидать. Ты подарила мне удовольствие, но сама дрожишь под моей тяжестью. Я должен отпустить тебя сейчас, чтобы потом возвращение в тебя стало для нас сказочным и желанным.

Он мягко накрывает её губы своими, даря Маше благодарный долгий поцелуй, на который она охотно отзывается. Его нежность и благоговение перед этой девушкой, кажется, достигают высшей точки. Он проводит ладонью по её щеке и, наконец оторвавшись, шепчет:

— Спасибо тебе, Машенька.

Когда он выходит из неё, она непроизвольно охает, и оба одновременно смотрят вниз — её бёдра окрашены в красное, и такое же красное пятно появляется на простыне.

— Теперь, как порядочный мужчина, я должен на тебе жениться, — бормочет он, а она сильно сжимает ноги, не зная, куда деть глаза. В комнате светло, и она лежит перед Александром смущённая и чуть испуганная.

— Мне надо в душ, — стыдливо говорит она, стараясь не встречаться с ним взглядом, но он заставляет её посмотреть ему в лицо.

— Всё прекрасно, любимая, ты самая смелая девочка. Моя девочка.

Он подхватывает её на руки и несёт в ванную, забирается вместе с ней под душ и собственноручно омывает её. Она уже не пытается закрыться от него, и он, прижав её спиной к своему животу, вновь рукой доводит её до оргазма. Её тело бьётся о его, она заводит руки назад и сжимает его ягодицы, не в силах противостоять этому сексуальному удовольствию.

Моё тело ноет, внутри меня слабая боль, но я рада, что ты получил удовольствие. Я верю тебе. Ты обещал, что через какое-то время наслаждение придёт и ко мне, и я готова ждать. Эта боль тоже принесла удовлетворение — я твоя, и мы вместе, несмотря ни на что. Ты не только физически сегодня был во мне, ты давно вторгся в моё сознание, и я не хочу, чтобы ты меня покидал. Я не стану прежней после сегодняшнего, но я стану новой.

В комнате, завёрнутая в его халат, Маша вдруг начинает плакать. Он замирает и чувствует, как сжимается сердце от непоправимого: всё-таки рано он решился на это.

— Машенька, прости. Я ничего не могу вернуть назад, но я приму любое твоё решение. Родная, не плачь, что я могу для тебя сделать?

Она переплетает руки у него на шее и прячет лицо на груди:

— Это слёзы счастья. Я сегодня переполнена тобой.

— Господи, как ты меня напугала!

— Я люблю тебя, Морозов, но даже не подозревала, что ты можешь быть таким внимательным ко мне, стараться доставить удовольствие тогда, когда оно в принципе может быть недостижимым.

— Милая моя, с тобой я не могу быть другим. У меня сейчас чуть сердце не выпрыгнуло от мысли, что стал тебе неприятен.

Она сильнее сжимает его плечи.

— Я не смогу без тебя. Ты мой тёмный ангел. Почему я не видела тебя раньше?

— Моя милая фантазёрка, — смеётся он, — не мучай себя этими вопросами. Лучше порадуемся, что несколько месяцев назад ты забыла форму в раздевалке.

— Кто же знал, что моя забывчивость приведёт к таким последствиям?

— Я ни о чём не жалею.

— Я тоже. Но у меня ощущение... — она замолкает, прислушиваясь к своему телу.

— Что за ощущение? — тревожно спрашивает он, заглядывая лицо Маше.

— Тянущие боли внизу.

— Это пройдёт.

— Я смотрю, ты эксперт.

Она опускает одну руку и проводит по его члену.

— Мне кажется, он очень большой для меня.

Он закидывает голову и со свистом втягивает воздух сквозь зубы:

— Машенька, не делай так больше сегодня — я от твоих прикосновений быстро возбуждаюсь, а ты не сможешь принять меня сегодня ещё раз.

— А если по-другому? — лукаво спрашивает она, легко переходя от слёз к улыбке.

— Мне этого уже не хватит, зная, какая ты восхитительно жаркая внутри.

Она отступает на шаг и охает.

— Больно, — отвечает она на невысказанный вопрос.

Он усаживает её в кресло.

— Я на кухню, сделаю чай и какие-нибудь бутерброды — у меня разыгрался зверский голод.

Она смотрит на него во все глаза, а потом жалобно произносит:

— А ты не мог бы одеться? Мне всё время хочется дотронуться до тебя.

Только тут он вспоминает, что абсолютно обнажён.

— Полотенце подойдёт? — усмехается он.

— Я уже начинаю его воспринимать как часть твоей обязательной одежды, — улыбается она в ответ.

Пульсирующий ритм во всём теле заставляет играть бёдрами, выгибать спину. Он призывно протягивает руку, приглашая к объединению, и она после секундного колебания вкладывает свою ладонь в его и тут же ощущает рывок. Он хочет сжать её в своих объятиях, но она, описав бёдрами круг, делает шаг вправо, и ему остаётся только положить ей руку на талию, чтобы удержать рвущееся на свободу тело. Она в ответ опускает свою руку ему на плечо, чувствуя, как убыстрятся его пульс. Но тут уже он отстраняется от неё на расстояние вытянутой руки, заставляя желать близости с ним. О, нет! Остайся рядом, обними меня, прижми к себе, дай почувствовать своё тело. И снова сомнение: а стоит ли так близко подпускать его к себе? Она проводит кончиками пальцев по своей шее, высокой груди, животу, дразня его — разве ты достоин всего этого? Задерживает свою руку на его груди, продолжая движение вокруг него — я слышу, как учащённо бьётся твоё сердце, ты меня не обманешь. Он отпускает её и начинает жадно разглядывать, двигаясь по кругу. Она тает под его изучающим взглядом, прогибает спину, отставляет ногу и открывает его взгляду шею — я твоя, бери. Он вновь рядом — давай вместе: синхронное движение бёдер, плавно перетекающее снизу вверх в такое же единое движение плеч. Позволить ему положить руку на талию, прижаться к нему сначала сбоку, потом неумовимо переместиться вперёд и прилипнуть на короткое мгновение к его животу, обвив руками за шею — хочешь меня? Да, отзываются его бёдра, только ты, мне нужна именно ты. Тогда дальше вместе, быстро, ритмично, легко. Да, именно так, иди за этим синкопированным ритмом, веди меня за собой, и я зажгу твой внутренний огонь, который ты не сможешь потушить, не поймав меня. Но если сможешь меня удержать, я буду твоя, вся без остатка, как сейчас.

Она слышит аплодисменты и вскидывает глаза на Андрея:

— Мы лучшие!

— Это точно! — самодовольно ухмыляется он и кланяется жюри и зрителям.

Лидия Павловна улыбается, идя им навстречу:

— Если вы продолжите в этом же духе высокого профессионализма, то станете чемпионами, а я спокойно смогу уйти на пенсию.

— Какая пенсия, Лидия? — смеётся Маша. — Мы только встаём на крыло с твоей помощью.

— Мне кажется, помощь твоего бой-френда здесь играет не меньшую роль, — громко сообщает Андрей.

— Мне всё равно, кто и где, мне главное результат, — отмахивается Лидия.

Маша ищет глазами среди зрителей Александра и находит его рядом с Настей и Михаилом. По тому, как он смотрит на руку Андрея, лежащую на её талии, она быстро понимает, что нужно обозначить расстояние между собой и партнёром.

— Отпусти меня и сделай шаг в сторону, — не переставая улыбаться, очень тихо говорит она Андрею, и он без лишних вопросов быстро выполняет её просьбу.

— Смотрит?

— Да.

— Тяжело с тобой, Мария, — вздыхает он.

Она же машет своим друзьям и видит их ответные жесты.

Машино тело, привычное к танцевальным нагрузкам, очень быстро восстановилось после секса с Морозовым. Несколько дней она чувствовала себя так, словно между ног у неё грубая распорка, резкие движения вызывали неприятные ощущения, и она старалась двигаться размеренно, мягко. И как ни странно, такое изменение её движений не осталось незамеченным не только Лидией Павловной и партнёром по латине, но и другими окружающими. На неё оглядывались на улице, в школе она ловила на себе взгляды парней, которых раньше она сама вроде бы и не интересовала. Казалось, она расцвела и освещала своим счастьем всё вокруг.

Морозов начал от такого внимания беситься.

— Не рычи, — она дотрагивалась до его сжатых кулаков и смотрела на него сияющими глазами.

— Если бы я знал, что ты так изменишься и на тебя станут похотливо пялиться эти самцы, клянусь — ты навсегда бы осталась девственницей!

Под её ласковым и успокаивающим взглядом он замирал и начинал улыбаться. Она казалась ему какой-то небожительницей, случайно оказавшейся рядом с ним, и он боялся, что сон развеется.

Но рядом ещё была и реальная угроза — Ружан. Он следил взглядом за Машей, стоил ей хоть на одну минуту остаться одной, как он появлялся рядом и весьма эротично раздавал комплименты. И она ничего не могла с собой поделать: умом понимала его опасность, боялась его слов, а женское самолюбие таяло от внимания такого красавчика, пусть и неадекватного.

Саша не знал, когда последует удар со стороны Ружана, и это напрягало его, заставляло постоянно быть начеку, а он хотел просто любить свою девушку и спокойно заканчивать школу.

Этот международный конкурс латиноамериканских танцев в их городе стал для него двойным испытанием. С одной стороны, он должен был сопровождать Машу на каждый тур, потому что Ружан взял за правило следовать за девушкой везде и при любом удобном случае посылать ей букеты и мягкие игрушки. Эта навязчивость была неприкрытой, но на прямое предупреждение Морозова держаться от Маши подальше, он только рассмеялся, но не ответил.

А с другой стороны, её танцы с партнёром вызывали у него дикую ревность, которую он старался в себе подавить, чтобы не оскорбить ею любимую девушку. Его собственнические инстинкты восставали, когда Андрей в танце прижимал к себе Машу, или когда она бёдрами изображала страсть, прильнув к партнёру, или когда они оба сплетались руками и ногами... В общем, весь мир сосредоточился вокруг этой девушки, и Саша просто хотел спрятать её ото всех.

Сегодняшний финал конкурса предполагал ещё одно заключительное выступление Маши и Андрея — искромётный джайв.

— Как ты? Готова? — спрашивает Андрей партнёршу, искоса поглядывая на соперников.

— Готова, готова, — уверенно отвечает Маша, — во мне сейчас столько адреналина, что готова весь день и всю ночь танцевать.

— Всю ночь не надо — ты выложишься только в ближайшие несколько минут.

— Не сомневайся.

Она любит залитый светом танцпол, взгляды и аплодисменты зрителей, любит двигаться под музыку, но сегодня она чувствует особый подъём: у них всё получится, потому что она счастлива, что из зала за ней следят любимые глаза.

Ритм джайва с первых же секунд погружает их в мир бесшабашного веселья. По крайней мере для зрителей и жюри именно так и должно всё выглядеть. Она отставляет ногу, делая боковой свинг бёдрами и игриво протягивает руку партнёру — поиграем?! Конечно — улыбка в ответ, и он, схватив её за руку, тянет за собой, заставляя её сначала скользить всей стопой по полу, а потом, как бы опомнившись, позволить приблизиться к себе, чтобы поймать быстрый полёт тела в объятия своих рук и закружить вокруг её оси. Ноги-пружинки, стопа напряжена, носок, кажется, сам по себе вытягивается, чтобы вытолкнуть тело вперёд. Пульсация танца волной проходит через бедро и живот, чтобы выплеснуться в стремительном движении руками-крыльями. Тебе весело? — она идёт на него с высоко поднятой головой, спирально закручивая бёдра вправо-влево и призывно улыбаясь. Да! — показывает он всем своим телом, совершая немислимо быстрые движения и навязывая этот ритм ей. Отклониться в хинче и быстро вернуться в исходное положение, не дав ему надежду на продолжение близости тел. Ладони в ладони, лицом к лицу — шассе влево, потом вперёд, на него, несколько агрессивно, но всё равно играя. А теперь разворот к зрителям — смотрите на нас, повторяйте за нами эти рок-энд-рольные движения.

Музыка заканчивается, а ритм продолжает жить во всём теле. Кровь шумит в ушах, глаза не могут сразу сфокусироваться на чём-то одном, но они оба видят, как прыгает их преподаватель за рекламными щитами. А через несколько минут они и сами готовы прыгать — судьи ставят их на первое место. Абсолютная победа!

— Вы понимаете, что это значит? — обнимает своих воспитанников Лидия. — В январе мы едем в Прагу! Вы сделали это, мои дорогие.

После награждения к ним пробиваются Настя, Михаил и Морозов. Пока Саша поздравляет Андрея, Настя виснет на Марии:

— Ты такая красотка! И вы такая офигенная пара! Остальные вам в подмётки не годятся.

— Офигенная пара — это ты про нас? — вмешивается Саша.

— Морозов, скромнее надо быть — нельзя же так завидовать чужому успеху, — отвечает Настя.

Он отстраняет её от Маши:

— Я не завидую. Я люблюсь.

Он обнимает девушку и наклоняется для поцелуя.

— Хотя нет, — шепчет он, разглядывая её сияющее лицо, — очень завидую, что не я тебя обнимал последние три часа.

Их тела прижаты друг другу, и в этот момент для них ничего в этом мире больше не существует. Она не может дышать от такой близости, тот адреналин, который ещё играет в крови после танца, требует выхода. «Хочу тебя!» — мысленно обращается она к Саше, и он мгновенно понимает её, отвечая вслух:

— Я тоже, моя хорошая.

Рядом раздаётся мужское покашливание — оба быстро оглядываются и видят родителей Маши.

— Разрешите, молодой человек, и нам поздравить нашу дочь, — ирония в голосе Андрея

Петровича звучит не прикрито.

Морозов отступает от Маши, но не выдерживает тяжёлый взгляд её отца. Они с Настей отходят в сторону, пока родители разговаривают с дочерью.

— Взгляд притуши, — советует она Саше.

— Не могу, — мотает он головой, — куда с Майклом собираетесь?

— Да ещё не думали, — удивляется она такому вопросу.

— Предлагаю вместе потусоваться.

— Ты серьёзно?

— Насть, — тянет Морозов, — перестань воспринимать меня как экзотическое опасное животное.

— Да, я... нет, — растерянно тянет она, но он лишь улыбается в ответ, берёт её под руку и подводит к семье Соловьёвых.

— Андрей Петрович, Ольга Сергеевна, — обращается он к ним, — мы бы хотели отметить победу Маши и Андрея. Разрешите пригласить вашу дочь в кафе?

Ольга Сергеевна улыбается и согласно кивает:

— Конечно, Саша, только возвращайтесь не слишком поздно.

Но Андрей Петрович так просто не сдаётся:

— Надеюсь, ты сможешь обеспечить её безопасность?

— Папочка, даже не сомневайся! Это мой самый надёжный защитник, — Маша хочет положить руку на грудь Морозова, но в последний момент отдёргивает её под грозным отцовским взглядом.

— Андрей, — мягко упрекает мужа Ольга Сергеевна, — не начинай. Идите, конечно, Саша.

— Андрей, ты с нами? — поворачивается он к Машиному партнёру. — Хотелось бы отметить ваш успех.

Тот несколько озадачен таким предложением, но виду не показывает и кивает.

— Вот и прекрасно! — Маша обнимает и целует маму. — Пойду переодеваться.

Саша смотрит, как её фигурка в серебристом, максимально открытом сзади и по бокам бальном платье исчезает за дверями служебных помещений, и поворачивается к Машиним родителям:

— У вас очень талантливая дочь, — замечает он.

— Да, мы это заметили, — снова иронизирует Андрей Петрович, но под прикосновением жены смягчается, — спасибо. Кстати, если вы идёте в кафе или ресторан, вам ведь нужны деньги.

Он протягивает карточку, но Морозов делает шаг назад, и на лице появляется упрямое выражение.

— Спасибо, я сам в состоянии заплатить и за себя, и тем более за вашу дочь.

Андрей Петрович хмыкает, но карточку убирает:

— Похвально. Я и забыл, что ты сам зарабатываешь.

Ольга Сергеевна с любопытством смотрит на Сашу:

— Вот как? А можно узнать где и как?

Андрей Петрович не спешит прийти на помощь и тоже ждёт его ответа.

— По-разному, — пожимает тот плечами. — в основном я этакий массовик — затейник, развлекаю заскучавшую публику. Ваш муж может рассказать подробнее, — не упускает он возможности поставить отца Маши в положение оправдывающегося.

— Никогда бы не подумала! — удивляется Ольга Сергеевна. — Андрюш, а ты откуда это знаешь?

— Я тебе дома расскажу, видишь, детям не терпится на свободу.

Александр смотрит на приближающуюся Машу и понимает, что им нужна хоть одна минутка уединения. На ней вязаное с широким воротом платье, достигающее до колен, на ногах высокие сапожки на плоской подошве, через руку перекинута норковая шубка. Юная, красивая, улыбающаяся, она вытягивает из Морозова всю нежность, на которую он только способен. Он чувствует, как джинсы становятся тесными, и поскорее отводит глаза от девушки.

Следом за ней идёт и Андрей.

— Мы готовы, — весело сообщает Маша.

Всей толпой они движутся к выходу из зала и не замечают, как за ними с верхнего яруса следит Евгений Ружан. Он, как и всегда, улыбается. Но как эта его улыбка не похожа на те, которые он расточает прилюдно! Теперь он улыбается болезненно, нервно кусая губы, в глазах лихорадочный блеск. Его раздражает идиллическая картинка, которую он только что наблюдал. Все эти объятия, поздравления, поцелуи кажутся ему сплошным слюнтяйством. Хотя Маша очень ему понравилась сегодня. В этих танцевальных ритмах латины она была как рыба в воде, а он уважал всё, что делается профессионально, по высшему разряду, без всяких скидок на какие-либо препятствия. Он вообще в жизни предъявлял самые высокие требования и к себе, и к окружающим, для него не существовало полутонов: или ты лучший, или ты никто. Сегодня Маша была лучшей, и он хотел её как трофей, прекрасный и пока что недостижимый. Пока что, потому что между ними стоял Морозов. Если бы он в прошлый раз победил Алекса, то теперь не сидел бы здесь один, кусая губы от бессилия, а просто бы вытащил Машу из этой толпы и увёз к себе, где любил бы её долго и жёстко, хотя с ней можно было бы стать и нежным — она этого заслуживала. Но он ещё не был победителем, которому можно всё, и внутри у него вскипал гнев, который, как он знал из прошлого своего опыта, обязательно выплеснется сегодня на какого-нибудь несчастного.

Все уши, и Ружан тяжело спускается вниз, набирая знакомый номер:

— Руслан? Ты говорил с ним о бое?.. Хорошо. А их сторона какой ответ дала?.. Мне надо только согласие!.. Не хочет? — собеседник не может видеть, как ухмыляется Евгений, но может почувствовать холод, появившийся в голосе. — А он знает сумму? И всё равно отказывается?.. Я подумаю, как его заставить согласиться. А ты готовь круг и подогревай публику.

Не прощаясь, он отключается и задумывается. Морозов не хочет встречаться с ним в третий раз — говорит, ему это не интересно. Но он, похоже, знает, как заставить Алекса драться — сегодняшняя сцена взаимного обмена любезностями так и стоит перед глазами! Идея приходит сама собой. Ты выйдешь, Мороз, в круг! Даже не сомневайся. Но там и останешься!

Маша идёт между Андреем и Сашей, весёлая, довольная и счастливая. Они только что вышли из ресторана «Экспедиция» и по сверкающим предновогодним заснеженным улицам идут в Центральный парк, где вокруг огромной новогодней ели выстроился ледовый городок.

— Морозов, ты предлагаешь нам потеснить детишек? — удивлённо спрашивает Настя, когда они все понимают, куда так целеустремлённо ведёт их Александр.

— Детишек мы не тронем, — успокаивает он всех сразу. — Там есть и взрослая зона

развлечений.

— Надеюсь, это что-то приличное? — не унимается Настя.

— Не ворчи, сама увидишь, — отвечает Майкл.

Уже издали они слышат зажигательную музыку, которая, кажется, звучит буквально отовсюду. Главная аллея парка преобразилась до неузнаваемости. На большой площадке сверкает бегущими огнями пушистая ель, возле её подножия стоят огромные ледяные фигуры Деда Мороза и Снегурочки, подсвеченные разноцветной иллюминацией. По левой стороне от ели в аллее выстроены горки и аттракционы для детей, справа — для людей постарше.

Народу много. В воскресный вечер за шесть дней до Нового года все уже чувствуют праздничный настрой.

Сфотографировавшись у фигур Деда Мороза и Снегурочки, согрвшись возле лубяной избушки глинтвейном, они бегут к высоким и крутым горкам, по которым скатываются на тюбингах.

Маша и Александр берут сдвоенный тюбинг и застывают наверху крутого склона.

— Не боишься? — весело спрашивает он её.

— С тобой — ничего и никогда!

— Ты же моя умница, — шепчет он ей в ухо и, оттолкнувшись, пускает тюбинг вниз. Он тут же начинает почти вертикальное падение, и Маша визжит от восторга, крепко обхватив Александра за талию и чувствуя его сильные руки на плечах. Они летят вниз, встречный ветер обжигает и без того красные от мороза щёки, но этот полёт кажется Маше продолжением сегодняшнего триумфа. И она не жалеет, что не осталась на устроенный организаторами банкет, а решила провести его с друзьями. Она рада, что и Андрей с ними, потому что без него не могло быть этого чудесного выступления, этой победы и этого абсолютного счастья.

Всё мелькает перед глазами, горка кажется бесконечной с неожиданными поворотами и ледяными трамплинками, на которых у Маши ещё больше захватывает дух, а желудок поднимается к самому горлу, и она намертво вцепляется в пуховик Саши. В конце кажущегося бесконечным спуска они почти врезаются в Настю и Михаила, которые, стоя у заканчивающейся ледяной дорожки, самозабвенно целуются.

— Эй, развратники, хоть бы отошли с линии, — кричит им Морозов.

— Завидуй молча, — бросает ему Майкл, на минуту оторвавшись от Настиных губ.

— Я тоже хочу, — смеётся Маша и тянется к Александру, но тут их догоняет тюбинг Андрея, и они втроём сбивают с ног целующуюся парочку. Получается хохочущая куча мала, из которой Маша выбирается первой и начинает снимать на смартфон дурачащихся друзей. Она видит на мониторе счастливые лица, слышит весёлый смех — и её переполняет радость оттого, что они все вместе и им так хорошо сегодня. А ещё она в предвкушении того момента, когда останется наедине с Сашей и они будут любить друг друга самозабвенно, до полного опустошения.

Морозов внезапно выныривает из снежной кучи, потому что больше не слышит Машиного смеха, и встречается глазами с её затуманенным взором. Он в несколько движений оказывается рядом с ней.

— О нас задумалась?

— Как ты догадался?

— Я чувствую тебя, Маша, даже на расстоянии.

— И что ты сейчас чувствуешь?

— Что ты хочешь меня, что боль тебя больше не тревожит и что ты не прочь повторить...

— И увидеть тебя в полотенце, чтобы тут же сорвать его.

Он накрывает её губы своими, понимая, что не может противиться её очарованию. Поцелуй выходит жарким, глубоким и настолько одуряющим, что они только через несколько секунд слышат насмешливый голос Майкла:

— А ещё нас развратниками называл!

— Теперь ты завидуй молча, — смеётся в ответ Маша.

Андрей укоризненно качает головой и с улыбкой замечает:

— Если бы не этот развратник, Машка не была бы сегодня такой раскрепощённой, а мы не стали бы чемпионами.

— То есть мне спасибо, да? — весело подводит итог Саша.

— И низкий поклон, — Андрей и правда склоняется в поклоне, когда Маша оставляет Морозова и набрасывается на партнёра по танцам, опрокидывая его в сугроб.

— Это тебе за неверие в меня! — она пытается затолкнуть ему за ворот снег, но он каким-то чудом уворачивается от неё на зыбкой поверхности и легко вскакивает на ноги.

— Почему же неверие? — он протягивает ей руку, чтобы вытащить из сугроба, и, когда она оказывается на ногах, подталкивает к Морозову. — Просто ты была той самой Снегурочкой, которой не хватало Леля.

— Снегурочка плохо кончила, а Лель любил другую, — блеснул вдруг знаниями русской классики Саша. — А я люблю только её.

Он обнимает Машу за плечи, смахивая с её лица снег.

— Так, народ, хватит лирики. Идём веселиться дальше! — ставит точку в разговоре Настя и тянет всех в снежный лабиринт. В отличие от детского его стены высокие, выше роста взрослого человека.

— А если мы заблудимся и не выйдем оттуда? — спрашивает Маша.

— 21 век на дворе — телефоны есть: пойдём на голос, если что, — смеётся Андрей.

— По-моему, в лабиринте надо всё время придерживаться правой стороны, — говорит Саша.

— А мне кажется, левой, — сомневается Михаил.

— Тебе лишь бы налево идти, — Настя легко бьёт его по руке, — всё, двинулись.

Она первой входит в снежный лабиринт и тянет за собой Мишу.

— Прощайте, други! — он картинно машет им рукой, скрываясь за ледяными стенами.

— Ну что, наша очередь? — смотрит на парней Маша.

— Вы идите, а я вас на выходе встречу, — качает головой Андрей.

— Боишься заблудиться?

— Мне надо позвонить.

— Лене? — понимающе улыбается Маша.

— Ху из Лена? — Морозов явно заинтересован.

— Моя девушка, — скупко отвечает Андрей, но Маша тут же дополняет:

— Она скрипачка, сейчас в Москве с родителями на каком-то прослушивании...

— Не на каком-то, а в Академический симфонический оркестр.

— Ух ты... А это типа круто? — прикидывается простачком Саша.

— Это круче крутого.

— Тогда встречаемся с той стороны лабиринта, — примирительно говорит Морозов и вместе с Машей скрывается в лабиринте. Он оказывается неожиданно большим. Где-то слышен гул голосов, но здесь царит тишина.

К удивлению Маши, они не могут догнать Настю, а может просто свернули не в тот коридор. Сначала, хихикая, идут просто так, но, пару раз зайдя в тупик, понимают, что надо применять научный метод.

— Направо или налево? — спрашивает Маша.

— Давай попробуем придерживаться правой стороны.

Кажется, им удаётся продвинуться вперёд, пока вновь перед ними не вырастает ледяной тупик.

— Ну вот, теперь будем пробовать левую сторону, — смеётся Маша.

— Подожди!

Он прижимает её к стенке и расстёгивает шубку.

— Ты выбрал не то место.

— Главное, я выбрал тебя, — он и на себе распахивает пуховик и прижимается всем телом к девушке, сжимая её ягодицы, оглаживая спину и покрывая ласкающими поцелуями шею.

— Сегодня я смотрел, как ты танцуешь, видел твоё тело под невесомым платьем и мечтал о тебе. Хотелось всем в зале крикнуть — это моя девушка! — шепчет он между поцелуями.

Она зарывается пальцами в его волосы, выдыхая в ухо:

— Саша, родной...

Её шёпот, её запах дурманят сознание, её тело заставляет его самого содрогаться от почти что животного желания.

— Ты заводишь меня, детка!

Его дыхание сбивается. Он задирает её платье к поясу и подхватывает девушку под ягодицы. Она обвивает его своими сильными ногами танцовщицы и чувствует, как в неё сквозь ткань упирается его эрегированный член. Им всё равно, где они, кто может оказаться рядом, что они в этом лабиринте не одни. Он целует Машу и начинает ритмичные движения вверх-вниз. Она прижимается к нему теснее:

— Продолжай, не останавливайся...

Движение становятся быстрее, Маша начинает вполголоса стонать от нарастающего возбуждения, сама ищет его губы, чтобы излить в поцелуе все чувства к этому человеку, которым дышит, которым живёт последние месяцы.

— Ещё, ещё, — просит она прямо в его губы, и он убыстряет движения, чтобы уже через минуты закрыть её крик своим поцелуем и самому удержаться от стонущего рыка. Она отпускает хват и становится на подгибающиеся ноги, а он смотрит на неё недоумевающим взглядом:

— Знаешь, что ты сейчас сделала?

— Что? — она ещё слишком возбуждена, чтобы строить догадки.

— Ты заставила меня почти кончить! Я — как долбаный подросток — чуть — не кончил — в штаны!

Он начинает смеяться, закинув назад голову, и она улыбается.

— Это плохо?

— Это не мой стиль, родная. Всегда думал, что могу себя контролировать. Но с тобой

крышу сносит капитально — ты реально искришь рядом со мной. Я думал, такого не бывает.

— А я вот она, да? — Маша целует его в губы, дразня языком, и Морозов срывается в глубокий поцелуй не в силах выносить её лёгкого касания.

Они стоят в ледяном тупике лабиринта, позабыв обо всех на свете и наслаждаясь только друг другом. И в этот момент их слуха касается исполненный ужаса крик:

— Алекс! Алекс! Где ты? Морозов, твою мать! Сюда!

Они прерывают поцелуй и смотрят друг на друга — показалось? Но крик повторяется уже на другой ноте, почти истерики:

— Мороооооз! Живо сюда!

Они бегут на голос, понимая, что случилось что-то ужасное, и на этот раз быстро находят выход.

В метрах трёх от лабиринта стоит Настя, закрыв рот рукой, а Михаил склонился над кем-то, лежащим на снегу аллеи. У Маши нехорошее предчувствие, но она, сжав губы, отстраняет Морозова, который стремится первым подойти к лежащему и не дать девушке увидеть, что там произошло.

На снегу лежит Андрей с неестественно вывернутой правой ногой, с раскинутыми в сторону руками, а под головой у него красное пятно.

— Нет, — шепчет Маша и кидается к нему, но Морозов перехватывает её и толкает к Михаилу:

— Держи и не подпускай! А ты, — это у же к Маше, — не вздумай кричать.

И сказано это так властно и жёстко, что она мгновенно давит в себе уже почти вырвавшийся крик и смотрит на тело Андрея, содрогаясь от ужаса.

— Настя, скорую, срочно вызывай скорую.

Настя кивает и начинает набирать номер.

Александр быстро проверяет пульс Андрея, профессионально ощупывает его тело:

— Живой, но без сознания. Сломана правая нога, перебиты кисти обеих рук, разбито лицо, рассечён затылок, наверняка сильное сотрясение.

— Ему же холодно, надо его поднять, — шепчет Маша.

— Нельзя его сейчас трогать.

— Что-то видели? — спрашивает у Майкла Саша.

Тот отрицательно мотает головой:

— Вышли из лабиринта и даже не сразу его заметили, видишь — здесь уже тень.

— И никого рядом?

— Нет.

В этот момент в кармане у Морозова оживает смартфон, но самое поразительное, что он уже знает, что услышит.

— Алекс? Это Руслан. Прости, дорогой, ничего личного, только передаю слова того, кто просил не называть себя — и так поймёшь.

— Что он сказал? — злобно рычит Морозов.

— Дословно, брат: если не выйдешь в круг — следующей будет она.

— Я услышал! Я выйду. Ставки по максимуму.

— Но если...

— Я сказал по максимуму! И пусть молится своим бесам.

Он отключает телефон и смотрит пустыми глазами на лежащего Андрея.

— Саша, — несмело подступает к нему Маша.

— Прости, родная, у тебя не будет Праги...

В приёмном отделении больницы собралась внушительная толпа: родители Андрея, Настя с Майклом, Александр и Маша со своими родителями. Андрея отвезли в операционную, где благодаря звонку Андрея Петровича его уже ждёт лучший хирург-травматолог их города.

Маша, совершенно потерянная, сидит в уголочке и смотрит прямо перед собой. Мысль, что всему причиной стала именно она, не даёт ей покоя, заставляя чувствовать себя виноватой. Саша тревожно оглядывается на неё, но Андрей Петрович и Ольга Сергеевна не отпускают его, требуя ещё и ещё раз повторить подробно, что произошло. То же самое рассказывают Миша и Настя родителям Андрея.

— Но это же какая-то дикость! — восклицает Ольга Сергеевна. — В людном месте такое бессмысленное и жестокое избиение без всякой причины, и никто ничего не видел! Так не бывает, за этим что-то есть.

Андрей Петрович смотрит на мрачного Александра:

— А ведь ты знаешь причину?!

Тот медлит с ответом, и отец Маши убеждается в своей правоте.

— Саша, — просит его Ольга Сергеевна, — ты должен рассказать обо всём полиции. Этого нельзя оставлять безнаказанно.

— Это не останется безнаказанным, — упрямо наклоняет голову Морозов, — но полиции здесь делать нечего.

— Как ты можешь так говорить?

— Оставь, Оля, похоже, молодой человек знает больше, чем говорит.

— Я могу сказать, но только вам и с глазу на глаз, — он косится на стоящую рядом женщину, — без вас, Ольга Сергеевна, уж извините.

Она не успевает возмутиться, как муж поднимает руку, останавливая её:

— Оля, мы выйдем и поговорим, а потом я буду решать, что нужно знать другим, а что нет.

Женщина по тону голоса понимает, что сейчас лучше промолчать, и кивает.

На улице Андрей Петрович достаёт сигареты и предлагает Саше, тот отрицательно мотает головой.

— Ну что ж, я слушаю. Но если в этом всём замешана моя дочь, клянусь, вы больше с ней не увидите.

— Она замешана лишь косвенно.

— Говори.

— Вам фамилия Ружан о чём-нибудь говорит?

— Это крупнейший держатель акций почти всех предприятий нашего города, а также он инвестирует в строительство и земельные участки. Очень влиятельный человек.

— Да, он, а ещё у него есть сын.

— Постой, ты же против него как-то выступал.

— Два раза уже, — кивает Саша.

— Но Ружан вроде бы увёз сына за границу, на лечение. Что там, наркомания?

— Наркомана сложно вылечить, а безбашенного от природы тем более. Вы знаете, что

он уже несколько недель наш с Машей одноклассник?

— Нет, — Андрей Петрович внимательно и встревоженно смотрит на Сашу, — и что произошло?

— Ружан-младший хочет реванша, он физически не любит проигрывать. Я отказался, и он вот таким образом, через Андрея, дал понять, что не остановится, пока не добьётся своего.

— И если ты откажешься...

— ...то следующей будет Маша. Я согласился. Уже!

Андрей Петрович делает глубокую затяжку.

— Это надо обдумать.

— Ну, вы обдумывайте, а я свой выбор уже сделал, — кулаки Морозова сами собой сжимаются.

— Подожди, этот вопрос нужно решать по-взрослому.

— По-взрослому? Он не успокоится, пока я не выйду против него.

— Рассмотрим варианты. Ты ему проигрываешь...

— ...и вы меня хороните с почестями. Он идёт меня убивать. А у меня другие планы.

— Кто ж ему позволит? — снисходительно усмехается Андрей Петрович.

— Слушайте, взрослый человек, а такой наивный. Он не будет спрашивать позволения — спросите у его отца, сколько раз он выкупал своего сына у закона?

— И сколько? Ты в курсе?

— Я знаю только о двух случаях, — пожимает плечами Саша.

— Но как такое возможно? — Андрей Петрович поражён.

— Он отморозок, ему всё сходит с рук. Поэтому я тоже иду убивать.

— Но у тебя нет такого отца, как Ружан.

— Да и плевать! Зато вашей дочери ничего не будет угрожать.

— О ней я сам позабочусь, но и ты не должен пострадать.

Александр зло оскаливается:

— Я выживу, а остальное неважно.

— Знаешь, я далёк от мира подпольных боёв, признаться, не большой любитель, но в городе я тоже не последний человек, и я подумаю, как достойно и без потерь выйти из этой ситуации.

— Что ж, будем делать то, что должно, — кивает Морозов.

В здании больницы всё по-прежнему. Маша тревожно смотрит на вошедших. Александр внезапно останавливается в дверях:

— Андрей Петрович, вы бы не пускали Машу в школу эти последние дни. И вообще лучше её куда-нибудь из города отправить.

Тот хмыкает в ответ:

— Ты думаешь, мне эта мысль не пришла в голову? Именно это я и собираюсь сделать.

Но он явно недооценил свою дочь. Дома она устраивает истерику и наотрез отказывается уезжать из города.

— Нет, нет, нет! Я с ума сойду, если куда-нибудь уеду, а он здесь с этим ненормальным останется.

— Ты всё равно ему ничем не поможешь, но ему будет легче от мысли, что ты в безопасности.

— А мне не легче! Мне будет тяжелее. Честное слово, будешь настаивать на отъезде, я сбегу из дома.

— Давай без этих детских истерик и угроз, тоже мне, Джульетта нашлась!

— Андрюш, не надо, — останавливает мужа Ольга Сергеевна, — не хочет, пусть остаётся в городе. Вот только ты будешь сидеть дома и ни шагу за порог, — поворачивается она к дочери.

— Согласна, — устало произносит Маша.

Гораздо позднее Ольга Сергеевна тревожно спрашивает у мужа:

— Послушай, но ведь этот младший Ружан опасен и для остальных школьников. Как его можно оставлять в нормальном коллективе, если его эмоции не подконтрольны ему самому?

— Ты права. Я тоже подумал об этом. Я сегодня уже проконсультировался с Петровским, он как областной прокурор должен знать, как лучше поступить в такой ситуации. А Ружан-старший, видимо, не понимает всей опасности положения.

Ольга Сергеевна слушает мужа, качая головой, а потом задумчиво произносит:

— А ведь раньше Ваня Ружан был очень правильным мальчиком.

Муж внимательно смотрит на неё:

— Я и забыл, что ты была с ним знакома.

— А ещё ты сознательно забыл, что этот Ваня делал мне предложение.

— ...Когда мы с тобой уже были женаты. Наглый тип.

— Влюблённый тип... был. И что случилось с ним за все эти годы? — продолжает размышлять Ольга Сергеевна. — Почему вдруг в его семье вырос такой сын? Да, Ваня всегда был человеком жёстким, но справедливым — об этом по университету легенды ходили. А теперь что? Покрывает своего сына? Он сам-то адекватен?

— Я общался с ним только на официальных мероприятиях, никаких личных контактов и интересов по бизнесу, поэтому ничего сказать не могу.

— А что там с этим боем? Саша действительно боец?

Муж морщится:

— Да, очень хороший, и Ружана уже два раза бил. Припоминаю, что второй бой тоже оказался спровоцированным этим Ружаном.

— Да? Каким образом?

— Это как-то касалось родственницы нашего Александра.

— Нашего? — поднимает брови жена. — Ты его принял?

— Оговорился, — бурчит в ответ Андрей Петрович.

— Ой, так уж и оговорился?! Я же вижу, он тебе понравился.

— Я что, девушка, чтобы он мне нравился?

— Понравился, понравился, как и мне.

— Что?

— Он мне тебя молодого напоминает: ты был такой же резкий, жёсткий, целеустремлённый и очень нежный со мной. Я думаю, наша дочь будет с ним как за каменной стеной.

— Пока она вовлечена в личные разборки двух опасных личностей.

— Ну, ты же поможешь мальчику ради дочери, да? — она целует его в щёку.

— А куда ж я денусь? — ворчит Андрей Петрович, обнимая жену.

А Маша в это время в своей комнате по телефону разговаривает с Морозовым.

— Я не уеду, и отец уже согласился со мной.

— Слабак! Я бы тебя просто запихнул в самолёт и спрашивать не стал.

— Ты так хочешь от меня избавиться?

— Я хочу знать, что ты в безопасности и мне не надо тревожиться за тебя. Тогда я смогу сосредоточиться на бое, а не на тебе.

— Я буду тихо-тихо сидеть дома под маминым присмотром и не буду никому открывать дверь. Обещаю!

— Я буду счастлив, если ты сдержишь своё обещание. Что слышно об Андрее?

Маша мрачнеет.

— Он пришёл в себя, но не знает, кто на него напал — не видел.

— Ну, мы то знаем, кто. Он пожалеет об этом.

— Саша, я боюсь за тебя. Я видела, что он сделал с Андреем.

— Машенька, я не Андрей, и я чертовски зол.

Она представляет, как темнеют сейчас его карие глаза, как играют желваки на щеках и судорожно вздыхает. Он чувствует её напряжение:

— Маша?

— Всё хорошо.

— Нет, не хорошо. Что там за всхлипы? Ты плачешь?

— Нет, я... не знаю, как тебе сказать.

— Попробуй, я пойму.

— Понимаешь, мне кажется, я ненормальная. Когда с нами, с тобой и мной, что-то происходит, я хочу...

— Чего ты хочешь?

— Не чего, а кого! Тебя хочу.

— И почему это ненормально? По-моему, вполне естественно. Всё идёт из подсознания, древнего и таинственного, когда наши далёкие предки связывали воедино сексуальность и агрессию. Выброс в кровь адреналина стимулирует желание... В общем, Машка, я тоже тебя безумно хочу без всякой этой зауми, — заканчивает он почти жалобно.

— Вот теперь нас двое ненормальных, — вздыхает она, — проблем у нас больше нет, только как о постели думать.

На следующий день в школе Морозов и Ружан встречаются в вестибюле, и воздух между ними мгновенно становится сухим и жарким.

— Один? — удивлённо распахивает глаза Евгений. — Без нашей Маши?

Александр не обращает внимания на провокацию.

— Ты понимаешь, урод, что ты сделал?

— За урода ответишь. И что я такого сделал?

— Из-за своей грёбаной гордыни ты человеку жизнь сломал? — выплёвывает ему в лицо Саша.

— Я? Ты бредишь, Мороз! — Ружан мягко ступает вокруг него, как бы приноравливаясь к удару, и отвечает очень вкрадчиво. — Да при чём здесь я? Это ты, и только ты виноват! Зачем сразу не согласился выйти со мной на арену? Я не люблю, когда мне отказывают. Выйди, прояви себя, и наша Машенька не лишилась бы партнёра. А теперь кому он нужен? Калека! — он выплёвывает это слово как оскорбление. — Он ведь не то что танцевать, ходить нормально не сможет — я знаю, как правильно ломать человеку кости.

Саша смотрит в пустоту глаз Ружана:

— Я тоже умею правильно ломать кости. И я тебе обещаю — ты даже на костыли до конца своей никчёмной жизни не встанешь.

Ружан смеётся, и со стороны кажется, что его просто развеселил анекдот, рассказанный другом.

— Мелко, очень мелко, Мороз. Я тебе обещаю, что на арене просто закончится твоя жизнь.

— Не говори гоп. Знаешь такую поговорку?

— Никогда не любил мудрость быдла. Впрочем, хватит слов, — он лихорадочно оглядывается по сторонам, — скоро я поставлю точку на твоей жизни.

Морозов видит, как он уходит по коридору, и только тогда разжимает кулаки, спрятанные за спину — очень боялся не удержаться.

В школе жизнь идёт своим чередом, но без Маши. Хотя уже на первой перемене к нему подходит Настя:

— Почему этот урод, — она кивает подбородком в сторону Ружана, — ведёт себя, как герой?

— Потому что он таковым себя считает, — устало отвечает Саша.

— Но ведь можно заявить в полицию.

— Нет, не можно! Андрей его не видел, алиби у него, наверняка, есть, а устные разговоры не доказательства.

— Так давай его запишем!

— В суде подобные аудиозаписи одна через две принимаются. А его папочка ещё нас виноватыми сделает.

— Но надо что-то делать! — на глаза Насти наворачиваются слёзы.

Морозов неожиданно обнимает девушку за плечи:

— Я сделаю, Настя, обещаю. Он не будет таким радостным ходить.

Она отстраняется от него:

— Я тебе, конечно, верю. Но сейчас ты создал в классе нездоровую сенсацию — Морозов обнимает Игнатову.

Он оглядывается и ловит быстрые взгляды в их сторону. Это, как ни странно, веселит его, и он громко, чтобы все слышали произносит:

— А сына назовём в честь деда! Решай: твоего или Мишкиного?

— Что ты мелешь?! — тут же начинает кричать Настя, сбрасывая с плеча его ладонь.

— А что такого? — деланно удивляется Саша. — Лет через десять этот вопрос станет очень актуальным.

Маша только в понедельник, сидя дома, окончательно поняла, что произошло — Андрей не восстановится для танцев никогда. Для неё, которая танцами жила, но не болела, потеря партнёра могла бы стать не столь фатальной, если бы это произошло естественным путём. Но вот так, жестоко прервать полёт Андрея, который не мыслил себя вне латины... Маша рыдала в подушку, чтобы не слышала мама, которая практически всегда была дома. Ей не хотелось утешения, ей надо было выплакать всю свою боль, свою тоску и свой страх.

Боль за Андрея, который с трудом, но выкарабкивался из зыбкого состояния.

Тоску по несбывшимся надеждам на продолжение танцевальной карьеры.

Страх за Сашу, который вбил себе в голову, что должен выйти против этого наркомана.

Не то чтобы она не верила в него, но сам факт того, что ему смогут причинить хоть капельку той боли, которая досталась Андрею, заставлял её сердце замирать от испуга. Один уже в реанимации, и она не хотела видеть там другого.

Слёзы текли ручьём, когда Саша после уроков сделал ей видеозвонок по Вайберу. Первый вызов она сбросила, но второй не решилась, потому что он мог нафантазировать себе всё, что угодно. Быстро вытерев слёзы, она включила камеру и тут же поняла, что обмануть его не удалось, потому что вместо приветствия он спросил, нахмурившись:

— Ты плачешь?

— Уже нет.

— Но плакала. Маша, я иду к тебе.

Он прикладывает пальцы к губам, потом к экрану и тут же улыбается:

— Я с тобой стал таким сентиментальным ослом.

— С ослом не согласна, а сентиментальный ты мне очень нравишься.

Он улыбается и повторяет:

— Я иду.

Звонок в дверь не является для женской половины семьи Соловьёвых неожиданным. Но на всякий случай убедившись, что за дверями Саша, Ольга Сергеевна впускает его в квартиру.

Он вручает ей коробку воздушных безе и просит:

— Я был бы благодарен за мясные закуски в ответ.

Она смеётся:

— Конечно, Саша, я накормлю тебя пищей воина.

Вместе с дочерью они накрывают на стол. Он смотрит за их передвижениями между кухней и столовой, и напряжение отступает — эти две женщины, зная его вторую жизнь, не пытаются учить его, отговаривать или что-то требовать. Он может оставаться самим собой, не вдаваясь в подробности при разговоре. И его это устраивает на данный момент.

Мясной салат, наваристый борщ, запечённая рыба — всё это Морозов почти проглатывает, не забывая хвалить хозяйку.

— Если ты, Маша, так же готовишь, как твоя мама, то я готов жениться на тебе хоть сейчас, — заявляет он после того, как съедает всё под чистую.

— Я могу это расценивать, как официальное предложение моей дочери? — улыбается Ольга Сергеевна.

— Вполне, — не отступает Александр.

— Тогда я выдам страшную тайну: рыбу готовила моя дочь.

— Когда в ЗАГС? — интересуется он. — Подождём окончания школы или после Нового года уже подадим заявление?

— Угомонись, — останавливает его Маша, — я вредная и требовательная особа. За тарелку борща могу попросить звезду с неба.

— Да легко! — широко и искренне улыбается Саша. — Ты её получишь просто потому, что существуешь. И борщ здесь будет ни при чём.

Он перехватывает печальный взгляд Ольги Сергеевны, который ему не очень понятен.

— Я сказал лишнее?

— Нет, просто напомнил мне молодого Андрея, который много лет назад тоже обещал звёзды и бесконечную любовь.

— Неужели обманул? — не верит Саша.

— Нет, — улыбается Ольга Сергеевна, — всё выполнил. И звезда вон, на стеночке.

Она кивает на рамку, в которую вставлен международный сертификат, подтверждающий, что Соловьёва Ольга Сергеевна является владелицей именной звезды.

— Я тоже привык отвечать за свои слова.

— Эй, люди, — прерывает их Маша, — а моё мнение вас интересует?

— Молчи, женщина, за тебя уже всё решили, — смеётся Морозов.

Но Ольга Сергеевна вдруг внимательно смотрит на них.

— Женщина? Это оборот речи или..?

И по тому, как вспыхнули щёки дочери и замялся с ответом Саша, она всё поняла. Не то, чтобы она поражена — она ощущала, какой чувственной силой заряжен молодой человек, и сердцем знала, что её дочери не устоять против его напора. И тем не менее она обескуражена тем, что просмотрела этот момент в жизни дочери.

Морозов по-своему понимает её состояние и спешит на помощь Маше:

— Ольга Сергеевна, я правда люблю вашу дочь и готов хоть сейчас...

— ...под венец, — заканчивает она за него. — Только пока рано об этом говорить. Надеюсь, вы были благоразумны?

Она не может прямо спросить о предохранении, но они её понимают, и опять за пунцовую Машу отвечает Александр:

— Даже не сомневайтесь.

И что она должна теперь делать? Сама, не подумав, спросила — ей честно ответили. Кричать? Ругаться? Выгонять? Глупо и поздно. Тем более этот мальчик явно дышит её дочерью. А она ещё очень хорошо помнила, как впервые познакомилась с Андреем на студенческой свадьбе их общих друзей, как он пошёл её провожать, но в результате они оба оказались в квартире одного из его знакомых, который в это время где-то отсутствовал, и провели там всю свою первую ночь и следующие полдня. И до сих пор вместе. Так что ей ли устраивать скандалы, которых, кстати, она очень не любила?

— Даже не знаю, что сказать, — честно призналась она, переводя взгляд с дочери на Сашу и обратно.

— Мамочка, не надо ничего говорить, — взмолилась Маша, — воспринимай это, как обычное жизненное явление.

— Ну, ты тоже скажешь, Маша, — покачал головой Александр и вновь повернулся к её матери. — Явление жизненное, но не обычное, по крайней мере для меня. Я влюбился в вашу дочь задолго до того, как она мне ответила взаимностью. И сегодня могу об этом говорить открыто и не стесняясь, потому что знаю, что мои чувства взаимны. Если это не кажется вам розовой чушью, то я готов вам поклясться, что Маша — моя судьба.

Обе женщины смотрели на него застывшими. И он вдруг смутился:

— Но если это звучит слишком самоуверенно...

— Саш, — выдохнула Маша и накрыла своей ладонью его руку, оказывается, непроизвольно сжавшуюся в кулак, — я поняла, и мама тоже.

Ольгу Сергеевну от объяснений спас телефонный звонок. Пока она разговаривала, Маша уже привычно разжала кулак Морозова, произнося на каждый палец:

— Я — тоже — тебя — люблю!

А мизинец просто поцеловала, поймав благодарный взгляд Саши.

— Мы легализованы?

— По крайней мере, мамой. А вот что скажет твой отец, когда узнает...

— Я тебе отвечу классически: мы подумаем об этом завтра, — улыбается Маша.

Вернувшаяся Ольга Сергеевна внимательно смотрит на свою дочь и её парня:

— Маша, надеюсь, ты не покинешь квартиру, пока я буду отсутствовать? Помни, что ты обещала отцу.

— Я присмотрю, — обещает Саша и делает вид, что не слышит брошенные в сторону слова:

— Это-то меня и пугает.

Пока Ольга Сергеевна собирается, Маша и Алекс дружно моют посуду и убирают со стола. Но как только они остаются одни в квартире, как все барьеры сносятся той страстью, которой оба не в силах противостоять.

Кровать Маши превращается в площадку аттракциона «Кто раздеется первым?» — они срывают с себя одежду как одержимые, не в силах отвести взгляд друг от друга. И оба на мгновение застывают, стоя на коленях на противоположных сторонах широкой кровати и жадно рассматривая друг друга.

— Маша, — первым выдыхает он и, увлекая её за собой, падает спиной на кровать.

Сегодня никакой нежности с обеих сторон. Создаётся впечатление, что это их последняя встреча. Поцелуи настолько крепки, что почти мгновенно начинают болеть губы. Он жадно мнёт руками её грудь, потом коленом раздвигает её ноги и начинает грубо, жёстко тереться им, продолжая терзать её рот своим языком. Она хочет этого животного секса, когда нет никаких норм, никакой морали, только Он и Она.

Я боюсь за тебя. Я не знаю, чем всё закончится, но сегодня ты мой. И никаких преград между нами. Люби меня! Бери меня! Всю! Я бы хотела провести в твоих объятиях всю ночь, но даже эти несколько минут — смогут спасти меня. Люби меня так, чтобы я не могла двигаться. Чтобы единственным моим желанием было уснуть после безудержного секса. Твои мышцы, твоё тело сводят с ума. Я хочу, чтобы ты почувствовал мою любовь без всяких условностей.

Она вырывается из его объятий, неуловимым движением скользит под ним и, ухватив его член, практически заглывает его: никакой нежности — жёсткие губы смыкаются вокруг мягкой плоти, язык требовательно прокладывает дорогу вдоль канала, пальцы сжимают яички, заставляя Александра задохнуться от подкатившей волны возбуждения...

...На грани возбуждения и боли. Ты знаешь, когда нужно остановиться, а когда применить силу, чтобы заставить меня застонать от удовольствия. Ты играешь мной, но мне нравится это игра. Я готов подчиняться тебе, только не останавливайся, девочка моя. Раствори меня в себе, присвой, сделай мягким, только не останавливайся!

Она не отпускает его и, положив руку на его зад, заставляет двигаться в том ритме, который устраивает их двоих. Он стоит на коленях, откинувшись назад, и стонет, удерживая её голову возле своего паха. Но где-то в подсознании бьётся мысль: «Не так! Только не сейчас!» Почему не сейчас? Потому что она не готова к такому. Не сейчас... не сейчас... не сейчас... Дотянуться до джинсов, достать кондом и вырваться — вопреки своему дикому желанию — из её губ. Надеть резинку, раскинуть её ноги, пройтись губами по её складочкам, втянуть в себя её клитор, грубо вылизывая языком, дожидаться её нетерпеливых криков — а потом войти! Сначала неглубоко, сантиметра на два, сделать несколько

распалющихся её движений и выйти, потерявшись о половые губы, чтобы тут же вернуться в жаркую глубину — полностью, на всю длину. Услышать вскрик, но не останавливаться, а двигаться в ней, горячей, желанной, извивающейся, глубоко, мощно, всё быстрее и глубже, быстрее... Почувствовать, как изгибается её тело, услышать её дикий страстный крик и ощутить, как в этот момент ритмичными движениями сжимаются мышцы её влагалища вокруг твоего члена, выжимая из него всю энергию и заставляя всё тело сотрясаться в пароксизме удовольствия, освобождая рык внутреннего зверя, который наконец-то получил то, к чему так долго стремился — без всяких ограничений с обеих сторон.

Он лежит на ней, не в силах пошевелиться и тяжело дышит. Чтобы не произошло на арене, он уже счастливый человек — обладать такой женщиной не всякий сможет.

— Безумие, — только и может выдохнуть Маша.

— Согласен, — отвечает он, откатываясь в сторону и пытаясь восстановить дыхание.

Ещё несколько минут проходят в молчании, пока они просто смотрят друг на друга, не веря в то, что только что произошло. В конце концов он не выдерживает и приподнимается на локте, нависая над девушкой:

— Машенька, у нас же с тобой был совместный оргазм!

Она кивает.

— Второй раз — и оргазм? Ты удивительная девушка!

— Просто я соскучилась по тебе.

— Будем чаще встречаться, — он накрывает её своим телом и начинает теперь уже неспешно целовать лицо, шею, плечи.

Она, закрыв глаза, с благодарностью принимает его ласку, замирая и вздрагивая под его губами, пока тело вновь не начинает отзываться на его импульсы.

— Саша, остановись, — просит она, — ты не даёшь мне перевести дух и вновь заставляешь хотеть тебя.

— Да, Машенька, рядом с тобой мой пульс выбивает чечётку. Я снова хочу почувствовать тебя.

Его горячее тело посылает ей вполне определённые, хорошо читаемые сигналы, и внутри снова нарастает дрожь.

Ты заводишь меня только одними поцелуями. Твои губы на моём теле рисуют такие бешеные ритмы, что я не успеваю за ними разумом, но тело живёт в этом, заданном тобою темпе. Ты затягиваешь меня в нашу страсть постепенно, я следую за твоими поцелуям, чтобы снова и снова раскрыть тебе своё тело. Я вдыхаю твой запах — и теряю голову. Люби меня, и я сделаю ради тебя всё, что ты попросишь.

— Хочу, — стонет она, содрогаясь под ним всем телом, и он чувствует, как снова наливается силой.

— Хорошо, девочка моя, — он стекает губами по шее к её груди, втягивает уже и так твёрдый сосок. Она чувствует, как через него вливается желание, и пока Саша осыпает поцелуями её грудь, она гладит его плечи, спину. Она тянет руку к его джинсам:

— Где резинка?

Она садится на него и вводит в себя член — сначала неглубоко, но потом приподнимается над ним и трётся. Он сквозь зубы засасывает в себя воздух:

— Кто научил тебя этим играм? Неужели в книжках вычитала?

— Хорошо быть умной и начитанной, да? — смеётся она и тут же снова садится на него, уже глубже. У обоих вырывается стон, и он, обхватив и крепко сжав её бёдра,

насаживает на себя ещё глубже. От возбуждения она выгибается назад, опираясь ладонями на его колени позади себя, и начинает медленно двигаться вверх и вниз. Его проникновение на этот раз такое глубокое, что она на какой-то момент даже чувствует боль, но вскоре всё выравнивается...

Я не хочу, чтобы прекращались твои движения во мне. Я хочу чувствовать тебя. Хочу целовать, гладить, провести с тобой сумасшедшую ночь, которую ты мне обещал, но до сих пор не подарил. Хочу наблюдать за тобой из-под ресниц и ловить твой влюблённый взгляд. Мне нравится, как ты на меня смотришь! Я сразу ощущаю себя первой, а может и единственной красавицей на земле. Твои мышцы под моими ладонями, твои сильные руки у меня на бёдрах, твоё движение внутри меня — это подарок, который мне придётся ещё долго считать незаслуженным.

Широкая и мягкая кровать принимает их обессиленные тела. У Маши ещё хватает сил обнять Александра, укладываясь поудобнее у него под боком. Она начинает шептать ему слова любви и незаметно погружается в дрему, из которой через несколько минут он выводит её лёгким поцелуем:

— Машенька, надо вставать.

Она ещё плывёт в своих сонных полувидениях, когда его нежный шёпот проникает в сознание, заставляя нехотя возвращаться в реальность. Она потягивается всем телом, чувствуя, как скользит его ладонь по коже, и раскрывает глаза:

— Спасибо, что ты у меня есть!

Он в ответ дотрагивается губами до её плеча и не может ничего ответить, потому что горло вдруг почему-то сжимается от нахлынувших чувств — ему ещё никто никогда такого не говорил.

Они сидят в гостиной перед фоном работающим телевизором. Их кресла на расстоянии друг от друга — чтобы не возникло новых соблазнов. Спальня приведена в порядок, эмоции взяты под контроль. Они молчат не потому, что им нечего сказать, а потому, что прекрасно понимают друг друга без слов.

— Я боюсь, — произносит она наконец вслух то, что так тревожило её в эти последние дни.

Он понимает и улыбается:

— Всё будет хорошо.

— Андрей в больнице, этот Ружан уверен, что теперь готов вернуть тебе долг... Мне страшно.

— Маша, не накручивай себя. Не думай вообще об этом.

— Это невозможно, сам знаешь. Когда бой?

Он отвечает после небольшой заминки:

— Через два дня.

— Так быстро! — выдыхает она. — Пожалуйста, вернись ко мне.

— Маш, — улыбается он ей как можно более успокаивающе, — даже не сомневайся во мне. Я вернусь.

Вечером того же дня в разговоре с отцом Маша упоминает предстоящий бой Саши:

— В эти два дня, которые остались до боя, нужно что-то сделать, пап... нельзя его отменить?

— Во-первых, не через два дня, а завтра, а во-вторых, нельзя — мы с тобой здесь ничего

не решаем, — рассеянно отвечает Андрей Петрович и не замечает, как белеет лицом дочь, которая понимает, что Саша специально назвал неправильную дату.

В день боя Александр собран и сосредоточен. Он отключает телефон, потому что все люди, с которыми он готов сегодня общаться, находятся рядом. Сергей Петрович, трезвый и хмурый, сидит за столом и что-то высчитывает, расчерчивает на большом листе бумаги. Гарик, тоже без улыбки, ходит из угла в угол и в очередной раз повторяет вслух сильные и слабые стороны Ружана. Морозов слушает его и кивает.

— Помни, у него грамотная ударка. Его джеб просто убийственен. Не подставляйся. Думаю, за этот год, что мы его не видели, он ещё поднаторел в технике.

— Ну я здесь тоже не прохладился, — бурчит Александр. Гарик согласно кивает головой:

— Но за ним отличный лагерь, прибавь к этому одинаково безупречное владение ударами рук и ног, заниженный болевой порог...

— Мне уже сейчас начинать скулить от страха или дожидаться выхода на арену?

— Не ворчи.

Петрович отрывается от листа:

— Зато он не способен адаптироваться к внезапному развитию событий. Поправлюсь — не мог, как сейчас — мы не знаем, может, сделал выводы из двух поражений, только ты смог его отправить на канвас.

— Там были голые доски, — вставляет Саша, но тренер небрежно отмахивается от него:

— Ты же понял, о чём я говорю.

— Длина рук и ног у вас с ним одинаковая, — продолжает Гарик, — так что здесь никаких преимуществ.

— И он знает, — добавляет тренер, — что ты используешь в основном смесь из муай-тай и бокса...

— Но может не слышал ещё о джиу-джитсу и боевом самбо? — предполагает Гарик.

— Я бы на это не рассчитывал, — осаждаёт его Петрович, — он следил за тобой, Саша, он должен знать всё.

Он подзывает парня к себе и показывает теоретические выкладки, объясняя свои задумки, а Гарик в это время отвечает по телефону. Он нервно взглядывает на Алекса, и тот удивлённо приподнимает бровь.

— Маша, — шепчет Гарик, и тот отрицательно мотает головой.

— Нет, Маш, я его не видел, — врёт он в трубку, показывая кулак Александру.

А тот просит у Сергея Петровича несколько минут и уходит на его кухню, которую знает как свои пять пальцев. Он сказал Маше неправду и каким-то шестым чувством знает, что она уже в курсе его обмана. Ему надо сосредоточиться на бое, а мысли о девушке только отвлекают. Он помнит, как Ружан смотрел на неё, знает, что он обнимал её — пусть и насильно, но дотрагивался до неё, — и внутренний зверь не хочет подчиняться разуму, он хочет просто рвать, даже если сам погибнет. Саша знает, что в состоянии аффекта его разум полностью отключается, тело живёт само по себе, действуя на автомате. Но можно и не очнуться после подобного боя, не вернуться в привычное состояние, остаться зверем со сдвинутой психикой, да ещё и покалеченным. А у него другие планы на жизнь — ему надо выжить. Он хочет встретить Новый год с родными людьми, безопасности которых ничего не

будет угрожать.

Если он сейчас поговорит с Машей, то ему придётся оправдываться — а он не готов тратить на это время, которого, впрочем, просто нет. К тренеру он возвращается абсолютно отстранённым от всех мыслей, не связанных с боем.

— Мы будем комбинировать удары, — объясняет Петрович, — я набросал самые разные варианты, твоё дело их сейчас запомнить, с Гариком поработаете — не в силу, только на скорость. Но самое лучшее для тебя — перевести бой в партер, там ты его легко сделаешь...

Начинается серьёзная работа, которая вытесняет все посторонние мысли.

Телефон Саши недоступен, его ближайšie друзья не знают, где он может быть, и Маша начинает паниковать. Он обманул о дне боя, он специально скрывается от неё, чтобы избежать неприятных разговоров. Но ей просто надо услышать его голос и понять, что он в порядке, а не превратился в того робота, которого она видела при их с Ружаном встрече. Сначала Андрей, теперь Саша... Хотя, что ж она хоронит его раньше времени?! Но душу уже обдало холодом. Ей кажется, что если всё, что произойдёт сегодня на арене, она сама будет видеть, то ничего страшного с её Сашей не случится.

Она вновь звонит Гарику, не зная, как он чертыхается, когда понимает, что надо было ещё после первого её звонка просто отключить телефон.

— Гарик, я знаю, что бой сегодня. Скажи во сколько и где?

Он косится на Петровича и Алекса:

— Мащ, я не знаю, — тихо, чтобы слышала только она, отвечает он.

— Он рядом? — подхватывается она. — Он запретил тебе говорить?

— Да.

— Гарик, пожалуйста, когда и где? Очень прошу.

— Нет, Соловьёва, мне жизнь дороже. Если он узнает, что я тебе это сказал, то лягу рядом с Черепом.

— Ну хоть намекни на время, — умоляет она, боясь, что он просто отключится.

— Вместе с программой «Время».

Через пять часов! Она смотрит на погасший смартфон и лихорадочно пытается придумать, как попасть на бой. Хочет ли она видеть, как будет драться Саша? Нет. Но быть там — это значит не мучиться от неизвестности. Ей хватило одного Андрея. Когда его избивали, калечили, она до одури целовалась с другим, и ей казалось, что если бы он не пошёл с ними, не остался бы один, с ним ничего подобного бы не произошло. Она кляла себя, винила в том, что стала причиной страшного несчастья, не понимая, что Евгений в любом случае вышел бы на Андрея, потому что тогда, в зале, после награждения в его голове моментально созрел план, как заставить Мороза выйти на арену.

Маша с трудом дожидается возвращения отца.

— Пап, — начинает она прямо, — ты ведь пойдёшь сегодня на бой?

— Да, — коротко кивает он.

— А где он будет проходить?

Андрей Петрович уже открывает рот, чтобы на автомате ответить, но тут же внимательно смотрит на дочь.

— А тебе зачем?

— Пап, ты ведь можешь провести меня вместе с собой?

— Могу, но не буду.

— Почему? Там же будет Саша! Я не могу здесь сидеть и ждать!

— Это не место для девушки.

— Хочешь сказать, что среди зрителей исключительно мужчины?

— Нет, конечно, но женская половина там, скажу мягко, специфическая, и моя дочь точно там не появится.

— Пап, я сойду с ума от неизвестности. Ты понимаешь, что я боюсь?!

На её громкий голос приходит Ольга Сергеевна.

— Что случилось?

— Вот, хочет попасть на бой, — сердито извещает жену Андрей Петрович.

— Машенька, мы с тобой прекрасно дождёмся наших мужчин дома, — пытается успокоить она дочь.

— Просто — скажи — где — будет — бой!

Родители переглядываются, и Ольга Сергеевна прикрывает глаза в знак одобрения.

— В зале колледжа в посёлке Строителей.

Этот район города она почти не знает, но ведь есть Дубль Гис — найдёт!

— Спасибо, — цедит она сквозь зубы и уходит в свою комнату.

Итак, бой в девять вечера в колледже. Она быстро через Интернет находит это место на карте города. Но вот как туда попасть. Отец не возьмёт, Гарик не решится.

Маша смотрит на смартфон и набирает номер Михаила:

— Миша, ты Настю любишь? — спрашивает она парня.

— Э-э-э... да. Ты чего это, Соловьёва? — Мишка ошарашен вопросом и не может ничего понять.

— Миш, а ты мне друг? То есть ты друг подруге своей любимой девушки? — продолжает Маша.

— Бред какой-то! Ну, друг!

— Своди меня на подпольные бои сегодня, — просит Маша.

Он быстро складывает два плюс два.

— Соловьёва, я не самоубийца, это раз! А два, ты хоть знаешь, сколько туда стоит вход?

— Первое мы списываем на твой трусливый характер, а вот по поводу второго просвети — и сколько стоит входной билет?

— Там нет билетов, и я не трус, — оскорблён Михаил.

— Это я образно сказала. Так сколько?

— От восьмисот до тысячи долларов.

Она несколько секунд молчит.

— Что пропало желание там появиться? — ехидничает Миша.

— Нет, думаю, где взять деньги. Слушай, я плачу за вход, а ты идёшь со мной, идёт? А Морозов нас там даже не заметит.

— Маша, Маша, остановись. Там не место для таких, как ты.

— Каких таких? — взрывается Мария. — Для влюблённых сумасшедших дур? Для тех, кто не может сидеть дома, пока где-то там любимый человек рискует здоровьем?

— Я не то имел в виду...

— Если ты не пойдёшь со мной, то я пойду одна. Но потом обязательно расскажу Саше, что это ты мне всё рассказал.

— Это шантаж.

— И ничем не прикрытый, заметь!

— Хорошо, я заеду за тобой в четверть девятого.

Она остаётся сидеть за столом, уронив голову на сложенные перед собой руки. На её личной карточке десять тысяч рублей — и этого мало. В сейфе у отца лежат деньги, но до них не добраться. Есть карточка для семейных расходов. Насколько помнит Маша, она безлимитная — никому ещё не приходило в голову снять с неё деньги: ею рассчитывались в магазинах и дальних поездках, пин-код был известен всем троим.

— Я всё слышала, — голос мамы за спиной заставляет Машу подпрыгнуть.

— Ты подслушивала? — возмущённо поворачивается она.

— Нет, но ты так громко разговаривала... это же был Миша?

Она кивает.

— Нельзя так наседать на мальчиков. Хорошо, он такой гибкий и пошёл тебе навстречу, а если бы нет? Да ещё и Насте бы рассказал.

— Она меня поймёт...

— ...но галочку в памяти поставит, что ты имеешь влияние на её парня. Так нельзя, дочь.

— Мама, я всё равно поеду туда — одна или с Майклом, не важно! Я буду там!

— Зачем тебе там быть? — искренне не понимает Ольга Сергеевна. — В любом случае результат станет известен сразу, после окончания — папа сообщит.

— Мне не надо сразу после — мне надо самой там быть.

По щекам Маши начинают бежать тихие слёзы.

Ещё в сентябре она спокойно училась рядом с Морозовым в одном классе и не выделяла из толпы мальчиков. Их параллель вообще славилась высокорослыми и спортивными ребятами, а у неё были интересы в другой плоскости — латина владела всем её свободным временем. Никаких симпатий, никаких любовей — учёба и танцы. На неё засматривались молодые люди в школе, в студии танца, на банкетах, где она присутствовала вместе с родителями, но Маше это было не нужно.

А затем появился Он, взялся разбудить в ней женщину, открыть чувственную сторону жизни. Поначалу всё воспринималось как игра. Потом она привыкла к его постоянному присутствию рядом, к его прямым словам о любви и сексе, к его поцелуям, от которых вдруг начала получать удовольствие, к его большим и горячим рукам, в которых она могла поместиться вся и почувствовать себя в полной безопасности.

И количество перешло в качество — она влюбилась, как может влюбиться восемнадцатилетняя девчонка: без оглядки, без условностей, без границ. А когда поняла, что уже давно любима и что он только ждал, когда она сама созреет, то её счастьем не было предела. Она жила им, дышала ими не могла вот так просто сидеть и ждать, когда он встретится на ринге с человеком, который хочет его физического уничтожения, с человеком, который уверен, что всемогущий отец в любом случае его вытащит. Сердце от ужаса то бешено несло вперёд, то вдруг останавливалось, вызывая боль в груди. Нельзя оставаться дома в такой момент. Быть там, рядом. Пусть в стороне, но видеть, а не мучиться от неопределённости.

Ольга Сергеевна гладит Машины волосы, слушает сбивчивую речь дочери и понимает, что вот так просто от этого не отмахнуться.

— Поедем вместе, — решается она.

Маша поднимает голову и сквозь слёзы смотрит на неё:

— Мама?

— Я тоже должна знать, где моя дочь и не переживать из-за неё. Отец будет недоволен, но постараемся как можно позже попасться ему на глаза, — рассуждает Ольга Сергеевна. — Деньги снимем с моей карточки. Если с домашней, отцу придёт смс-сообщение, и он тут же перезвонит, чтобы узнать, что это такое затратное мы купили.

— А Майкл?

— Мишу возьмём как сопровождающего — негоже двум дамам без телохранителя в таких местах.

16.

На стоянку позади колледжа Ольга Сергеевна осторожно въезжает ровно в девять вечера. Рядом с ней на переднем сидении находится Михаил, который и подсказывает, куда лучше поставить автомобиль, чтобы потом быстрее уехать. Маша сидит, забившись в глубину салона, и обкусывает ногти; её начало трясти ещё по пути сюда, а сейчас она уже просто в панике.

Все трое идут к дверям чёрного входа, где их встречает настоящий громила, рядом с которым даже баскетбольный рост Майкла кажется игрушечным. Они обмениваются рукопожатием, и громила, внимательно оглядывая женщин, спрашивает:

— Вы знаете, что сегодня только один бой и не совсем обычный?

— Знаем, — кивает за всех Миша, — потому и пришли.

В полутёмном коридоре Маша, как ни странно, успокаивается: Морозов где-то здесь, это его стихия, и не ей в нём сомневаться. Они проходят в уже заполненный зал, в котором витают запахи мужского пота и парфюма и стоит громкий гул голосов. Хорошо освещено только место в середине зала, где и будет проходить бой, а всё остальное помещение тонет в полумраке, в котором можно различить лишь силуэты, а лица размыты. Ольга Сергеевна, оглядевшись, уверенно направляется вверх по деревянным ступеням и оказывается на небольшом балкончике, который тянется по периметру всего зала. Ей перекрывает движение молодой охранник в костюме:

— Извините, сюда нельзя. Не могли бы вы перейти в другой сектор? — последний вопрос он добавляет, быстро оценив внешний вид женщины. Но она не обращает на него никакого внимания, смотрит за плечо телохранителя и негромко зовёт:

— Иван!

В зале шум, но её голос каким-то чудом доходит до слуха высокого красивого мужчины с брезгливым выражением лица, которое тут же сменяется сначала удивлением, а потом радостью:

— Оленька?!

Он сам идёт ей навстречу, целует руку и смотрит в глаза:

— Всё такая же красивая!

— И всё такая же замужня, — парирует она, чтобы сразу обозначить своё положение и не создавать у него ложных иллюзий. — Познакомься, это моя дочь Мария и её знакомый Михаил.

Ружан-старший и Маша взаимно рассматривают друг друга. Он — тепло, по-отечески, с улыбкой. Она — напряжённо и с удивлением: сын и отец очень похожи, но в старшем нет внутреннего надлома и лихорадочного веселья.

— Очень приятно, милая барышня, — Иван Ильич просто пожимает ей руку, — вы так же красивы, как и ваша мать. Буду очень рад познакомиться вас со своим сыном.

Маша открывает рот, чтобы возразить, но Ольга Сергеевна быстро просит Ружана:

— Ты не против, если мы расположимся рядом с тобой?

— Что ты, Оля, сочту за честь. Тем более основной боец — мой сын Евгений. Мне очень бы хотелось, чтобы вы разделили со мной радость победы.

— А он уже победил? — не выдерживает Маша и чувствует, как с двух сторон мама и Майкл толкают её в бок.

— Считайте, что да! — довольно усмехается Иван Ильич, — Женя — сильный боец. Я столько денег вложил в его учителей.

— И всё же, не говори гоп, пока не перепрыгнешь, — Маша даже не подозревает, что повторяет слова Александра, сказанные совсем недавно Ружану-младшему.

Иван Ильич смеётся:

— Хорошо, не буду. Но я очень хочу, Оля, чтобы наши дети не просто познакомились, но и подружились. Жене нравятся девушки такого типа, уж я-то своего сына хорошо знаю.

Ольга Сергеевна сжимает локоть дочери, заставляя её молчать, ну а Миша и сам понимает, что сейчас не стоит выводить этого влиятельного человека из заблуждения.

Маша осматривается: вокруг них много народу, и она рада, что даже привыкнув к полутьме, она не может различить лиц стоящих и сидящих в нескольких метрах от них людей — значит, и их с мамой отец пока не видит.

А Иван Ильич продолжает расхваливать боевые качества своего сына, отчего девушку начинает мутить. Она вспоминает, как выглядел в больнице Андрей, как звучали угрозы в адрес Саши, и ей противно слушать хвалебные речи отца своего одноклассника.

Майкл понимает и наклоняется к ней:

— Терпи, Маша, но если хочешь, можем спуститься вниз.

— Останемся, — решается она, — отсюда хорошо всё видно.

Через пятнадцать минут наконец всё начинается.

Пока ринг-анонсер представляет бойцов, Маша во все глаза смотрит на Александра, появившегося в круге света. Он обнажён до пояса, чёрные волосы забраны в хвост. Мышцы большого совершенного поджарого тела перекатываются под кожей. Он одет в широкое трико, завязанное на поясе простой верёвкой. Он собран, не смотрит по сторонам, губы плотно сжаты, глаза изучают противника.

Появление Ружана вызывает не менее громкие аплодисменты, чем были у Морозова. Особенно стараются на половине его отца, Маша сжимается от громких звуков вокруг и вцепляется в руку мамы.

Она смотрит на Ружана и не может не признать, что он внешне очень хорош. Тоже высокий и мощный, как Саша, он выходит на арену максимально оголённым. На нём только короткие спортивные шорты, и всё его татуированное тело как на ладони. Можно рассмотреть, как дракон оплетает его торс, забросив свой хвост через плечо на всю левую руку. Можно даже понять, что он затаился в пышных зарослях, выбросивших свои побеги на шею и даже на ноги. На лице Евгения обворожительная улыбка, его глаза прикрыты длинными, почти девичьими ресницами, поэтому их выражение сложно понять. Но Маше чудится, что там сплошная тьма.

— А Саше удобно в этих штанах? — встревоженно спрашивает она у Майкла.

— Удобно, — успокаивает он её, — они скрывают движение ног, а значит, помогают обмануть противника. И не мешают в бою.

Девушка успокоено кивает. И в это время начинается бой.

Оба движутся по кругу, не отпуская взглядом друг друга. Потом обмениваются первыми прицельными ударами, а затем начинается ад. Град ударов руками, ногами.

Алекс движется уверенно и свободно, без какого-либо, по крайней мере, видимого эмоционального напряжения, практически на автопилоте проводит несколько прямых

ударов, последним задевая всё-таки противника. Их джебы и кроссы следуют один за другим молниеносно.

— Чёрт, выложится сейчас, — сжимает кулаки Майкл, — силы потратит...

— Почему?

— Такие удары энергозатратны и сильно выматывают.

— Саша выносливый.

— Так и Ружан не одуванчик! Его этим не удивишь.

Как ответ на его слова, на арене Ружан бьёт Сашу в бедро ногой. Маша не может понять попал он или нет, но видит, что Морозов отступает и делает несколько прыжков на месте. Но как только Ружан приближается, чтобы ударить ещё раз, он совершает резкий прыжок вперёд,

Удивить? Поразить? Спасибо, Петрович, попробуем. Подпустить к себе на удар, дать возможность ударить, сделать вид, что удар почти прошёл, обозначить — неявно, для понимающего — боль. И вперёд! Удар в грудь. По голени! Уйти с линии атаки, изменив позицию. Сделать обманное движение — вытянуть руку, как для атаки — и ударить ногой в прыжке.

Их движения на арене напоминают дикий танец: удары ногами и руками, атаки и защита. Александр чувствует себя уверенным, как никогда. В его теле лёгкость и сила, он знает ещё до того, как Ружан начинает двигаться, куда тот нанесёт удар, и спокойно уходит в сторону или блокирует. Он понимает, что нельзя недооценивать человека, который поставил себе цель не просто победить, но покалечить своего противника настолько, чтобы тот уже не смог прийти в себя. Но Алекс не боится, страх сковывает, а ему надо защитить свою девочку, которая вообще не должна была в этом участвовать, а должна была ехать в Прагу с Андреем, чтобы показать всему миру, красоту своего танца...

Он пропустил удар по-настоящему. Нет, никаких мыслей о Маше! Только бой, сконцентрироваться, собраться — и бить. Длинные руки Ружана не дают нанести качественный удар, после которого можно было бы вести бой к концовке. Надо ждать, надо выждать. Он всё равно ошибётся. Он человек — импульс, человек — взрыв. Он не может долго терпеть рядом с собой соперника, потому что считает это постыдным. Ружан привык к быстрым победам. Неужели за этот год, что его не было, ему объяснили, что скорость хороша в атаке, но нельзя бросаться вперёд в попытке поскорее выиграть, тем более если противник сильный?

Маша вновь слышит, как отец Ружана объясняет её маме технику Евгения. От его голоса её сознание плывёт, потому что она слышит самодовольные интонации в его рассказе. Ей хочется крикнуть, чтобы он заткнулся. Почему его сын вырос таким зверем? Почему все люди для него хлам?

А тут ещё болельщики Ружана взрываются новыми криками — он наносит несколько быстрых и сильных ударов, от которых Морозов припадает на одно колено. Маша подносит кулак ко рту, чтобы не закричать от боли, которую чувствует в этот момент. Она видит, как ступня Ружана летит в лицо Саши, и готова сорваться в крик, когда слышит восторженный шёпот Майкла:

— Смотри!

Это кажется невероятным! Только что стоящий на колене Александр, находящийся,

казалось, в ступоре от града ударов, которые обрушились на него, мгновенно хватает Ружана за лодыжку и резко рвёт в свою сторону, сам в перекате уходя в сторону. Теперь оба бойца на земле, но Ружан оглушён от удара о пол, а Алекс получает простор для манёвра. Он прыгает на лежащего Ружана сверху с жёсткой посадкой коленом на рёбра и бьёт в открытое горло. Тот замирает на несколько мгновений и хватается за воздух ртом и каким-то немыслимым движением изгибается и бьёт голенью соперника по плечу.

— Мой сын! — Иван Ильич тянется за бокалом с шампанским, который стоит на столике рядом. Ольга Сергеевна напряжённо следит и за боем Саша, и за реакцией дочери, которую, слава богу, контролирует Миша, и за публикой вокруг.

— Оля, предлагаю выпить за моего Евгения!

Но она отмахивается:

— Не сейчас, Иван, подожди, не мешай.

Он думает, что она увлечена и поражена техникой боя его сына, поэтому не настаивает. А Ольга вдруг задаёт ему неожиданный вопрос:

— А где твоя жена? Где мать Жени?

Ей действительно это интересно, но Ружану этот вопрос неприятен, и тем не менее он пусть неохотно, но отвечает:

— Она умерла много лет назад.

— Болела? Несчастный случай?

И прежде чем подумать, он вдруг говорит чистую правду:

— Самоубийство на почве обострившегося психического заболевания.

Ольга Сергеевна замирает, не в силах взглянуть на Ружана:

— Мне очень жаль.

Она косится на дочь, но та ничего не слышала, занятая переживаниями за Сашу.

Плечо обжигает огнём. Нельзя так подставляться. Он видит глумливую улыбку Ружана рядом с собой. Слава богу, тому хватало ума не разговаривать во время схватки, как это было раньше. Видимо, объяснили умные люди, что к чему. Но Александр всё равно знает смысл этой улыбки:

Я сделаю тебя. Ты не сможешь защитить её от меня. Маша — прекрасный приз за мою победу.

И не успевает он это посчитать плодом своего воображения, как Ружан всё-таки произносит:

— Я буду трахать её сегодня же ночью.

Нельзя дать своему внутреннему зверю действовать спонтанно! Надо его отпустить, но подчинить рисунку боя.

Никто сразу и не понял, что на арене что-то изменилось. Но как ни странно это почувствовала только Маша — она увидела, как её Саша перестал быть самим собой, привычным, добрым, любящим, весёлым, внимательным и заботливым. Перед ней появился хищник, не способный на человеческие эмоции, а живущий только инстинктом убийства.

Ружан понял то же самое, что и Маша, но на секунд пятнадцать позже — когда уже ничего не мог исправить. Когда уже оказался в партере; когда Морозов уже с хрустом ломал его руку; когда бедренная кость правой ноги крошилась под мощными ударами; когда рёбра ломались пополам, а лицо превращалось в кровавую маску...

Шум крови в ушах заглушал крики зала. А может быть, там просто стало тихо? Неважно. Главное — добить. Сделать так, чтобы этот человек больше никогда не появлялся в его жизни, не приносил с собой зло, не угрожал родным и близким людям. Не было Саши Морозова, был Мороз, жестокий и беспощадный.

Пока сквозь кровавую пульсацию не проник девичий шёпот:

— Саша! Не надо!

Но этот шёпот прозвучал как крик, как мольба не опускаться до уровня лежащего перед ним противника. И он остановился, изгоняя красную муть из сознания, возвращаясь в мир людей и успев выплюнуть в лицо Ружана, перед тем как он отключится, слова:

— Ровно так, как ты Андрею! Я умею правильно ломать кости.

— Саша! Не надо! — эти слова вырываются у неё непроизвольно, когда она понимает, что Морозов готов пойти до конца. Она понимает, что он не услышит её в гуле возбуждённых боем голосов, но её слова отчётливо звучат для тех, кто рядом с ней.

Они все смотрят на неё. И Иван Ильич Ружан, ещё не понимая, что происходит рядом с ним. И мама, встревоженная её состоянием. И окружение Ружана, удивлённые такой реакцией и не знающие, чем она вызвана на самом деле. Маша вжимает голову в плечи и со всей силы вцепляется в руку Майкла. Её не радует такое внимание, но и объяснять свою личную заинтересованность во всём происходящем она не хочет.

Главное — каким-то чудом её призыв почувствовал Саша и даже повернулся в её сторону, хотя и не мог не то что видеть её, даже предполагать, что она может здесь очутиться: он опускает руку, занесённую над Ружаном и медленно обводит взглядом ряды зрителей.

— Не надо! — на этот раз шепчет она, глядя на окровавленного Евгения, безжизненно лежащего на канвасе, и Сашу, стоящего на колене и так и не опустившего руку для решающего удара.

— Что это было? — Иван Ильич поражён, но Ольга тут же ему всё поясняет:

— Только что моя дочь чудесным образом не дала своему молодому человеку убить твоего сына.

Она встаёт и подхватывает бледную дочь под руку:

— Миша, помогай.

Вдвоём они спускают Машу вниз, где уже никто не обращает на них внимание, так как Морозов выиграл схватку, и часть публики спешит получить свои деньги, а другая громко обсуждает бой. Маша прислушивается к разговорам, но ничего не может понять — столько сленга, что смысл ускользает. Она даже не знает, где сейчас Саша и как он себя чувствует. Она с мольбой смотрит на маму:

— Где он?

Ольга Сергеевна оглядывается и неожиданно натывается на сердитый взгляд мужа, который направляется к ним.

— Думаю, сейчас мы всё узнаем, — говорит она дочери, смело делая шаг навстречу мужу.

Андрей Петрович пытается взглядом прожечь жену, заставить её опустить глаза, почувствовать себя виноватой. Для него увидеть в этом зале жену и дочь неожиданно, невероятно. Его нежные девочки сейчас должны находиться дома, вдали от зрелища, пробуждающего животные инстинкты, и ждать звонка об исходе поединка. Он очень любит

их и не может представить, что они окажутся в таком месте, где нет места ничему женскому, мягкому, нежному. Он не взял с собой Машу, стараясь уберечь от жестокого зрелища, но её привела жена, которая должна быть на его стороне, а не потакать девичьим капризам.

Они останавливаются возле выхода так, чтобы избежать толпы. Ольга Сергеевна не даёт мужу начать говорить первым, а после того, что она сообщает, он и сам утрачивает дар речи.

— Ты не поверишь, мы сидели рядом с Ваней Ружаном. Он так хвастался сыном ещё дробя, что мне хотелось его ударить: он говорил о нём, как о племенном жеребце, а не о родном человеке. Здравствуйте, мальчики, — она почти щебечет, здороваясь с друзьями мужа, которых знает ещё с университетских времён.

Она кажется легкомысленной, но за этой лёгкостью скрывается тревога и за дочь, и за мужа, который, как она прекрасно понимает, чувствует себя обманутым, и за, казалось бы, чужого ей, но такого близкого дочери Сашу.

— Здравствуй, Оля, — отвечает ей первый «мальчик» — областной прокурор.

— Рад тебя видеть, Ольга, — улыбается второй — один из заместителей губернатора. Но муж не ловится на удочку обаятельной улыбки.

— Как вы здесь оказались?

— Давай поговорим об этом дома. — просит она и поворачивается к дочери, — ты как, нормально держишься?

— Да, — Маша старается, чтобы голос не дрожал, — я хочу видеть Сашу.

Но тут опять все отвлекаются от неё и смотрят вправо — к ним приближается Иван Ильич Ружан в окружении телохранителей.

— Я хочу, чтобы мне объяснили, что сегодня произошло, — требует он.

— А мне кажется, Ваня, — мягко обращается к нему Ольга Сергеевна, — тебе сейчас нужно быть рядом с сыном, нанимать лучших врачей и молиться за его здоровье.

Он отшатывается от неё, как от прокажённой.

— Им займутся.

— А ты? — продолжает так же мягко допрашивать Ружана-старшего Ольга.

— А я должен довести дело сына до конца. Этот Морозов чуть его не убил, — обращается он к Петровскому как к прокурору, — это видели многие...

— Это был бой, — парирует тот, — бой без правил, который вы, Иван Ильич, лично анонсировали, пригласив меня посмотреть — цитирую — «как будет раздавлен тот, кто посмел оскорбить моего наследника».

Маша вскидывает глаза на Ружана.

— Это правда? Именно так — раздавлен?

— Может, я высказался несколько эмоционально. Мой сын уже несколько раз пытался защитить свою честь...

— Честь? — не верит своим ушам Маша. — Что же случилось с его честью, что ей потребовалась защита?

— Я не думаю, что могу разговаривать на эту тему с тобой.

— Почему же? — задаёт резонный вопрос Андрей Петрович. — Давай поговорим на эту тему. Расскажи всем нам, что такого совершил Саша Морозов, что твой сын грозился не выпустить его живым с арены?

— И за что избил и искалечил Андрея, моего партнёра по танцам? Он жил ими, а теперь... — она невольно всхлипывает.

Ружан смотрит на Машу, но в его глазах нет той мягкости, которая была при

знакомстве. Только любопытство — что эта девочка себе позволяет?!

— Про твоего Андрея мне ничего не известно, и не думаю, что Евгению есть дело до него. Так что всё это домыслы. А про честь... я мог бы не отвечать, но скажу. Мой сын перешёл в новую школу, подружился с девочкой, а Морозов оговорил его перед ней, а потом ещё и выставил её в неприглядном свете...

— Я не дружу с вашим сыном, — тихо начала Маша, — это он стал преследовать меня с первого же своего появления. Он наркоман, вы знаете это?

— Нет, он вылечился, — холодно оборвал её Иван Ильич.

— Я не знаю, откуда такая уверенность у вас, но за те несколько недель, что он учится у нас в школе, его зависимость стала заметна многим. Но не это главное. Он ни с кем не может подружиться, особенно с девушками, а тем более со мной.

— Да почему ты решила, что речь идёт именно о тебе? — голос Ружана наполняется презрением, и Ольга Сергеевна кладёт руку на плечо дочери.

— Потому что я оказалась в центре его ненависти к Морозову.

— Это смешно!

— Смешно, что её партнёр по танцам, с которым они вместе выступают уже 7 лет, больше не сможет выйти на танцпол только потому, что твой сын сломал ему ноги, руки и рёбра? — негромко произносит Ольга Сергеевна.

— Смешно, что твой сын грозился точно так же искалечить и мою дочь? — глухо спрашивает Андрей Петрович.

— Нашу дочь, — поправляет мужа Ольга Сергеевна и смотрит прямо в глаза Ружану. — Морозов, которого ты так ненавидишь, защищал там, на арене, нашу дочь, которой твой сын угрожал.

— Но зачем ты пришла сегодня ко мне, если знала всё это? — надменно спрашивает тот. Ему нет дела до чужих переживаний, сегодня его сын оказался неудачником, за которого неудобно перед уважаемыми людьми, и все эти претензии от Соловьёвых кажутся ему неуместными и надуманными.

— Хотела посмотреть, что стало с тем Ваней Ружаном, которого знала в юности. И увидела, что он превратился в самодовольного болвана, готового считаться только с самим собой.

Муж обнимает её за плечи и отодвигает в сторону:

— Не сыпь бисер, дорогая, он и правда, давно не тот Ваня, которого ты знала. Он даже сына не пожалел.

Петровский, до этого стоявший молча, не выдерживает:

— Я бы очень вам советовал, Иван Ильич, увезти сына на лечение куда-нибудь подальше от нашего города, а лучше за границу, потому что если он здесь останется, я всё-таки открою на него дело, подниму старые дела, которым не дан ход только потому, что свидетели вдруг изменили свои показания...

Маша перестаёт их слушать и тянет Михаила в глубину зала, где есть дверь.

— Как ты думаешь, он ещё там?

Майкл пожимает плечами:

— Я видел, что он с Гариком и тренером вроде бы туда уходил, но там, наверняка, есть и другой выход.

Они идут по другому полутёмному коридору, по обеим сторонам которого много дверей. Открывая те, которые не заперты, они в конце концов находят комнату, в которой на

сдвинутых и накрытых старой шпорой стола лежит Саша. Он в одних боксерах, руки вытянуты вдоль тела, голова запрокинута назад, глаза закрыты. Вокруг него ходят и Петрович и врач, осторожно ощупывая его тело.

— Серьёзных повреждений не вижу, — говорит врач, — гематомы и всё.

— Я в порядке, — не открывая глаз, произносит Александр.

— Ну знаешь, — ворчит Петрович, — бережёного бог бережёт.

Сердце Марии делает резкий скачок и замирает. Человек, ставший ей настолько близким, что без него невозможно мыслить своей будущей жизни, беспомощно лежит перед ней. Если бы это было в её силах, то она всю себя отдала бы за то, чтобы Саша не был в таком состоянии, чтобы на его теле не было этих страшных пятен, начинающих темнеть.

Она делает шаг в комнату:

— Саша!

Он поворачивается на звук её голоса, но вместо улыбки она видит его удивление, сменяющееся недовольством:

— Что, скажи на милость, ты тут делаешь?

— Я хотела убедиться, что с тобой всё нормально, — растерянно отвечает она.

— Это понятно, что теперь ты хотела убедиться. Но как ты сюда попала?

Он смотрит на Майкла за её спиной:

— Ты бессмертный?

— Стоп, Алекс, не заводись. Она пришла сюда со своей матерью — я только их сопровождал.

У Морозова глаза лезут на лоб:

— Ольга Сергеевна тоже была? Как ты её уговорила?

— Просто она меня поняла — уговаривать не пришлось.

Маша осторожно подходит к столам и с ужасом смотрит, как тяжело встаёт Саша и с какой гримасой боли он спускает ноги. Грудь сжимает от невозможности выразить силу своей нежности к нему, хочется кричать от бессилия — она не может снять эту боль, забрать её себе. Он перехватывает её панический взгляд и улыбается:

— Не бойся, Маруся, я в порядке.

— Ты опять? — вскидывается девушка.

— Марии нечего делать в таком месте, а вот Марусе!

— Морозов, я тебя сейчас ударю!

В комнате на несколько секунд повисает тишина, а потом все начинают дружно смеяться, и Маша непонимающе оглядывается.

— Девушка, ему и так сегодня досталось и без ваших угроз, — объясняет врач.

— Но твой удар может стать для меня смертельным, — добавляет Саша. — Хочешь — бей. Я так устал, что даже закрываться не буду.

— Прости, я не подумала, — закусывает она губу, готовая расплакаться от неуместности своих слов. Она смотрит на его тело и видит, как уже налились сливовым цветом синяки на рёбрах, как проступают шоколадные пятна на плечах, как алеют малиновые пятна от ударов на голених и бёдрах.

Маша стоит рядом с ним, сидящим на краю стола, и не может отвести глаз. Слез не удержать — слишком больно смотреть на любимое тело, пусть, слава богу, и не искалеченное, но избитое. Слезинки скатываются по щекам, и Маша изо всех сил старается их остановить, видя, как перекашивается лицо Саши.

— Не надо, прошу тебя, — он упирается лбом в её плечо, и она чувствует всю тяжесть его тела, которую он сейчас не контролирует.

— Маша, Машенька, — тянет он, не отрывая головы от плеча, — я устал. Я очень устал. Прости, но сейчас иди. Я сам тебе позвоню. Теперь всё будет хорошо, поверь.

— Я верю, — она гладит его по голове.

Он не может сразу от неё оторваться и практически стонет:

— Зачем ты сегодня пришла? Ты не должна видеть меня таким...

Его прерывает тренер:

— Всё! Хватит соплей. Что было, то было, всё равно обратно не отмотаешь. Надо ехать.

Михаил берёт Машу под руку, а Гарик помогает Морозову спуститься. Она смотрит, как он уходит, и вдыхает поглубже, чтобы остановить тихие слёзы.

Уже в машине с мамой она просит отвезти её к Насте.

— Мам, мне сейчас надо выговориться. Я хочу остаться у неё ночевать.

Ольга Сергеевна согласно кивает:

— Думаю, у нас сегодня с твоим отцом, — она смотрит в зеркало заднего вида на машину мужа, следующего за ними, — состоится серьёзный разговор. Лучше тебе побыть от нас подальше.

Маша смотрит перед собой и видит не уходящую под колёса дорогу, а усталого Сашу, чьё тело теперь представляет одну большую гематому. Ей очень хочется быть рядом с ним, но ей сказано ждать — и она будет послушной.

17.

Он позвонил только тридцатого декабря.

Родители решили, что раз угрозы для их дочери теперь нет, то в школу ей ходить можно. И последние два дня она послушно сидела не понятно для чего на уроках рядом с Настей, которой во время ночёвки рассказала всё. Ну, или почти всё. Та сначала ахала, а потом, обняв Машу, только и смогла сказать:

— И как ты умудрилась вляпаться во всё это?! А Андрей? Пострадал ни за что.

Сейчас она оберегала подругу в школьных коридорах, в которых старшеклассники открыто делились слухами о бое между Морозовым и Ружаном. Действительно знающих, как всё происходило, было мало, да они и не стремились делиться своими знаниями. Но слухи расползались быстро, отсутствие двух неординарных личностей было замечено всеми, а когда от секретаря в приёмной кто-то услышал, что Ружан-старший забрал документы сына, эта тема стала ведущей.

Как всегда, больше всего досталось той, которая хотела, чтобы её оставили в покое. Но Морозова рядом с ней не было, и старшеклассницы почувствовали свободу, пусть и относительную, но позволяющую именно сейчас выплеснуть свою неприязнь на Машу.

Первый раз у неё спрашивали о бое завуалировано, и она сумела уйти от неудобных расспросов довольно легко. Но вот второй раз оказался не таким безобидным.

Её подловили в той самой женской раздевалке, где она когда-то столкнулась с Сашей после уроков. Три старшеклассницы, среди которых была и Лера, просто закрыли перед ней дверь и толкнули обратно.

— Соловьёва, чего тебе спокойно не жилось? Ведь раньше ты никуда не лезла, сидела на попе ровно и никого не раздражала.

— Я не улавливаю суть претензий, — Маша и правда не может понять, что от неё хотят эти девушки.

— Овцой не прикидывайся. Сначала Морозов, потом Ружан. Что они в тебе нашли?

— Вот у них и спросите, — огрызается она.

— Это из-за тебя Женя из нашей школы ушёл.

Это не вопрос, это утверждение, которое исходит от девушки с цветными прядями в волосах. Маша даже не знает, как её зовут, и потому поражена той злостью, которая звучит в её голосе.

— Почему ты так решила? — по-настоящему удивлена Маша.

— А разве не из-за тебя подрались Морозов и Женя?

— Подрались? — это слово так не подходит к тому, что происходило на самом деле, что девушка не может подавить нервный смехок.

— Она над нами ещё и смеётся! — поднимает брови Лера. — Милая, а тебе никто ещё за подобное морду не бил?

— Ты хочешь попробовать? — не уступает Маша. — Я не понимаю, какое вам дело до меня и Саши.

— Я была с ним, пока ты тут не начала хвостом вертеть.

— Это вряд ли.

— По-твоему, я вру? — делано оскорбляется Лера. — Да, он мог замутить с кем-нибудь, но всегда возвращался ко мне.

— Сожалею...

— Рот откроешь, когда тебе разрешат.

В раздевалку пытается зайти Настя, но её грубо выпроваживают и вновь подпирают дверь.

К разговору подключается третья:

— А Женечка Ружан? Чем ты его околдовала? Минет хорошо делала? Тебе Алекса не хватало? Чего ты к Ружану полезла?

— Это он меня преследовал...

— Ну да, конечно, чего бы это такому красавчику за нашей серой мышью бегать?

— Да он отмороженный на всю голову ваш Ружан! Скажите спасибо, что он ушёл.

— А ты кто такая, чтобы решать за меня?

— Бессмысленный разговор, — морщится Маша, понимая, что оказывается в роли оправдывающейся не понятно за что. — Может, разойдёмся мирно?

— Она нам ещё и угрожает, — возмущается та, у которой цветные пряди, и без всяких предупреждений со всего размаху бьёт Марию по лицу тыльной стороной ладони.

Голова дёргается, щека тут же начинает гореть, а в голове девушки за считанные секунды проносится множество мыслей. Сначала она понимает, как чувствует себя Саша, когда пропускает удар — да, этот удар не чета тем, что он получает на арене во время боя, но для неё они равнозначны. Потом в её душе поднимается гнев на несправедливость, которая здесь творится — получить ни за что по лицу? Этого нельзя снести. И опять перед ней лицо Саши — жёсткое, напряжённое, с колючим взглядом: никогда не спускай противнику удара. И как только она это понимает, то делает то, что эти девушки никак от неё не ожидали. Она быстро и сильно бьёт кулаком в челюсть свою обидчицу. Конечно, ей не хватило техники, и удар вышел болезненным для обеих: у крашеной девицы боль разливается по челюсти, а у Маши по кисти руки. Но самое главное, что заряженная на конфликт троица расценивает этот удар как повод для драки.

— Ну, держись, овца! — громко предупреждает Лера.

Но в это время дверь резко распахивается, отчего подпирающая её третья девушка отлетает вперёд, и на пороге появляется Майкл, за спиной которого маячит Настя.

— Вы, девицы красные, берега попутали? — очень серьёзно говорит он. — Вам жить надоело?

— Не вмешивайся в наши разборки, — советуют ему, но он раздвигает небольшую девичью группу, как ледокол, и берёт Машу за руку.

— Если вы самоубийцы — так и скажите, а её не троньте. Лучше пойдите и с крыши прыгните, а можно ещё разбежаться и об стену головой шибануться, чтоб мозги, если они есть, брызнули — пока вас Морозов сам не покалечил.

— Он мне ничего не сделает! — кричит в его широкую спину Лера.

Михаил останавливается и иронично приподнимается левую бровь:

— Если бы ты знала, что он сделал с Ружаном только из-за угроз в адрес Соловьёвой, то сейчас искала бы место жительства в другом городе.

Они не видят, как за их спинами растерянно переглядываются девушки, которые до этого момента не очень верили в то, что между Морозовым и Ружаном действительно был бой.

Уже в коридоре, потирая опухшую руку, Маша просит Мишу и Настю:

— Не говорите ничего Саше, не стоит это его переживаний.

— А твоих стоит? — негодует Настя.

— Считай это моим жизненным опытом. Нет, правда, давайте промолчим.

Майкл кивает в знак согласия и смотрит на кисть Маши:

— Надо лёд приложить — пойдём в столовую. Я знаю, у них есть.

Оставшуюся часть учебного дня рядом с Машей всегда находится Настя, а на каждой перемене неподалёку маячат или Миша, или Гарик. Её подобная опека напрягает, девушка смущена, что вокруг неё происходит много всего такого, что заставляет окружающих с интересом следить за её перемещениями по школе. В классе же все замолкают, когда она появляется, и общаются так, будто боятся произнести что-то лишнее. Но когда она говорит об этом Гарику, тот только отмахивается:

— Не бери в голову, так сложилось — и ты ничего с этим поделать не можешь. А вот если с тобой что-нибудь случится, то я не хочу отвечать перед Алексом.

— Ты что, его боишься? — удивлена Маша.

— Соловьёва, не будь наивной. Если мне сказано присматривать за тобой, то тут бойся — не бойся, но отвечать в случае чего придётся.

Маша задумывается над сказанным. Когда Саша дал такое поручение? Неужели после боя, когда лежал без всяких сил в импровизированной раздевалке? Даже тогда он думал о ней, о её безопасности. Грудь сжимается от приятной тоски — ей так хочется услышать его, увидеть, дотронуться.

И в этот момент он как раз и позвонил.

— Привет. Я подумал, что ты по мне соскучилась.

Она ахает.

— Привет. Как тебе удаётся позвонить именно тогда, когда я о тебе думаю?

— Здесь только один вариант, и я смею надеяться, что он верный.

— Это какой же? — она явно заинтересована.

— Просто ты постоянно обо мне думаешь. Я прав?

— Очень самонадеянно, но верно! Где ты? Как себя чувствуешь?

— Я у Сергея Петровича за городом. Не переживай, я хоть и сине-чёрный от гематом, но живой и почти здоровый.

— Что ты там делаешь?

— День просто спал. Другой день спал и ел. Сегодня ел и узнавал новости, что творится в городе.

— Ружан забрал документы.

— Я знаю, отец увезёт его за границу. Думаю, больше мы о нём не услышим.

— А тебе ничего не будет?

— Не волнуйся, Машенька, у меня хорошие покровители.

В школьном коридоре звенит звонок на урок, и Саша, слыша его, начинает смеяться.

— Ты что? — сбита с толку девушка.

— Этот звонок! Как будто из другой жизни. Как ты там? Никто не обижает?

— Ты совсем меня за ребёнка держишь? Я взрослая девушка и могу за себя постоять.

— Ну да, взрослая. Но парням сказано за тобой присматривать.

— Зачем, Саша?

Он молчит, прежде чем ответить:

— Я волнуюсь за тебя, а ещё жутко ревную.

Она замирает на миг от сладкой пульсации в низу живота. Один его голос, низкий, обволакивающий, заставляет её дышать чаще.

— Ты ненормальный? Мне кроме тебя никто не нужен. И вообще, я уже несколько минут как должна быть на уроке — последнем, между прочим, в этой четверти.

— Беги, ребёнок, я позвоню позднее. Сам. И ещё... Маша, хотел тебе сказать...

— Что ты замолчал?

— Нет, отложим до нашей встречи.

— Я соскучилась и хочу тебя видеть.

— Я тоже, — улыбается он, — и просто — хочу тебя, моя девочка...

Она идёт в класс со счастливой улыбкой на лице, не замечая укоризненного взгляда учителя и перешёптываний одноклассников, которые не могут понять, чему можно так отстранённо улыбаться.

Как мало для счастья нужно человеку! Услышать любимый голос, понять, что ты ему не безразлична, осознать, что он сейчас в безопасности, а впереди вас ждёт встреча. Кстати, когда же они увидятся? Родители увозят её отмечать Новый год за город, а ей так бы хотелось встретить его с Сашей. Но отец после того боя стал сам не свой. Запретил даже думать о том, чтобы встречать праздник в компании друзей. И Маша благоразумно промолчала, надеясь, что на зимних каникулах отцовское недовольство сойдёт на нет, и она сможет вырваться из дома.

За город в родовое поместье, как его называют все родственники, они должны поехать в семь вечера. Но с утра в этот последний день старого года у Маши абсолютно нет никаких дел. Она выспалась, понежилась в пенной ванне, посидела в Интернете, поболтала с Настей, которая, в отличие от неё, праздник отмечала вместе с Майклом и его компанией. Потом просто сидела перед телевизором, ожидая звонка от Саши и не понимая, почему тот молчит.

В два часа дня мама попросила сходить за сливочным маслом для торта, который она пекла к новогодней ночи, и Маша обрадовалась хоть какому-то делу.

— Я ещё найду парфюмерный магазин, — предупредила она, — не теряй.

Продуктовый был сразу за углом от их дома, а вот торговый центр, куда хотела зайти Маша, располагался в двух кварталах. Идти туда с пачкой масла и пакетом молока не очень хотелось, и Маша, стоя на улице, пребывала в раздумьях, пока её не окликнула соседка, молодая женщина, с которой Ольга Сергеевна и Маша поддерживали дружеские отношения.

— Ой, Наташа, как хорошо, что я тебя встретила, — обрадовалась девушка, — ты не могла бы занести нам эти продукты. А то, боюсь, на походы по магазинам потрачу много времени, а маме нужно готовить уже сейчас.

Решив вопрос с продуктами, она отправилась к торговому центру, лавируя в многочисленной предпраздничной толпе. Она подумывала, не позвонить ли ей самой Саше, когда дорогу ей заслонили цыганки. Обычно она быстро их обходила, не смотря в глаза и не отвечая на зазывные обещания «**всю правду рассказать**». Но сейчас, занятая своими мыслями, не успела сориентироваться и попала в поле их гипноза.

— Молодая, красивая, дай погадаю, — резво начала одна, поймав взгляд Маши и удерживая его, — позолоти ручку — сколько не жалко.

— Нет, спасибо, — вместо того, чтобы промолчать, ответила девушка и тут же ощутила, как к её переносице прикасается палец цыганки:

— Эй, такая молодая и такая жадная!

Очнулась Маша от голосов рядом с ней. И один голос был очень знакомый, но почему-то звучал угрожающе. Она повернула голову и увидела рядом с собой Сашу, который крепко держал её под руку и что-то зло выговаривал несколько опешившим цыганкам.

— Саша! — удивилась она, тут же начав счастливо улыбаться.

— Я предупредил, но если ещё раз здесь увижу, разговаривать буду с людьми другого уровня, — рычит он и поворачивается к Маше:

— Взрослая, говоришь?

Он тащит её прочь, а она ничего не понимает:

— Что случилось? Почему ты злишься?

Он останавливается, поворачивается к ней и достаёт из кармана её кошелёк, серёжки и колечко.

— Твои?

— Да, — тянет она непонимающе, — но как...

— Никогда не разговаривайте с незнакомцами, — бурчит он себе под нос, — вот как тебя без присмотра оставить? А если бы меня рядом не оказалось? Так и осталась бы без денег и украшений.

Он открывает её сумочку и ссыпает в неё все Машины вещи, а потом смотрит ей в глаза:

— Привет!

Она задыхается от его взгляда и, несмотря на множество народу вокруг, встаёт на цыпочки и целует его в губы.

— Здравствуй! Я так рада тебя видеть.

Он прижимает её к себе и властно произносит:

— Пойдём.

Она не спрашивает куда и зачем, а послушно идёт рядом, наслаждаясь теплом его большого тела, его крепкой рукой, лежащей на плече. Он легко рассекает толпу, не давая никому возможности задеть девушку. Ей становится уютно рядом с ним. Украдкой разглядывая его красивое, сейчас сосредоточенное лицо, она незаметно втягивает его запах, такой привычно родной, что глупая улыбка разливается по её лицу.

Они поднимают на третий этаж торгового центра, и Саша берёт два билета на только что начавшийся фильм. Они в полутьме пробираются в последний ряд на места для поцелуев и усаживаются на мягкий диванчик.

— Очень романтично, — тихо смеётся она.

— Это ближайшее, что подвернулось под руку, — оправдывается Саша, снимает пуховик и помогает Маше избавиться от шубки. В этот предпраздничный день зал почти пуст, и рядом с ними никого нет.

— Что за фильм?

— А тебе не всё равно? Пусть будет «Поцелуй длиною в фильм», — отвечает он и прикивает к ней губами.

В теле происходит сексуальный взрыв: его губы пробуждают страстное желание заняться любовью прямо сейчас. Язык Саши хозяйничает у неё во рту, губы то нежно, то сильно посасывают её, и она прижимается к нему всем телом:

— Боже мой, Сашенька, как я соскучилась по тебе, — шепчет она, когда он наконец даёт ей вздохнуть и зарывается лицом в её волосы.

— Маша, — тянет он глухо, с рычащими нотками желания в голосе.

Его рука скользит по её плечу, останавливается на груди с затвердевшим соском, гладит живот, который сжимается под его прикосновением, и она начинает извиваться в его руках, забрасывая ногу ему на колени. Он проводит ладонью по её бедру, забирается под платье, кончиками пальцев оглаживает промежность, отчего девушка тут же чувствует сильную пульсацию, а трусики намокают. Ей хочется большего, но Саша вдруг убирает руку и быстро прижимает её к себе:

— Нет, никакого петтинга.

— Почему? — её дыхание прерывисто, движения замедлены. Она вся сосредоточена на внутренних ощущениях.

— Я хочу, чтобы у нас был полноценный секс.

— Я не вытерплю...

— Ты продержишься, ещё месяц назад ты ничего подобного не делала.

— Это было в прошлой жизни, — её рука скользит к его паху, но он перехватывает её и подносит к губам.

— Ты сможешь после праздников уехать со мной на несколько дней за город?

— С тобой? Безусловно!

— Эй, девочка, очнись. Подумай, что ты скажешь родителям, куда и зачем уезжаешь?

— Может, сказать правду?

— Ольга Сергеевна, конечно, женщина современная — одно появление на боях чего стоит, но не надо переоценивать родительское понимание. К тому же твой отец стопроцентно будет против нашей поездки.

Маша задумывается:

— В классе собирались Дашкин день рождения отмечать у неё в коттедже, это в тринадцати километрах от города. Она всех приглашала, но я отказалась.

— А родители знают, что ты отказалась?

— Мы вообще об этом не говорили.

— Вот и скажи, что к ней едешь, а сбежишь ко мне.

— Обман раскроется...

— Я возьму всё на себя. Скажу, что силой заставил.

— Очень смешно! Ладно, я подумаю.

— Я арендую домик на два дня и две ночи, так что решайся.

— Я уже решила, — её голова лежит у него на плече, и Маша целует его шею, дразнящее проводя языком по чувствительной коже. Он вздрагивает и ещё крепче сжимает её в объятиях.

— Значит, договорились?

— Ты же обещал мне ночь любви, а тут целых две! Ты знаешь, как уговорить девушку, — её дыхание щекочет шею, заставляя дышать через раз.

Он стремительным движением сажает её к себе на колени:

— Петтинга не будет, но нацелуемся с тобой до одури — чтобы до следующего года хватило!

Она хочет что-то ответить, но не успевает — он закрывает ей рот поцелуем, сладким, тягучим, и она погружается в блаженство, подумав, что ничем не заслужила такого роскошного парня, и даже почувствовала себя на какой-то миг воровкой. Но тут их языки встретились, начав свою игру любви, и все мысли исчезли, оставив чувство необыкновенного счастья и восторга от происходящего.

Завтра будет концовка:)

18, Заключение

18.

Встреча Нового года за городом в семейном кругу (были родственники с обеих сторон) могла бы пройти весело, если бы Маша не скучала по Александру. Её родители, дядюшки и тётки, их дети и внуки (всех набралось человек двадцать) замечательно проводили старый год, под бой курантов громко — с фейерверками во дворе — встретили новый, а ей приходилось изображать праздничное настроение.

Она еле дождалась, когда будет прилично покинуть шумную компанию, и незаметно прошла в отведённую ей на эти дни комнату. Она хотела просто позвонить Саше, но не удержалась и вызвала его по скайпу.

Он ответил быстро, как будто ждал её звонка, и она, забыв поздороваться, во все глаза смотрела на его лицо с правильными чертами, на обнажённые плечи и грудь.

— И тебя с Новым годом, Мария, — усмехнулся он, когда пауза уж очень затянулась.

Она выдохнула и покраснела.

— А нечего голым на вызов отвечать, — чуть ли не сердито бросила она в ответ.

— Я не голый, смотри, — он игриво качнул планшет, и она на мониторе своего ноутбука увидела скульптурно вылепленную грудь, кубики его живота, клетчатые боксеры и длинные мускулистые ноги. Но кроме этого она заметила и ещё кое-что, что заставило её зажать рот рукою.

Посмотрев на её лицо, Морозов чертыхнулся про себя — надо же так вляпаться.

— Машенька, всё уже хорошо, правда. Поверь мне, — убеждал он её, держа планшет так, чтобы его тело больше не было видно.

Но она не могла забыть тех страшных черно-зелёно-фиолетовых гематом, которые, казалось, покрывали всего его. В них потерялись даже его тату.

— Саша, это же больно... — её сердце болезненно билось о рёбра, не давая вдохнуть полной грудью.

— Поверь, Ружану гораздо больнее. А на мне всё заживает очень быстро. К тому же мази Петровича творят чудеса — это ты меня ещё два дня назад не видела.

Она молчит, чувствуя, что может расплакаться, и Саше не остаётся ничего иного, как прибегнуть к проверенному средству, чтобы не дать пролиться этому потоку слёз:

— Соловьёва, ты что, никогда синяков не видела? Ты в каком инкубаторе воспитывалась?

— Мне показалось или ты меня сейчас назвал курицей? — изумляется Маша, забыв про слёзы.

— Ага, а ещё, Маруся, хочу тебе напомнить, что это честно завоёванные синяки, и не в обычной драке, как многие в школе думают.

— Маруся? — она задыхается от негодования. — Вот кто ты после этого?

— Козёл, — подсказывает он.

— Заметь, не я это сказала, но полностью согласна.

Он смеётся:

— Как приятно услышать от тебя в первые часы нового года такие чувственные слова!

Она краснеет.

— Сам вынудил.

— Да, не отрекаюсь, зато слёз больше нет.

— А ты где вообще? — вдруг спохватывается она и подозрительно спрашивает, — и почему ты раздетый? Ты с кем Новый год там встречаешь в таком виде?

— С Петровичем, — от души потешается он и громко кричит куда-то в сторону, — Сергей Петрович, покажись, а то мне не поверят.

Он переводит планшет на дверь в комнату, которая в этот момент раскрывается и в ней появляется немолодой мужчина в спортивном костюме и с полотенцем в руках. Он бросает взгляд на экран планшета и бурчит:

— Здравствуйте, девушка, с Новым годом!

Маша ошарашено только кивает в ответ, а Сергей Петрович уже обращается к Саше:

— Сейчас ещё один раз смажу, и через двадцать минут сможешь одеться.

— Вот видишь, ревнивица, меня здесь лечат чудесными мазями. Единственный их минус — они пачкают одежду, вот и хожу в таком виде. Но ради здоровья можно и потерпеть, а ты, помнится, хотела меня, беспомощного, побить.

— Это был лишь оборот речи... Послушай, почему ты меня постоянно ставишь в положение оправдывающейся? — в её голосе начинает звучать возмущение.

Он перестаёт улыбаться:

— Потому что так ты забавно краснеешь и становишься ещё более привлекательной.

Она замолкает, и они несколько минут смотрят в глаза друг другу.

— Машенька, — начинает он...

— Маша, — одновременно с ним произносит молодая женщина, входящая в комнату, где уединилась девушка, — вот ты где, а мы тебя потеряли.

Она смотрит на монитор ноутбука:

— Вау, какой красавчик!

В это время Морозов удивленно приподнимает бровь, и женщина вскрикивает от неожиданности:

— Ой, так он живой! Это не картинка!

— Да, я пока живой, — расплывается в улыбке Саша.

— И голый, — удивляется она.

— Не голый. Показать?

— Не надо, — Маша немного смущена. — Познакомьтесь, это моя тётя — Ольга, а это Саша — мой молодой человек.

— А немного у вас в семье женщин с именем Ольга? — иронизирует он.

— Ровно две, — отрезает тётушка, — я младшая сестра Машиного отца.

— Так вы действительно считаете меня красавчиком? — переспрашивает Саша.

— Во-первых, не вы, а ты, а во-вторых, да, считаю.

— Оля! — Маша готова провалиться сквозь землю от стыда.

— Да ладно тебе, Машенька, надо же когда-нибудь и правду о себе услышать, — веселится Морозов.

— А он у тебя ещё и скромный, — с улыбкой замечает Ольга.

Машу этот разговор начинает напрягать.

— Оля, ты не могла бы оставить нас? Мы вообще-то разговаривали.

— Я вижу. Только не понимаю, почему вы не вместе справляете Новый год? Я бы, Маша, на твоём месте его одного не оставляла — мало ли в новогоднюю ночь хищных девиц

вокруг ёлок и одиноких парней увивается?! А твой, к тому, же уже и раздет.

Маша не успевает ничего ответить в своё оправдание.

— А ты мне нравишься, Оля, — Саша одобрительно качает головой. — Абсолютно правильные мысли. Машенька, может, объяснишь тёте, почему мы с тобой сейчас по разные стороны голубого экрана?

— Ой, здесь длинная история, — вздыхает Маша.

— Ничего, я не тороплюсь, — Ольга поудобнее устраивается на диване рядом с племянницей. — Рассказывайте. Оба!

Третьего января Маша сидела на переднем сиденье автомобиля любимой тётушки и ехала в загородный коттедж, который снял Саша Морозов. Она до сих пор удивлённо качала головой и мысленно ахала, что Ольге удалось так легко и просто убедить Машиных родителей отпустить её за город на два дня.

— Ну, ты понимаешь, племяшка, что от вас требуется быть очень осторожными и аккуратными? — давала Ольга последние наставления девушке, выруливая на загородную трассу.

— Это ты о сексе? — любопытствовала Маша.

— И не только, — кивнула та. — Сейчас много разных компаний, у которых от трёх дней беспробудных праздников мозги отказываются нормально работать. Так что поздно не гуляйте, берегите здоровье.

— Ой, как ты плохо знаешь Сашу, — смеётся девушка. — Это всем окружающим надо его опасаться!

— Неужели он и в самом деле так крут?

— Ты бы на него в бою посмотрела!

Но вспомнив тот самый бой, Маша мрачнеет: она не хотела бы ещё раз увидеть подобное. Не потому, что она была пацифисткой и ненавидела насилие, а потому, что на арене Саша был не тем парнем, к которому её бесконечно влекло и который был ей дорог, а превращался в зверя, страшного своей необузданной силой.

— При возможности — обязательно, — кивает Ольга.

— Нет, — твёрдо отвечает Маша, — я не хочу, чтобы он этим больше зарабатывал.

— Ну, моя милая, тут ты вряд ли что-то сможешь сделать, — усмехается молодая женщина, — как я поняла, твой Саша не просто таким образом деньги зарабатывает, но и выплёскивает свой негатив, а это мощная мотивация, чтобы продолжать во всём этом участвовать.

— Но ведь можно выплёскивать свои отрицательные эмоции и по-другому!

— Как? В сексе? Да он тогда просто растерзает свою подружку, — она косится на племянницу, — тебя, например, и ты сама от него будешь бегать. Или ты хочешь, чтобы вместо боёв на арене, он просто дрался со всеми подряд на улицах или во дворах? В нём очень много силы, если ты ещё этого не заметила. Он альфа-самец, безусловно, но он ещё и прирождённый вожак со встроенной боевой мощью.

Маша замолкает, ей не хочется сейчас думать на эту тему — впереди встреча с Сашей, по которому она уже успела соскучиться до умопомрачения.

Они легко находят загородный комплекс «Золотые сосны», на огороженной территории которого выстроены просторные коттеджи, расположенные друг от друга на приличном расстоянии. Ольга называет охраннику на воротах фамилию Морозова, и он пропускает

машину, пытаясь объяснить, где можно оставить машину.

— Не беспокойтесь, — прерывает его Ольга, мило улыбаясь, — я только водитель и сопровождающий — через несколько минут уеду.

Машина медленно катится по расчищенной снежной улице, пока они не замечают вдали тёмную фигуру.

Он ждёт их на повороте к коттеджу и показывает рукой, куда заезжать.

— А в жизни он ещё лучше, — замечает Ольга, — эх, было бы мне лет на десять поменьше да не была бы ты моей любимой племяншкой, я бы...

Она мечтательно закусывает губу и стонет.

— Оля, — одёргивает её Маша, — перестань. И не вздумай это повторять при нём — у него и так на этой почве раздутое эго.

— Ему можно, он просто умеет реально себя оценить.

— Поэтому я и чувствую себя рядом с ним как Золушка.

— А вот себя ты недооцениваешь! — возмущается тётя.

— Скажешь тоже! Таких, как я, полно.

— Абсолютно не согласна! — Ольга открывает дверь и выходит из машины.

— Вот скажи, Александр, — обращается она к молодому человеку, который с противоположной стороны помогает выйти Маше, — моя племянница одна из многих? Таких, как она, полно?

Он, не задумываясь, отвечает:

— Ты гонишь? Таких больше нет! Она самая — самая! — он целует Машу в щёку и прижимает к себе. — А откуда вдруг такой вопрос?

Маша умоляюще смотрит на тётю, но та игнорирует её взгляд:

— Девушка сомневается, что достойна тебя, такого супергероя.

— Опять самоедством занимается, — понимающе кивает Саша. — Будем переубеждать, время есть.

— Ох, молодые люди, вы такие замечательные, что даже завидно, — улыбается Ольга, — давайте выгружать пакеты из багажника и показывайте мне свои апартаменты.

— А что в пакетах? — интересуется Саша.

— Разные вкусности. Ты же не думаешь, что мы, родственники, оставим нашу девочку за городом без куска хлеба?

— Ну, ну, — хмыкает он и подхватывает пакеты, которых ужасающе много.

Дом представляет собой деревянный сруб, брёвна которого не успели потемнеть от времени и, кажется, светятся изнутри янтарём. Внутри очень просторно и пахнет свежим деревом и мандаринами. На первом этаже кухня и огромная гостиная, на втором — спальные комнаты. В отдельном пристрое, в который можно попасть через тёплый переход, располагается сауна и бассейн.

В гостиной наряжена ёлка, на стене фоном работает плазма — Саша смотрел какую-то спортивную программу. Везде чисто, а новогодний запах хвои, мандаринов и деревянного бруса создаёт праздничное настроение.

Ольга проходит на кухню, открывает огромный холодильник и невольно ахает от увиденного.

Морозов самодовольно улыбается:

— Я тоже подумал, что негоже свою девочку оставлять за городом без куска хлеба.

— Мария, пусть засылет сватов — отдадим тебя в надёжные руки.

Девушка заглядывает через плечо тётки и видит, что весь холодильник забит салатами, горячими блюдами и порезанными овощами в специальных контейнерах, фруктами и соками. Рядом со всем этим великолепием она замечает две бутылки шампанского.

— Однако, — тянет Ольга, тоже увидав бутылки. — Одну я заберу, а вместо этого оставлю... вот это.

Она достаёт из одного пакета французское вино и ставит на стол.

— Привезла перед Новым годом для особого случая — вот он у тебя, Мария, и случился.

Она быстро сортирует продукты: что-то из пакетов достаёт и добавляет в холодильник, что-то меняет.

— Но вот этот торт вы должны съесть обязательно — он бабушкин. Она специально для вас его делала.

— Спасибо, Оля, — девушка обнимает тётку и трётся щекой о щеку.

— Ну всё, ребята, я оставляю вас. Счастья и любви вам, дорогие мои.

Она вдруг кладёт руку на шею Саше и наклоняет его к себе.

— Если обидишь её, будешь иметь дело с целым кланом Соловьёвых — Щербаковых, — тихо произносит она ему в ухо, пока Маша рассматривает бабушкин торт.

Он серьёзно смотрит на неё:

— Я услышал. Я понял.

— Вот и молодец! Ну всё, провожайте меня и веселитесь.

Когда машина скрывается из вида, Саша предлагает:

— Хочешь прогуляться?

— Сначала хочу поцелуй, — возражает Маша и подставляет ему свои губы.

Он с готовностью наклоняется и прикасается к ним своими: сначала осторожно, точно пробуя на прочность, а потом вдруг накрывает их полностью, жадно втягивая в себя, врываясь языком в её рот. Она оглушена, приятно поражена его желанием и с готовностью подчиняется его силе.

— Я с прошлого года об этом мечтал, — произносит он, наконец решившись оторваться от Машиных губ.

— Только об этом? — лукаво улыбается она.

— Мария, не провоцируй! А то не будет тебе никаких прогулок — запрю на два дня и две ночи в спальне как наложницу.

— Ой, испугал, — фыркает Маша и идёт по тропинке вглубь соснового бора. — Сюда ты хотел бедную девушку заманить?

— Эта бедная девушка сама кого хочешь заманит, — ворчит Саша и послушно идёт за ней, любуясь ладной фигуркой.

Хотя территория ухоженная, тропинки расчищенные, а на отдельных аллеях стоят наряженные ели, из-за огромности пространства создаётся ощущение, что они здесь одни. Они идут по дорожкам, обнявшись и разговаривая обо всём на свете, часто останавливаются для поцелуев; выходят к соседнему коттеджу, где подвергаются обстрелу снежками детьми, которые роют в сугробах траншеи и пещеры. С криками «Отходим» они убегают обратно и возвращаются к себе.

Маша давно не чувствовала себя такой спокойной и умиротворённой, как и Александр. Эти полтора часа прогулки, эта беззаботная болтовня возвращают их в тот мир, в котором они жили ещё осенью, только теперь они сами очень изменились, и их чувства прошли испытания.

Сбросив верхнюю одежду в прихожей, они по переходу направляются в сауну — на улице минус двадцать, и оба успели продрогнуть.

— Раздевайся, — командует он, — и греться. Я не хочу, чтобы ты простыла.

— Ты первый раздевайся, а я посмотрю, — Маша развалилась на небольшом диванчике и с улыбкой смотрит на удивлённого парня.

— Вот как! Любишь погорячее?

Он медленно начинает снимать с себя одежду, дурачась и изображая стриптиз, вызвав громкий смех девушки, пока не остаётся в одних боксерах. Его совершенное тело до сих пор покрыто гематомами, но не такими страшными, как раньше, и Маша уже может без содрогания смотреть на него.

— Как тебе стриптиз в исполнении непрофессионала? — весело спрашивает он.

Она проглатывает комок в горле и шепчет:

— Хочу досмотреть до конца.

— Твоё желание — закон!

Он снимает боксеры и стоит перед ней полностью обнажённым.

— Тебе помочь? — спрашивает он.

Она кивает, но, не дожидаясь помощи, начинает судорожно расстегивать и сбрасывать с себя одежду.

Он прижимает её к своему большому телу, лаская спину и ягодицы горячими ладонями.

— А как же погреться? — выдыхает она, закидывая руки ему на шею.

— Я тебя и так согрею, — обещает он, подхватывает её под попку и сажает на стол. Она раздвигает ноги, чтобы обхватить и прижать его к себе как можно крепче.

Я знаю, что ты хочешь меня так же сильно, как и я. Ты уже был заведён, когда мы сюда пришли. Но ты не торопишь меня, даёшь возможность насладиться тобой, вспомнить твой запах, рельеф твоего тела, свои ощущения от прикосновения к тебе. И за это я благодарна тебе. Ничего не надо говорить, просто обнимай меня и целуй.

Он целует её грудь, соски которой вызывающе смотрят вверх, сжимает её плечи и ласкает животик, вздрагивающий от предчувствия близкого удовольствия.

Я хочу быть с тобой вечно, я хочу согревать тебя в холод, укрывать от ветра, целовать, чтобы ты улыбалась снова и снова, любить тебя до бесчувствия. Когда ты прикасаешься ко мне, я готов для тебя свернуть горы, отдать всё, что у меня есть, и себя самого. Я забываю о гордости рядом с тобой, становлюсь глиной, из которой ты можешь создать нового человека.

Он проводит костяшками по внутренней стороне её бёдер, пробегает пальцами по половым губам, надавливает на клитор, жадно ловя взглядом изменения её лица в этот момент.

— Сделаем это быстро? — спрашивает он, не в силах больше терпеть.

Она кивает, и вместо слов у неё вырывается стон.

— Подожди!

Он отходит к сброшенной одежде, чтобы найти презерватив, но глаз от Маши не отрывает. Она сидит на краю стола с раскинутыми ногами, открывая всю себя для него, с откинутой назад головой и из-под опущенных ресниц разглядывает его. Её грудь ритмично поднимается, и у Саши желание обладать этой девушкой достигает пика. Быстро надев резинку, он буквально вонзается в лоно девушки, не пытаясь даже понять: нравится ей это или нет, больно ей или терпимо. Она вскрикивает — так остро она почувствовала его в себе,

но и сама уже настолько заведена этим ожиданием, что поддается вперёд, насаживаясь на его член ещё глубже. Он почти выходит из неё, чтобы тут же сильно погрузиться обратно, и снова выйти, и вновь вернуться на всю длину... Их тела бьются друг о друга, их губы не могут прервать страстный поцелуй, а в груди у обоих любовь переплетается с щемящим чувством нежности, которая вызывает слёзы.

Её узкое лоно так горячо, что Саша понимает — разрядка уже близка, но без Маши он кончать не хочет. Меняя ритм движений, опускает руку и начинает ласкать клитор, чувствуя, как она ещё больше сжимается внутри. Она вцепляется что есть силы в его спину, чувствует, как её накрывает волна оргазма, и кричит — громко, не сдерживаясь, так, как может кричать счастливая женщина под любимым мужчиной.

— Да, моя девочка, да! Кричи! Здесь нас точно никто не услышит!

Но тут же и сам издаёт яростный рык, изливаясь семенем. Сотрясаясь от оргазма всем телом, он продолжает двигаться в ней, желая продлить удовольствие, а когда всё-таки останавливается, то с удивлением видит слёзы на её глазах и чувствует такие же слёзы на своём лице. Он выходит из неё, подхватывает и несёт на диван, где усаживает к себе на колени. Она прячет лицо у него на груди, обнимая за шею, и не может удержать сотрясений своего тела.

Её слёзы — это преодоление того стресса, в который она была погружена с момента появления в их классе Ружана; это радость, что всё уже позади и Саша рядом с ней, живой и здоровый; это восторг от слияния двух тел, двух личностей в одно целое, когда понимаешь другого на клеточном уровне.

Его слёзы — это слёзы благодарности ей за нежность, которой в его жизни раньше не было; это грусть оттого, что нельзя вернуть ей той простой жизни, когда единственным её желанием было победить на конкурсах; это счастье от обладания девушкой, которая не даёт остаться наедине со своими мрачными мыслями и одним своим существованием гонит их прочь.

Он несёт её в душ, включает горячую воду и не может оторвать своих рук от её тела — так и стоят вдвоём под душем, прижавшись друг к другу.

Они сидят на полу перед большим экраном телевизора, смеются над шутками «Комеди Клаба», кормят друг друга салатами, целуются и не помнят о том, что оставили за стенами этого коттеджа.

Быть беззаботным — преимущество юности. Им сейчас нет дела до всего остального мира, который живёт своей жизнью, далёкой от них и оттого неинтересной. Их руки, ноги, тела постоянно соприкасаются, переплетаются, потому что им невыносимо не ощущать друг друга хотя бы минуту, хотя бы миг. Он видит её восхищённый, сияющий взгляд и не может до конца поверить, что он сам стал объектом этого восхищения. Он проводит подушечками пальцев по её скулам, слегка касается опухших от поцелуев губ, спускается по тонкой шее к груди и выводит круги вокруг соска, который виднеется в глубоком вырезе махрового халата.

— А знаешь, — неторопливо произносит он, — ты ведь мне должна.

Она удивлена:

— Я? Должна?

— Да! Ты обещала специально для меня станцевать Go-go.

— Не ври, не было такого.

— Машка, нельзя давать задний ход, когда пообещала.

— Спасибо, что не Маруся.

— Смотри, дождёшься, солнце моё, — он целует её в висок, не отнимая ладони от груди девушки. — Разве не хочешь сделать мне новогодний подарок?

Она лукаво смотрит на него, чуть отстранившись:

— Я станцую для тебя микс — Go-go плюс приват. Ты знаешь правила приватного танца?

— А там ещё и правила есть?

— Во-первых, на тебе должны быть хотя бы штаны...

— Хорошо, сейчас надену.

— Во-вторых, руками танцовщицу не лапать...

— А это уже сложнее. Можно внести поправки?

— Нет!

Он делает грустное лицо:

— Хорошо, мэм, я согласен на ваши условия.

— Тогда готовься, а сейчас вернусь.

Она чмокает его в нос и срывается с места. Помедлив, он сбрасывает халат и тянется за джинсами, натягивая их на голое тело. Застегнув молнию, он берёт бокал с шампанским и садится на кресло, ожидая появления Маши. Она не заставляет себя ждать, буквально впорхнув в комнату в невесомом голубом платье, которое превращает её серые глаза в бледно-синие.

— Я сейчас поставлю музыку, — она подключает к телевизору флешку, находит нужный трек и ставит на паузу.

— Ты что, готовилась? — он и правда удивлён.

Она показывает ему язык:

— Не только ты помнишь про обещания, — и нажимает кнопку пуск.

Ударные и гитара начинают ритмичную мелодию, и тело Маши быстро подстраивается под их ритм, изгибаясь, переливаясь, стелясь.

Александр настолько заворожён зрелищем, что с трудом вспоминает, как нужно дышать. На какой-то миг ему становится стыдно, что он наслаждается танцем Маши, в то время как её партнёр только-только выкарабкался из комы, но он гонит эти ненужные мысли, понимая, что в данный момент не склонен заниматься самоанализом. Он смотрит, как она закидывает голову, создавая распущенными волосами волну, как пружинисто опускается и поднимается на согнутых коленях, плавно выписывая плечами восьмёрку, и чувствует, как нарастает возбуждение, делая джинсы тесными.

Походкой от бедра она подходит к нему на расстояние вытянутой руки и медленно поворачивается под несмолкающий ритм ударных, покачивая бёдрами, заведя одну руку за поясницу, а другой поднимая волосы и перебрасывая их вперёд.

Он видит перед своими глазами крутящуюся попку и тянет руку, но девушка неумовимо отстраняется и, повернувшись к нему лицом, медленно спускает бретельку платья сначала с одного плеча, потом с другого. Он проглатывает комок в горле, глядя на обнажённую грудь с торчащими сосками, и хотя несколько минут назад ласкал её, сейчас она представляется ему чем-то новым, неизведанным и очень желанным.

Держа спину прямо, безотрывно глядя в глаза Саше, она делает круговые движения бёдрами, и платье спадает к ногам. Он смотрит на прозрачные кружевные трусики, и из груди вырывается тихий стон. Она садится к нему на колени, трётся сосками о его голую

грудь, но стоит ему протянуть руки, как она резко отбрасывает их в сторону. И он подчиняется её танцу, чувствуя, что эта пассивность заводит его ещё больше, чем прикосновения.

Шёлк платья падает к твоим ногам, и я охвачен дрожью желания. Ты исполняешь своим телом музыку нашей любви, которая взрывает меня изнутри, наполняя нежностью к тебе, любимая. Я приму твою игру сейчас, чтобы потом распять тебя под собой, наслаждаясь безумным танцем наших тел.

Она извивается всем телом на его коленях, поражая Сашу своей растяжкой, когда перекидывает ногу через его голову. Её тело пластично, послушно малейшему движению, и он как кролик под гипнозом удава следит за ней, заставляя себя дышать. Её вызывающие движения бёдрами, животом вырывают у него глухой стон.

Ты стонешь, и меня пронзает молния удовольствия — значит, я делаю всё правильно. Я жадно тянусь к тебе всем телом, не давая возможности дотронуться до меня, а сама дрожу от страсти, которой наполняется в танце моё тело. Прикоснуться к твоей голой груди своими сосками, чтобы ещё больше зарядиться желанием; потереться о твою ширинку, почувствовать под тканью твоё возбуждение, чтобы пропустить через все свои мышцы трепет восторга от такой не интимной близости с тобой.

Она срывается в его колени, и под заключительные аккорды, изогнувшись перед Сашей, игриво шлёпает себя по попке.

И это было последнее, что он воспринял почти трезво. С рыком он бросается вперёд, хватая за талию и тянет к себе. Миг — и разорванные трусики летят в сторону. Он прижимается пылающими губами к её животу, слыша её прерывистое дыхание:

— Да, да! Ещё!

Колено одной ноги она ставит на подлокотник кресла, в котором он сидит, другую ногу забрасывает на спинку, и тает от его языка, вылизывающего её складочки и клитор, сжимается внутри, потому что жаждет быть заполненной им. Всё, что сейчас происходит, кажется ей естественным и прекрасным. Ногти Маши впиваются в его плечи и, когда его губы окончательно втягивают её клитор и волна оргазма сотрясает всё тело, она кричит, выгибаясь и прижимаясь к его губам ещё сильнее.

Он осторожно подхватывает её под спину, опускает на ковёр и хватая со стола кондом. Её оргазм длится и длится, губы беззвучно требуют продолжения, и он быстро входит в неё, продлевая её удовольствие и начиная своё. Ему хватает всего лишь нескольких движений, чтобы вновь принять от неё взрыв ответной страсти и самому на пороге потери сознания от пульсирующего ритма её жаркого лона взорваться мощно, страстно, выплеснув в хриплом крике всю свою любовь к этой девочке, подчинившей его себе.

Когда они, успокоенные и разомлевшие, лежат рядом, он поднимается на локте, нависает над Машей и, смотря прямо ей в глаза, чётко произносит:

— Я люблю тебя, Машенька. Давно и сильно.

Она проглатывает комок, который вдруг мешает дышать, и гладит его по щеке. Молча. Он замирает от неизбежного: сейчас она скажет, что ей просто хорошо с ним; что после увиденного на арене, она не может относиться к нему, как прежде...

— Саша, — шепчет она губами в губы, — я не смогу без тебя. Ты моя любовь!

Он прячет счастливое лицо в её волосах.

— Тебе понравился танец?

— Конечно! Только для меня. И только ты, — он на мгновение смущается, вспомнив об Андрее, но Маша тянет его к себе, требуя ласки, и он вновь погружается в мир страсти и нежности, где их тела едины и нет места посторонним мыслям.

Заключение.

Она просыпается поздно утром, когда зимнее солнце уже поднялось из-за горизонта и позолотило потолок спальни; рядом, лёжа на животе и обнимая подушку, крепко спит Саша. Она смотрит на его спокойное лицо и счастливо улыбается.

Их первая ночь всё-таки состоялась, и сон сморил их только под утро, когда все силы были исчерпаны, когда острое желание обладания поутихло и позволило просто лежать рядом.

Маша осторожно, чтобы не разбудить, проводит пальцами по волосам Морозова, почти невесомо касается его спины и останавливает руку на пояснице.

Она вспоминает, как всё начиналось, и не верит, что за несколько месяцев с ней могла произойти такая трансформация. Красавец Морозов, которого она не замечала ещё в начале сентября, ворвался в её жизнь тёмным ангелом, принеся страсть и нежность, счастье и беду. Он медленно, но вполне умело пробуждал в ней чувство любви. Эти первые в её жизни поцелуи в начале их встреч не вызывали в ней никаких желаний, просто были приятны и порождали уверенность, что она такая же, как все, теперь ещё и целованная. Это было такое детское самодовольство, что самой становилось за него стыдно. А Саша был терпелив: обнимал и целовал, когда чувствовал, что это необходимо, держался на расстоянии, когда понимал, что это заставляет её нервничать и самой искать с ним контакта. Он приучал её к своему постоянному присутствию, давал ей уверенность, что пока он рядом, с ней ничего не случится — он та стена, которая даст надёжную защиту. Он интересовался её жизнью, то незаметно вытягивая из неё признания о самом сокровенном, то провоцируя на подобные откровения. Ему всегда удавалось своей улыбкой поднять ей настроение, и она готова была прыгать вокруг него, как девчонка, лишь бы услышать его смех. Он нравился ей, но не так, как хотелось бы ему. Она могла поклясться, что вскоре его спортивный интерес перерос в интерес подлинный, потому что стала часто ловить на себе его задумчивый взгляд.

Откровенные разговоры о сексе не смущали её — всё-таки 21 век на дворе, но и не производили того эффекта, на который рассчитывал Саша, когда их заводил. Ничто в ней не отзывалось на его прикосновения и смелые слова, никаких бабочек в животе, никакого томления в груди, только благодарность, что он всё ещё возится с ней, не оставляет одну.

Первый звонок был, когда она в школе перехватила взгляд одной из девушек на Сашу. Он в тот момент во время разговора нежно провёл костяшками пальцев по Машинной щеке. Вот тут-то, случайно посмотрев в сторону, она и увидела взгляд Леры. Та смотрела на Сашу с таким желанием и с такой мукой, что Маша и сама как бы увидела его другими глазами: высокий, спортивный, безумно красивый, нежный и внимательный, он был предметом воздыхания многих старшекласниц, а выбрал её, Машу. Она вспомнила, как он выглядит без одежды, и именно тогда сердечко и стукнуло в первый раз.

А потом начались внутренние мучения, сравнение себя с собакой на сене: и сама не может полюбить, и его не отпускает от себя. Ей очень хотелось, чтобы он был рядом — это тешило её самолюбие, но вызывало чувство вины. И когда он поставил условие — никаких поцелуев, пока она не влюбится в него, она растерялась: разве можно полюбить по заказу?

Но тут же сама себя одёрнула: а можно целоваться с человеком, к которому не испытываешь сильных чувств? Разум утверждал — нет, а сердце подсказывало — можно, потому что это так приятно.

И вот так постепенно, шаг за шагом она приближалась к тому моменту, когда отрицать очевидное стало невозможно. Под небом Италии, остро ощутив отсутствие Саши рядом с собой, она впервые задохнулась от нахлынувшего на неё чувства любви. Захотелось вцепиться в его рубашку, уткнуться лицом в грудь, вдохнув его запах, и признаться, что не может больше без его карих глаз, что влюбилась бесповоротно, безоглядно... Тогда она еле дождалась возвращения домой, и когда увидела Сашу, ждущего её возле калитки, мрачного, насторожённого, чуть не задохнулась от счастья. И тот поцелуй, случившийся несколько минут спустя, она считала самым первым, потому что наконец-то ощутила всю его сладость и от него приятно запульсировало между ног.

Вот и сейчас она судорожно вдохнула воздух при одном только воспоминании о том поцелуе, и тут же её тело, всю ночь получавшее мужские ласки, снова было готово их принять. Маша осторожно прижалась к боку спящего Александра и закрыла глаза.

За что она его полюбила? Что он красив и лицом, и телом, она увидела, осознала уже давно. Что он заботлив и привык отвечать за свои слова, она поняла сразу. Что он интересный, умный собеседник с замечательным чувством юмора, тоже не было для неё секретом. Что же такое должно было произойти, какие химические процессы должны были сотрясти весь организм, чтобы она вдруг очнулась и взглянула на Сашу влюблёнными глазами? Чтобы поняла: он не просто притягивает её как сексуальный партнёр, а заставляет её восхищаться своими человеческими качествами?

Мысли путаются, и Маша понимает, что не будет больше размышлять над этой загадкой, потому что хочет быть просто счастливой и любимой. И как бы в ответ на это решение Саша поворачивается и во сне обнимает её, крепко прижав к своей груди. Улыбаясь, Маша закрывает глаза и проваливается в сон. Школа чувств пройдена — впереди университет отношений.

Больше книг на сайте — Knigolub.net